

МУГ
ХЕМ

литературно-
художественный
альманах

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

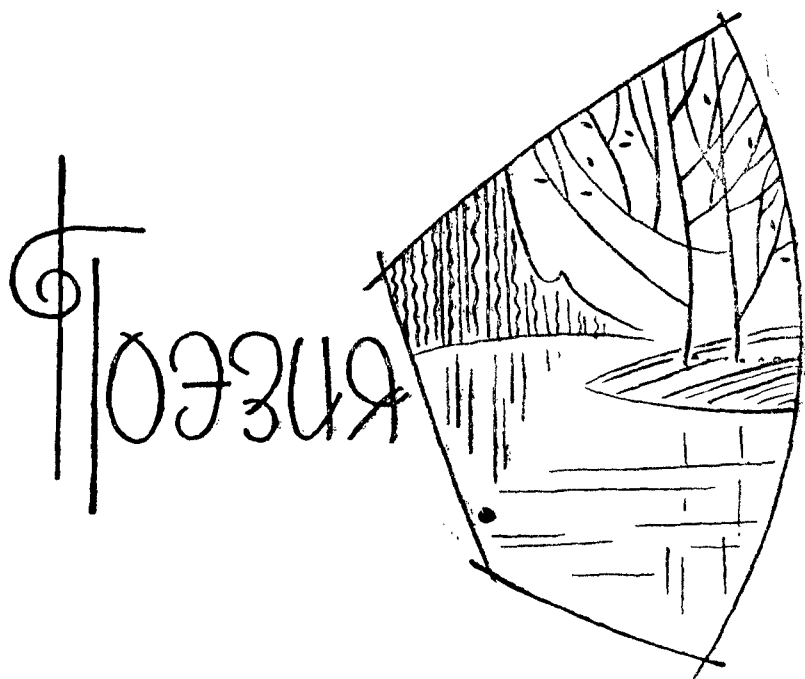
ММ. ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

00

*Тувинское книжное издательство
Кызыл—1969*

Сергей ПЮРБЮ

КЮЗЕЛЬ

(Лирическая поэма)

1. ЗИМНЕЙ ДОРОГОЙ

Пришла зима,
ведя с собой
ведой мороз.
Пошады нет:
упал
замерзший воробей.
Гуляет ветер
в юрте,
ветхой и худой.
Нам нужен
лес и дом.
Идет за возом воз,

Везут
 плоды труда,
 богатый урожай.
 Ушел сентябрь,
 окутан
 золотой листвою.
 Сереют
 луг и стень,
 и жалок караган,
 И осень свой
 снимает
 яркий хорагай¹.
 На юг,
 в путь дальний,
 улетают журавли.
 Вершины гор в снегу.
 Сошла краса земли.
 — Счастливый,
 добрый путь!.. —
 желаю журавлям.
 Но чем
 полна душа,
 того я не отдам.
 Пускай придет зима,
 ведя с собой метель, —
 А ты,
 как день весны,
 придешь, моя Кюзель.

ПРИДЕТ, УЙДЕТ ВЕСНА

Придет,
 уйдет весна.
 Не век ей зеленеть.
 И птичьим голосам
 в саду не все звенеть.
 Не раз услышим мы
 в осенней синеве
 Тоску разлуки в крике
 журавля.
 В осенний хмурый день
 в желтеющей листве

¹ *Хорагай* — парча.

Тревогу,
 боль свою
 расскажут тополя.
Над всем
 шатром нависнут
 кошмы серых туч,
Сквозь них не вырвется
 искристый, щедрый луч.
В буране,
 в спешной пляске
 завихрит зима.
А зимы здесь жестоки,
 знаешь ты сама.
Нускай придут пурга,
 морозы декабря,
Но ты со мной,
 моя весенняя заря.

ПОЭТУ

Потомки станут вспоминать тебя сердечно,
И память о тебе не пропадет во мгле,
И, как на скальные рисунки, будут вечно
Сиять следы, что ты оставишь на земле.

Стихам звенеть в веках. И будут люди мира
Внимать словам твоим, восторженно дрожа,
Твоих чудесных строк, как и меча Багыра,
Не сгубит тлен и времени не тронет ржа.

Пусть смертно все, и все подчинено забвенью,
Но не подвластен смерти истинный поэт.
И будут горы книг — твои стихотворенья —
Стоять курганным монументом сотни лет.

Как скульптор бьет в поту гранитную породу,
Так ты трудись, поэт, творя не на песке.
Чтоб острым быть перу, на мудрости народа
Оттачивай его, как ножик на бруске.

ЛЕНИНГРАДУ

Ленинград
 мне, как родной аал!
Дорог мне
 его проспектов гул.

Здесь я правды
азбуку узнал,
Здесь я
детства грань перешагнул.
Здесь изведал
чувств высоких ток
На пороге
юношеских дней.
Ленинград —
моей души цветок,
Пробужденье зрелости моей.
Здесь ко мне
впервые в Летний сад
На свиданье
девушка пришла.
Видел белой ночью
Ленинград,
Как была она
нежна, мила.
Ленинград
на первые стихи
Радостно меня благословил
И на берегу
Невы-реки
Мне вручил
поэзии игил.
Здесь на Мойке
песню о Туве
Я портрету Пушкина читал!..
О, великий город на Неве,
Ты мне дорог,
как родной аал!

СЕРДЦЕ

О сердце стихов написали немало.
Что я расскажу о своем?
Порой ты болело и грудь мне ломало,
И мы волновались вдвоем.

В пути я тебя торопил то и дело —
Ни отдыха не дал, ни сна.
Но ты не стонало, сквозь боль свою несл,
И радость та песня несл.

Спасибо тебе, что так страстно и рьяно,
Ты, сердце, грохочешь в груди,
Стучи же, как клавиши фортепиано,
И новые песни буди!

ВОЛНЫ УЛУГ-ХЕМА

Улуг-Хем, словно гривой копя,
Плещет в небо волной голубой,
За собой мое сердце маня
И мою увлекая любовь.

Ветерок пробегает, звеня,
Вдоль прибрежных кустов и камней,
За собой мою душу маня,
Вместе с ним летит мой хомей.

Обнимает обрывы поток,
Что-то берегу шепчет волна.
Луч заката упал на цветок,
И душа теплотою полна.

Все шумней Улуг-Хем предо мной,
Все тревожней в душе у меня.
Сердце рвется за буйной волной,
Вдаль любовь за собою маня.

Степан САРЫГ-ОЛ

АЛДЫН-КЫС

(Поэма)

ЧАСТЬ I

1.

Еду аалами, распеваю
Звонким хомеем над степью раздольной —
Сердце становится легким: невольно
Милую Алдын-кыс вспоминаю.

Пусто в лесу, но между ветвями
То ручейки, то речушки сверкают —
Все они стали моими друзьями,
Весело песне моей подпевают.

Кажется: даже угрюмые тучи
Смотрят на землю не так уж тоскливо.
Как загрохочут грозным огнивом —
Искры летят от ударов могучих.

Сердце, любовью переполняясь,
Радостной песней сильнее забьется.
Эхо, на песню мою отзываясь,
Звонко в окрестных горах расплеснется.

В чем мое счастье? Скажу откровенно:
Дочь Албагчи полюбил я навечно.
Родом откуда она? Я отвечаю:
Из арзайтинского Аржанныг-Хема.

Если ты даже галопом проскочишь
Через красивую эту долину,
Даже и взглядом окрестность окинув,
Здесь ты подольше остаться захочешь.

2.

В ущелье тесном, там, где скалы,
Седые, словно аксакалы,
Ведут с ветрами вечный бой,
И от ударов их пенцадных
Они в рубцах, как в шрамах ратных, —
Там Алдын-кыс живет зимой.

Порой там снежная лавина,
Срываясь вниз, на дно долины,
След, как дорогу, проведет.
И видно через дымоход,
Как недалеко от отары
Чунма¹ пасутся и архары.

А летом у подола гор
Она живет. Лесной узор
Распил их зеленью богато,
Как полы женского халата.
Те горы летом и зимой
Сверкают шапкой ледяной.

Ей огородом каждый луг:
Кандыг, саранку, горный лук —
Все Алдын-кыс пайдет на нем.
А разной дичи там — несметно! —
У рек, гремящих, многоцветных,
Кипящих жидким серебром.

— Вот наш Аржанныг-Хем. Привольно
На нем охотиться, пасти.
Здесь я детей моих растил
И духам гор, чтобы довольны
И щедры были, приносил
Дары, — отец ей говорил.

3.

Алдын-кыс у отца младшей дочкой росла.
Красотою невиданною расцвела.

¹ Чунма — козерог.

Нелегко написать ее полный портрет.
Набросаем хотя бы ее силуэт.

Словно пихта, росла она в гордом лесу,
Защитил он от бурь ее стать и красу,
В половодье ее не губила река.
Стан прямой ее тонок, а грудь высока.

Светлый облик ее! С чем сравнить его мне?
Разве только с горящим бутоном шепне?
Нет, я лучше сравню ее в этой строке
С земляникою, зреющей на бугорке.

Словно стража, ресницы на юном лице,
Словно строгий орнамент на древнем кольце...
Нет! Я лучше сравню этот четкий узор
С камышом молодым вокруг горных озер.

Как бесцветны, как бледны сравненья мои!
С чем сравнить мне теперь две косы Алдын-кыс?
Собоями у ней на плечах улеглись,
Опускаясь хвостами до самой земли.

Эта девушка никогда не была
Тем, что мы хохотушкой пустою зовем:
И скромна, и горда, а лицом так светла —
Как природа, умытая летним дождем.

Сколько в ней доброты! Этот ласковый взгляд!..
Щеки легким румянцем смущенья горят.
Если ты поглядел на нее только раз —
Снова ищут глаза теплоту этих глаз.

Как опрятна она! Кто встречал ее — тот
Не поверит, что девушка в юрте живет,
Вместе с дымом и сажей, летучей золой —
Так чиста, так светла, как цветок полевой.

Нет! Она не из тех белоручек-княгищ,
Что брезгливо лицо свое прячут в рукав,
Лишь завидев работу. И не Дарийги —
Та все молится с четками в праздных руках.

Труд ей с самого раннего детства знаком.
В степь девчонкой ходила с отцовским скотом.

Разводила огонь и готовила есть —
Но пылинка не смела на платье ей сесть.

Много у Алдын-кыс и друзей, и подруг.
Знают в Аржанныг-Хеме ее и вокруг.
Даже песен немало сложили о том,
Как трудиться умеет, как скачет верхом.

«Камни в Аржанныг-Хеме срываются вниз —
Это скачет на Серке своем Алдын-кыс.
Эхо звонкое рвется в бескрайнюю высь —
Это песню зацела в горах Алдын-кыс.

От аржанныг-хемских камней
Стали тверже копыта у наших коней.
От горячей работы у Алдын-кыс
Щеки алой зарей навсегда занялись».

И нужна, и надежна, как береста
Для растопки. Чиста, словно песен ключи.
Вот какая красавица выросла в наших местах —
Дочка старого, бедного Албанчи.

4.

В хошунах по соседству и в сумонах
Парней немало, в Алдын-кыс влюбленных.
Чурбаном надо бессердечным быть,
Чтобы такую — да не полюбить!

Родители парней — не дураки:
Чуть кто хлебнет глоточек араки,
Руками сразу машут и кричат:
— В невестки бы ее заполнить!

Конечно, если бы она была
Болтушкой, легкодумной и пустой —
Давно бы в первый встречный чум ушла
И стала бы хозяйкой и женой.

Нет. Алдын-кыс свободна и легка,
Как зорька летней утренней порой.
Но почему в глазах ее порой
Какая-то глубокая тоска?

От женихов у ней отбою нет.
Приходят, говорят все об одном.

Ни слова, ни улыбки им в ответ,
Лишь взор ее печальней с каждым днем.

Зачем ей так терзаться и страдать?
Не говорит — попробуй отгадать.
Вот начался и ропот меж парней:
Да что такое, в самом деле, с ней?

Ее отказ всех очень омрачил.
Но чаще всех справлялся неустанно
Об Алдын-кыс сын друга Албанчи,
Почтенного и старого Баяна.

Он с детства рядом с нею был всегда,
Крепыш бронзоволицый, загорелый,
Он рос, как богатырь, прямой и смелый,
Силач, наездник — парень хоть куда.

5.

Темнеют степь и небеса, и где-то далеки
Из рваных чумов, как глаза, моргают огоньки,
И всяк по-своему моргнет, и, закрывая свет,
Летучей мыши промелькнет пугливый силуэт.

Вот белый-белый лунный ком из-за скалы блеснул,
Как будто кто-то молоком на круглый шар плеснул.
Он осветил поляну вдруг и слок хоровод —
Там молодежь, собравшись в круг, смеется и поет.

Бурлит веселье, как река, но смолкло все опять:
Ни пороха, ни шепотка, ни звука не слышать.
И смех, и шум оборвались, и в полной тишине
Рванулась дружно песня ввысь, к сверкающей луне.

«Не видать Серка, ребята,—
Значит, в юрте Алдын-кыс.
В седлах парни и девчата
Ее что-то заждались.

В новолунье месяц яркий.
Поиграем, попоем.
Чье, ребята, сердце жарче,
У кого горит огнем?»

«Что, утес Арзаатинский,
Засмотрелся на поля?
Что печальна, Алдын-кыс, ты —
Ищешь, правда где твоя?»

Что томить коней крылатых
В ожиданье Алдын-кыс?
Уж на севере, на скалах,
Птицы песней залились.

Степь, как бубен, загудела
Под ударами копыт.
Песня, весело и смело,
Замирая, в степь летит».

Все умогло. Пес не тивкнет.
Не слышать ничьих шагов.
Лишь архар медведем рывкнет,
Устрашая всех врагов.

Алдын-кыс наблюдала, укрывшись за елью,
Как при свете луны веселились, играли
Все подруги ее. Звонкий смех и веселье
Поцелуем горячим ее обжигали.

Так хотелось с друзьями повеселиться!
Но подумала: в старой игре на поляне
Есть такое, с чем ей никогда не смириться.
В лес ушла, отпустила коня на аркане.

И пошла тропинкой молча.
Вдруг раздался стук копыт...
Кто еще там скачет ночью,
Удилами конь звенит?

Ей навстречу конь бодрее
Запахал. Вот поравнялся.
Всадник спешился и, с нею
Поздоровавшись, замаялся.

— А, экии! Поздненько скачешь.
С ойтулаша¹, не иначе?
Хвастал удалью и силой?—
Алдын-кыс в ответ спросила.

¹ Ойтулаш — гулянье.

— Нет, теперь мне не до смеха.
Извините, вы неправы:
Стороною я объехал
Эти праздные забавы.

Мы, верхнечайлагцы, любим
И веселье, и гулянье,
Но сегодня едут люди
Не с гулянья, а с собрания.

— Ах, вы там сегодня были?
До чего ж договорились?
Может, там поставили,
Чтобы здесь вы очутились?

Все же улыбались губы
На лице лукавом, юном,
И поблескивали зубы
У нее в сиянье лунном.

Так на парня посмотрела —
Сердце вспыхнуло от счастья,
Словно солнце все согрело
После долгого ненастья.

— Приезжал инструктор снова.
Был у нас опять серьезный
Разговор о жизни новой,
О поселках, о колхозах.

Алдын-кыс, моя родная!
Вот уже настало лето.
Алдын-кыс! Я ожидаю
Долгожданного ответа.

Почему ж ты побледнела?
Почему ж ты смотришь вниз? —
Да, слова его, как стрелы,
Прямо в сердце ей впились.

На него не посмотрела
И пошла, как с тяжелой ношей...
Он догнал ее. Несмело
Пригласил к себе на лошадь.

Алдын-кыс не отвечала,
А потом остановилась,
К лиственнице прислонилась
И, задумавшись, молчала.

Тучи по небу летели,
Ветки гнулись и качались,
И от них тревожно тени
По лицу ее метались.

Все-таки Баир заметил,
Что в глазах ее слезинки
Вспыхивали в лунном свете
И мерцали, как росинки.

— Я сама еще не знаю.
Мне тебе ответить печем.
Торопливо все решая,
Жизни можем искалечить.

Не сердись, Баир. Ну, что ты!
Я скажу: да или нет.
Твердый и бесповоротный
Будет дан тебе ответ.

Уезжай.— Но подошел он
И молчал, не уезжая.
Вот заговорил — и голос
Прерывался и дрожал.

— Алдын-кыс! Что ты скрываешь?
Неужели все забыла?
Может, просто мной играешь?
Иль другого полюбила?

Алдын-кыс! Ну, сколько можно —
Двадцать или тридцать лет —
Говорить, и все о том же —
О словах «да» или «нет»?

Посмотри-ка на ровесниц:
Те во всем разобрались.
Все с дружками в юртах вместе,
Все скотом обзавелись.

— Я сама хотела знать бы,
Как мне быть, на что решиться.

Как услышу слово «свадьба» —
Так сильней хочу учиться.

До свиданья! Отправляйся
И обдумай все, как надо.
На меня не обижайся, —
И взглянула добрым взглядом.

Очень ласково и нежно
Алдын-кыс с ним говорила,
А липо так близко было,
Что проснулась в нем надежда.

Он скорее к ней рванулся,
Чтоб обнять, пока не поздно,
И... едва не растянулся,
Обхватив руками воздух.

Белкой выскользнула юркой,
Спряталась в тени за юртой.
Не решился догонять он —
Так стоял, раскрыв объятия.

Алдын-кыс вдруг ослабела,
За березу ухватилась.
Сердце так тревожно билось,
Словно вырваться хотело.

Неужели в этот вечер
Больше он не подойдет?
Не положит рук на плечи?..
Сердце мучается, ждет.

В предрассветной тишине
Песнь Байра раздастся:
— Верный конь не поскользнется,
Друг мой не изменит мне.

Что любимому ответить?
— Раньше у березы ветви
Высохнут, чем разболтаю,
По кому я так страдаю.

Много чувств и дум заветных
Алдын-кыс переполняло.
Шла домой. Кукушка где-то
Ей сто лет накуковала.

Тоска совсем Баира песушила.
 Красавец и сплал, он как-то вдру!
 Осунулся. И — где бывшая сила?
 Так ослабел — все валится из рук.

И после памятного разговора
 Ему еще не раз случалось встретить
 Свою любовь, и снова он упорно
 Ее просил — «да» или «нет» ответить.

Но Алдын-кыс с ответом не спешила:
 «Подумай», «подожди» — она просила.
 Что делать, если ждать нет больше силы?
 Любимой написать письмо решил он.

«Любимая! Часть сердца моего!
 Не знаешь ты, как я теперь страдаю.
 И день, и ночь ответа ожидаю —
 Но, кроме мук, не знаю ничего.

Я никогда тебе не говорил
 О них. Не мог. Мне гордость не велела.
 А может, просто слишком скромным был.
 Но все теперь отбрасываю смело.

Ведь даже и преступника судить
 Никто не вздумает без показаний...
 Не в силах больше выносить страданий,
 Все сердце я хочу тебе открыть.

Ты — друг мой и мучитель мой любимый,
 Так оживи меня или казни:
 Болит душа. От боли нестерпимой
 Бесцельно гибнут молодости дни.

Девичье сердце разгадать не просто,
 И если я не в силах разгадать —
 То как могу себя я осуждать
 За все мои докучные вопросы!

В моей груди не гаснет никогда
 Огонь любви. Я, как пустыня, выжжен.
 Есть не могу — не лезет в рот еда.
 Да что там — света белого не вижу!

Под этим солнцем только твой ответ
Вернет мне жизнь, и счастье, и здоровье.
Но сердце, полное к тебе любовью,
Убить ты можешь черным словом «нет».

Давно уже вокруг об Алдын-кыс
Все говорят, как о моей невесте.
Давно уже родные заждались
Нам юрту подарить, чтоб жили вместе.

Томится сердце тяжестью безмолвья
И вынести ее не сможет вновь,
И, как награды, ждет, что ты любовью
Большой ответишь на мою любовь».

7.

Алдын-кыс посланье прочитала
И еще задумчивее стала:
В юрту днями вовсе не заходит,
Все в лесу да возле речки бродит.

Ей в горах знакомых стало душно,
На родных чайлагах стало тесно —
На утес вскарабкалась отвесный,
Но и там — кому откросишь душу?

На вершины гор сквозь облака,
Как сквозь шторы, Алдын-кыс смотрела,
И, чтобы уменьшилась тоска,
Вместе с ветром тихо песню пела.

«У талин сережек много,
Птицы их не замечают.
У меня раздумий много —
Как друзья о них узнают?»

Тяжела весною наледь
Для горячих лошадей.
Кто любил хоть раз — тот знает:
Нет страданья тяжелей».

Много и тревоги, и заботы
Вызвало письмо у Алдын-кыс,
Словно ей шептал незримый кто-то:
Не тяни с ответом. Торопись.

И она ответ не задержала.
Ночь над ним сидела, не спала.
Все, о чем мечтала, чем жила,
На восьми страницах написала.

«Написанное тобою
Прочла — в нем сердца пожар.
Я верю: чистой любовью
Томится твоя душа.

От чистой любви не буду
Прятать чувства свои:
Я и сама минуты
Не прожила без любви.

Любить — не играю детской
Потешить себя на срок,
А вырастить самый чудесный,
Неповторимый цветок.

Много ли курам проку
В траве? Находят зерно.
Сожженная степь и протока —
Для уток не все равно.

Юность в одно мгновенье
Закружит, как жаркий вихрь, —
И юрту без промедленья
Поставит для нас, двоих.

Но будут ли счастливы люди,
Не думающие ничуть,
А что у них завтра будет.
Какой предстоит им путь?

Не стоит впадать в умиление:
Мол, раньше-то старики
Вот жили! Я свое мненье
Скажу, старине вопреки.

Жить, как все предки жили, —
Не взрадуешься судьбе.
Кто они в прошлом были —
Я напомним тебе.

Отец мой, дед мой и прадед —
Как довелось им жить?

Ради еды. Только ради
Того, чтоб детей прокормить.

Уход за скотом, охота
Поглощали все дни.
Ни радости, ни заботы
Другой не знали они.

Теперь не отыщешь логов,
Где юрты их не стояли.
Извели все, что плохо,
Все трудное испытали.

Едва одеты, обуты,
Круглый год кочевали.
Дырявые, войлочные юрты
От морозов не согревали.

Как звери от облав, скрывались
В ущельях, глухих и темных:
Боялись поборов, боялись
Своих и чужих нойонов:

«Берегись дорог казенных!
Лучше одному остаться
На чайлаге отдаленном,
Чем с нойоном повстречаться».

В труде надрывали силы,
А где следы их трудов?
Даже и от могил их
Не отыщешь следов.

А если бы жили оседло —
Остались бы города...
Но все исчезло бесследно,
Бесследно и навсегда.

Вон, среди скал, хранится
Строенье — очень давно:
Не человеком, а птицей
Построено было оно.

Искала я скот и вышла
На это гнездо орла,
И много вокруг изгнивших
Стрел и силков нашла.

Там череп — высохший, белый —
Лежал на вершине отрога...
Когда на него смотрела —
Думала я о многом.

Может быть, голову деда
На этот высокий утес
Орлятам своим пообедать
Орел могучий принес?

Что ж — лучше для дела, быть может,
Над родиной так подняться,
Чем, пугая прохожих,
У дороги валяться.

С охотником-дедом привычно
Встречался хозяин скал:
Остатки его добычи
Часто в гнездо таскал.

И, может быть, череп деда,
Увидев, принес сюда —
Недалеко от гнезда —
Как память друга, соседа.

Долго искать не надо
Своих знакомых орлам:
Страшные эти клады
Разбросаны по холмам.

Поверье такое было,
Что духам угодней тот,
Чье тело скорей из могилы
В неизвестность уйдет.

Дед мой, в горах кочуя,
Может, на этой тропе,
Песню народа простую
Не раз, задумавшись, пел:

«Одному жить — ох как трудно!
Лучше б мне орлом родиться:
На утесе неприступном
Вил бы я гнездо, как птица.

Как увидеться с друзьями?
Если б соколом мне стать —

Над горами, над степями,
Как стрела бы, мог летать».

Кончились годы рабства,
Ушла невежества мгла.
Родина все богатства
В руки нам отдала.

Жить я теперь мечтаю
В городе или в селе —
Там, где дружба большая:
В дружбе люди сильней.

Может, само собою
Отпадет, наконец,
Прошлое — как весною
Падает шерсть с овец?

Нет. Живучи понятия
Кочевого уклада.
Чтобы из жизни убрать их —
Жизнь переделать надо.

Нового солнца пламя
Очистило небо над нами,
Но прошлой жизни привычки
Застряли у нас в косичках.

Что ж, так и будем вечно
Вьюк старины тащить?
Грамотным людям легче
И работать, и жить.

Если мы так и будем
Юрты таскать за собой —
Не расстанутся люди
С грязью, дымом и тьмой.

Неужели я буду
У голода на поводу —
У лошади или верблюда,
Отыскивающих еду?

Я знаю, что скот — богатство.
Но если жить для скота —
Могут навеки остаться
Мученья и темнота.

Посмотри: пад тобою
Новой жизни восход,
Вместе с напей любовью,
Разгораясь, растет.

Посмотри, сколько света
В окнах новых домов!
В них зимой, будто летом,
Много разных цветов.

А вечерами окна,
Как звезды в небе, горят.
На улицах долго не молкнут
Песни парней и девчат.

Чувства любовью светлой
И наши сердца зажгут,
Если, живя оседло,
Новый познаем труд.

Но я тебя не неволю,
Не притесняю к скале.
Хочу, чтобы новую долю
Начали мы на земле».

8.

Прочтя письмо, Баир без промедленья
К своей любимой сразу поскакал,
И про себя дорогой повторял:
— Ну, кажется, закончились мученья!

— Да ты совсем меня не поняла!
Вот так давно бы все мне разъяснила!
У нас стремленье, молодость и сила,
И нам везде отыщутся дела.

Пожалуй, можно и в колхоз войти.
Уедем в город, если захотим.
Пойдем в сумон, распишемся в Совете —
И хоть куда, свободные, как ветер!

Она Баира слушала, молчала.
Вздыхнула. Головою покачала.
В глаза его счастливые взглянула...
— Ну-ну!.. — в ответ с презреньем протянула.

С травы поднявшись, взглядом обвела
Окрестности. Что было ей роднее?
Ее Аржанныг-Хем был перед нею.
И с гордостью она произнесла:

— Взгляни, прекрасна наша сторона.
Ее необозримые просторы,
Ее ручьев поющие узоры...
А дичью всякою — полным-полна!

Как косы девичьи — леса густые.
Озер и рек у нас не сосчитать.
И птицы, прилетев в края родные,
Не очень-то стремятся улетать.

Подумай: сколько разных в нашем крае
Богатств — снаружи и внутри земли!
Как будто наши предки, умирая,
Приданое для нас приберегли.

Не тут ли, если очень постараться,
Хорошему колхозу расцвести?
А может, мы с тобой, как тунейдцы,
Вдруг на готовенькое налетим?

Уж если здесь, в родном Аржанныг-Хеме,
Не будем строить мы дома и семьи,
То кто же здесь жизнь новую построит?
И о любви тогда болтать не стоит.

Подумай над словами песни старой.
(Дед цел ее, бродя в горах с отарой).
Они просты по форме и негромки,
Но в них — напоминанье нам, потомкам:

«Край родной, Таанды, оставишь —
Век охотником не станешь.
Клятву другу позабудешь —
Без семьи весь век свой будешь».

Баир молчал. Рукой затылок трогал.
Глаза смущенно кверху поднимал.
И мысленно ругал себя так строго,
Что до сих пор ее не понимал.

И вот теперь, за каждую строкою
Ее письма, ему открылся смысл.
Как будто прикоснулся он рукою
К пылающему сердцу Алдын-кыс.

Казалось, что еще сильнее стал он.
Как будто спала с плеч его гора,
Как будто трудный узел развязал он,
Завязанный ее письмом вчера.

Он молча посмотрел в ее глаза,
Как будто с ней впервые повстречался.
— Что ж, до свиданья,— только и сказал
И сразу, на коня вскочив, умчался.

9.

Перевалы и долины
Днем и ночью не стихают.
От копыт от лошадиных
Только искры отлетают.

На горах, на солнцепеках,
Рев козлиный не смолкает.
Гомон птиц слышать далеко:
Все живое шум пугает.

Раньше скажешь о хурале —
Тот в горах, те захворали,
А теперь таких едва ли
Сыщешь: все активны стали!

Шмыгали меж юрт, шептались,
Обсуждали сплетни, слухи,
Даже к духам обращались:
«Вразумите нас, о, духи!»

— Три овечки на арата!
Остальное — байырлык!..
— Я порежу скот!.. Куда там!
Захотел в тюрьму, старик?

— Даже дочери на свадьбу
Скот не сможешь подарить!
Вот бы точно все узнать бы!
Может, всех скорей женить?..

Выбьет искорку огниво —
От нее костру пылать.
Перед силой коллектива
Старше не устоять.

Вскоре, на большом хурале,
Обсуждали все пути.
Дружно проголосовали
На оседлость перейти.

СЛОВА

*(Обращение к молодежи
в юбилей автора)*

Молодость и красота —
Ввысь летящие слова.
Неизвестность и мечта —
Вдаль манящие слова.

Ну, а старость, седина?
Кто словам подобным рад?
Что ж! — Есть осень и весна,
Есть восход и есть закат...

Все подвластно ходу лет,
Все увянет в свой черед.
Кто оставил добрый след,
Тот вовеки не умрет!

Лень и праздность —
нет нигде
На Земле
страшнее слов.
Проявить себя в труде
Каждый должен быть готов!

ПУСТЬ НЕ СТАРЕЕТ СОТНЮ ЛЕТ!

Все наслаждаемся, друзья,
Мы пеньем Кара-кыс родной,
Как сладким пеньем соловья
Охотник в стороне лесной.

Чудесным голосом звеня,
Чарует песен красотой.
Одна к ней просьба у меня:
«Пой, дорогая наша, пой!»

Реке бурливой Элегест
И праху матери — Нэтнит
Народ наш кланяется весь
За ту, что радость нам дарит.

Танды хребты, Саин хребты
Услышат пенье Кара-кыс —
И распускаются цветы,
Ручьи, танцуя, мчатся вниз.

Поет родных полей простор,
Луга, где тучные стада,
И в чанах голубых озер
Волнуясь, пенится вода...

Пусть не стареет сотню лет
Чудесный, чистый голос твой!
Прими сердечный мой привет!
На радость всей Отчизне — пой!

ЕСЛИ Б НЕ ОНИ...

День сегодняшний, который
Приоткрыл нам счастья дали,
Не матросы ли с «Авроры»
В Октябре завоевали?..
Не его ль в огне пожарищ
Нес Корчагин сквозь невзгоды?..
Если б не они, товарищ,
Мы б не ведали свободы.

Днепрогэс возник подковой,
Дерзко согнутой, тугою.
На Амуре город новый
Приподнялся над тайгою.
Молодежь шла на заводы
Под знаменами святыми..
Если б не они, то годы
Были б мы неразвитыми.

В час беды сыны с отцами
Уходили с фабрик в роты,
И Матросовы сердцами
Закрывали пулеметы.
Шли герои, героини
Сквозь свинцовые метели..
Если б не они, то ныне
В космос мы б не полетели.

И сегодня, так же смело,
Дети воинской победы,

С честью продолжают дело
Матерей, отцов и дедов.
Их дела бессмертьем мерьте,
Подвиг их всем миром признан...
Если б не они, поверьте,
Не построишь Коммунизм нам.

В ЧЕСТЬ СТРОИТЕЛЯ

Ясной летнею порою,
Только небо рассветло,
Молоток спешит с щилою
Строить новое село.
Вы на окна посмотрите,
На наличники в резьбе...
Ставя новый дом, строитель
Ставит памятник себе.

Циркнет он стекло алмазом,
Виравит в белый переплет, —
И окно блестящим глазом,
Словно девушка, моргнет.
Через год, другой над нами
Сотни окон вспыхнут тут.
Разноцветными огнями,
Словно Родины салют.

Этажи расправят плечи,
Заалеют кирпичи —
Понесут дома навстречу
Новым жителям ключи.
Сколько зданий без помарок —
Каждый корпус на виду.
Это — Родине подарок,
Это в камне — гимн Трудю.

Как верблюд качая шейю,
Кран шагает взад-вперед —
С каждым часом хорошея
Поднимается завод.
Здесь умелыми руками
Стены сложены опять,
В честь строителя веками
Им, как памятник, стоять.

СИЛЕН ШАХТЕР

Есть на свете камень черный —
Так могуч он, так силен,
Что, и в топку заключенный,
Тащит поезд в тыщу тонн.

Но шахтер сильнее, чем камень, —
Он дробит его руками.

Черный камень алой итицей
Затрепещет вдруг в ночи —
От его огня водицей
Сталь польется из нечи.

У шахтера, коль взглядеться,
Пламени не меньше в сердце.

Черный камень... Нет на свете
Камня равного ему:
Он и греет, он и светит,
Разгоняя в доме тьму.

Без шахтера бы веками
Он лежал в могиле — камень.

Черный камень, он народу
День и ночь служить готов —
Он и мускулы заводов,
Он и солнце городов.

С ним свернуть мы можем гору,
Но... подвластен он шахтеру.

ЛЕНИН И СВОБОДА

Свобода!
Сколько за нее на свете
Отважных, буйных сложено голов!
Восставших ждали эшафот, и плети,
И заунывный рокот кандалов.
Так продолжалось долгие столетья,
До Октября казался вечным гнет.
До Ленина делились на планете
Все люди на рабов и на господ.

Свобода!
Никогда сама собою
Она, как утро, не приходит в дом.
Ее оружием добывают с бою
Герои, закаленные трудом.
За Лениным пошел народ России
И, ощутив прилив могучих сил,
На удивленье всей Земле — впервые
В сраженье за Свободу — победил!

Свобода!
Ленин всем земным народам
Своей победой путь открыл вперед.
С приходом теплых дней цветет природа,
Приход Свободы радует народ!
Свободу тучи черные не спрячут
Ни от аратов, ни от горожан.
С ней воздух стал приятнее и мягче,
Вода целебной стала, как аржан.

Свобода!
Мы свободны, мы крылаты.

Нам крылья счастья Лениным даны.
Сильна Страна Советов и богата,
И мы — хозяева своей страны!
Мы не забыли ленинских заветов:
Народу, что за правду бой ведет,
Всегда готов помочь Союз Советов,
Неважно — малый или большой народ!

Юрий КЮНЗЕГЕШ

С ВЫСОТЫ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Сильнее советского нет человека —
Он знает и стройку, и пороха дым,
И мир переделал за эти полвека,
И встретил октябрьский наадым
Со зрелым умом и с огнем молодым.

К свободе нехоженой шел он тропюю,
Под ливнем свинца, под огнем батарей,
И кровью, что пролил на поле он боя,
Окрасил знамена Отчизны своей
И алые зори на лицах детей.

И Серп свой, и Молот в огне закаленный
Не выпустит он из натруженных рук,
Чтоб крови и горя не знали миллионы.
Всем людям планеты товарищ и друг
Куст и не штык, и не меч он, а плуг.

Он первопроходец космической эры,
Отметил полвека великих побед,
Свой герб прикрепив на груди у Венеры.
Вселенная слышала, слышала весь свет,
Как он пятьдесят своих праздновал лет.

* * *

Любил читать я у ручья.
Но как-то раз она пришла,
Спросила, не скучаю ль я?
И книгу у меня взяла.

За книгой долго к ней ходил,
Хотя всему бывает срок.
И я над нею подшутил —
Забрал на память перстенок.

Ну, думал, станет укорять.
Мы с ней сидели на лугу.
Она ж — молчит. Ее понять
Я, хоть убейте, не могу.

Померкла радость летних дней,
Тоскливы стали вечера...
Решил письмо отправить ей,
Мол, нам увидиться пора.

Мечтал, когда она придет,
То сразу спросит перстенок.
Ведь как-никак, а целый год
Я с нею встретиться не мог.

И вот — передо мной она.
О, ветер, ты хоть робость сдуй.
Скажу ли, что она должна
За перстень выкуп — поцелуй?

ОГНИ ЦВЕТОВ

Цветов огни в приветливой Туве
Зажглись вокруг, под высотой просторной.
И жаворонок, тая в сневе,
Звенит прохладной песенкой задорной
О милой, о цветочном торжестве.
И я, смежив ресницы в полусне,
Увидел солнцем обнятые степи,
Леса в родной смолистой стороне,
Кипучих горных рек великолепье;
Запевы птиц расслышал в тишине,
Верблюдов топот услышал в песках,
И с песней чабана взлетел, взволнован...
Косули крик в густых кустах леска
И тракта гул... Тоска моя, тоска!
Тебя не удержу, не скрою снова!
Любимую увидеть я готов,
Да не узнаю уголков знакомых.

И ты захочешь посидеть в тени,
Набросивши прохлады одеяло.

И слушая, как птица просит: — Нить!..
Ты весь замрешь от неги и от лени,
И голову невольно на колени
Захочешь небу преклонить.

2.

Собирая ягоды в лесу,
Подойди к деревьям чуть поближе —
Осень так похожа на лису,
Что бежит в облезшей шкуре рыжей.

Горные хребты, озера эти,
И небес задумчивая тишь
Сквозь листвы разреженные сети
Позовут — и ты не устоишь.

3.

Когда белковать по лесам
Пойдешь ты на лыжах с рассветом,
Деревьям негаданно сам
Ты выдохнешь песенку эту:

«Хочу быть иволгой лесной,
Чтоб петь в лесу моем весной,
А у моей подружки
Хочу серьгой быть в ушке»...

4.

Словно к другу придешь ты весной
В юный лес, где проснулись цветы,
И свою сторонкой лесною
От души залюбуешься ты.

И ворвется в молчанье вселенной
И твой голос, и птиц голоса:
«Вечной песней моею нетленной
Оставайтесь, родные леса».

Олег СУВАКПИТ

* * *

На снегу мы наследили.
Но куда же мы ходили?

То спускались мы в овраг,
То бродили по сугробам.
Нам любой не страшен враг,
Ни озноб и ни хвороба...
Веткой наши имена
В снег вписали... вот те нá!..

Право слово, посмотри:
Мы резвились до зари.
Вот так здóрово: ведь мы
Не заметили и тьмы!

Алдын-оол ДАРЖАА

ПО СЛЕДАМ ИЛЬИЧА

(Цикл стихов)

1. ИДУ ПО ШУШИ

Как счастлив я, что вот иду по Шуши,
Иду, как по истории самой...
Волнение охватывает душу
И закипает творческой волной.
Здесь памятью о нем земля полна.
Хранит следы его великих буден.
Как согревает сердце мне она
Безмерной ленинской любовью к людям!

2. МУЖЕСТВО СЕРДЦА

Как войлок старый былых кочевий,
Дома устали и помрачнели...
Не знали в молодости, наверно,
Что жил он здесь — Человек бессмертный.

Одет был так же и ел все то же,
Казался всем на других похожим...
И дом крестьянский не знал, конечно,
Что станет правды жилищем вечным.

Но ссылка царская не сломила
Его упорства, великой силы.
Он знал: слабеет мир заточений,
Как ветхий войлок былых кочевий.

Он был таким же, как все в России —
Лицом, одеждой, как все другие, —
Но правда вечная в том, что сердцу
К народным бедам не притерпеться.

Да, правда вечная в том, что с корнем
Он вырвал мир нищеты покорной,
И люди в новом, рабочем братстве
Нашли невиданное богатство.

И правда вечная в том, что в этих
Домишках, в первые дни столетья,
Великим мужеством сердце билось
И в наши светлые дни стремилось.

3. НА БЕРЕГУ ШУШИ

Синеет лед.
То там, то здесь его волнами прорывает.
А облако над ним, как серебро, плывет —
И проплывает.
Весна вечна:
Когда рождался век, волнами льдины рвало,
И так же облако, движением челна,
Неспешно проплывало.

А он смотрел, как шла ледовая возня,
На талом берегу и звон, и шелест слышал,
И шапку зимнюю неторопливо снял,
И встал — над облаками, выше!
Сестра кандалников, река
С себя сбивала лед — тяжелые оковы,
Рвалась к рождению далекого цветка,
Как кровь живая, огневого.

И подсказал, возможно, ледоход
Сравненье с тем, о чем все время думал ссыльный:
Вот так народ все цепи разобьет,
Воспринет, радостный и сильный.
И, может быть, тогда он сроки подсчитал
До справедливого, решительного боя,
Когда народный гнев, как пламенный металл,
Обломки льдов размочет.

4. ВЕЧНАЯ УЛЫБКА

Поверхность озера, как вата, —
Повсюду белый, чистый снег.
Перово — родина пернатых —
Назвал то место человек.

Кругом, как девушки-невесты,
Сосенки стройные стоят —
Стоят, и ждут, и верят честно
Всему, что ветры говорят.

Стоят до времени, до срока,
Когда уйдет тяжелый лед,
И озеро, вздохнув глубоко,
Их красоту себе возьмет.

Помчатся дни, и ветер звонкий
Заговорит среди ветвей —
И станут стройные сосенки
Еще юней, еще стройней...

Обыкновенные сосенки.
Не чувствуют, не говорят...
В смоле душистой, в ветках тонких
Улыбку Ленина хранят.

Когда скользнут лучи по меди
Сосновых солнечных стволов,
Смотрю: сквозь них улыбкой светит
Бессонность глаз и светлый лоб.

С историей не стану спорить.
Необратим столетий ход.
Но вечной, сквозь пласты историй,
Улыбка Ленина пройдет.

ПРОСЛАВЛЯЮ РОДИНУ

Я думаю, славя Отчизну, —
Глубоко взволнован и строг, —
О светлой романтике жизни,
О радости трудных дорог.

Беспечного детства забавы
Из дальней встают синевы.

Я помню душистые травы,
Родимое небо Тувы.

И первые сказки и были,
И мир, изумивший меня,
Который мне буквы открыли,
Немые до этого дня.

Я Родину славлю, и значит —
Я вместе с народом моим
Единым движеньем охвачен,
Стремленьем одним одержим.

Люблю я Отчизну до боли
И счастлив, что каждой весной
Колосья колышутся в поле
Упругой и плотной волной.

Что любо скоту на просторах,
Резвей не отыщешь ягнят,
Что ожили тихие горы,
Где гулко заводы шумят.

Отчизна! Сверкающий новью
Восходит твой день трудовой.
Я нежности полон сыновней,
Я твой, моя Родина, твой!

Алексей ХУУРАК,
Светлана КОЗЛОВА

ИСПАНЕЦ

(Поэма)

В море гудит
Бешеный вал...
Кто осмелится в рейс идти,
Если так близок шквал?
...Завтра, к рассвету,
Попутного ветра
Дождусь я и в море уйду.
Встреча мне с ним не впервые —
Сквозь бури морские
Дорогу найду.
И подарю,
Что тебе берегу я:
Эту вещь дорогую
Для тебя лишь одной я храню —
Ла фе*!

Песня московских студентов-испанцев.

1.

Изжелта-зеленые и серые
Польские равнины за окном...
Бодро поезд километры меряет:
Тысяч семь — и недалек наш дом.
Размечтаешься — и ясно видятся
Горные вершины в синеве...
Но в купе с артистами-тувинцами
Едет посторонний человек.
Курит сигареты незнакомые,

* *Ла фе* — по-испански верность.

Что-то не по-русски бормоча.
Как цыган, он черен и курчав...
Далеко ли,
Близко ли от дома он?
Как на кедрах в сентябре орех,
Светлой бронзой отливают кожа...
Кто он?
Спасшийся от тюрем грек?
Африканец?
Непохоже...
Он глядит в окно.
Но вдруг — рука
Прочь отбрасывает зажигалку,
И слова,
Каким-то жадным залпом:
— Друг, товарищ, нет ли огонька?
— Есть, конечно.
— А куда вы едете?
— Из Варшавы мы — домой, в Туву.
Усмехнулся:
— Стало быть, соседи...
Из Мадрида я —
Домой, в Москву...

2.

Картахена,
Мадрид,
Барселона...
Бомбы небо Испании рвут.
Из Одессы спешат эшелопы:
Едут смуглые дети в Москву.
Там не рвутся
Ни бомбы, ни мины,
Лишь ребячья «война» по дворам.
Кулачки неокрепшие вскинут:
— Но пасаран!
И в глазах у них радость и горе,
Неизменный суровый союз,
И поют они песню о море,
О разлуке и встрече поют:
«Я подарю,
Что в душе берегу я:
В непогоду любую
Верность Родине милой храню —
Ла фе!»

3.

Рванулась в небо новой Родины
Взрывная, страшная волна:
«Идет война народная,
Священная война»...
Дома и школы тяжко рушатся,
Гудит сирен протяжный вой,
И «ястребок» Рубена Рунса
Вступает с «хейнкелями» в бой.
Пускай не Тахо —
Волга-реченька,
Не Барселона —
Сталинград,
Борьба все та же —
Злая, вечная,
И тот же друг,
И тот же враг.

4.

Что ты замер, Рафаэлито,
На асфальтовом пяточке?..
Далеко от войны Ташкент —
Город, солнцем залитый.
Серый ослик бредет, как будто
По испанскому городку...
Ты представь себе на минуту:
Волны Тахо рядом текут...
Нет.
Зовется просто арыком
Этот узенький водоем.
Ребятишки с веселым криком
Плещутся в нем.
Ты их видишь из окон класса
На песке — сыпучем, сухом...
До чего же смешная плакса —
Семилетняя Лолохон!
Да не все над нею смеяться:
Пал отец в одном из боев...
И жалеют ее испанцы,
И Лолитой зовут ее.

5.

Третий год послевоенный
Восьмисотый год Москвы.
Бродят с песнями студенты

По московским мостовым.
Бедноваты их наряды
На военный, строгий лад..
Переулки слушать рады
Песни светлые ребят.
Запевают — голос в голос,
Лишь меняются слова:
«Де колорес»... «Де колорес»...
«Наша красная Москва»...

6.

Не звался Университетом Дружбы
Тот старый, милый дом на Моховой —
Но сколько славных,
Братских чувств разбужено
В открытых времени стенах его!
В его аудитории стекаются,
Бывало,
Все, кто сбросил злую цепь:
Монашески прилежные китайцы,
Кореец (след напалма на лице),
Поляк,
В чьей памяти навек останется
Ползущий в небо дым концлагерей,
Веселые и грустные испанцы —
Семьей —
Большой, детдомовской своей.

7.

Волнами времени размыто
Неясное сиянье лиц..
Я не забыл тебя, мамшта, —
Лицо к глазам моим приблизь!
Я помню,
Помню —
Очень смутно —
Сухую черпоту волос,
И в беглом взгляде —
Блеск минутный
Прощальных слез..
Отец... Я вспомню. Рядом — ты,
Мне нужно просто оглянуться:
Полузабытые черты
Сквозь волны времени
Прорвутся!

«Я вам верну,
Что в душе берегу я:
В непогоду люблю
Верность матери милой храню —
Ла фе!»

8.

От горячего солнца ташкентских улиц
В этих черных глазах
Остались лучи,
Словно снова испанцы
Туда вернулись,
Где пришлось им
Востока язык учить.
Эта девушка...
Радость в глазах разлита
И тревога
О давней своей мечте...
Лолахон Нуралиева —
Ты, Лолита,
Поступила в Московский университет!
Здесь трудиться и жить,
Грустить и надеяться,
Здесь веселье и слезы,
Туман и свет...
Дай же руку.
Друзья далекого детства
Поведут тебя по Москве.

9.

Липы листочки раскрывают
Все откровенней, все слышней...
Как же звучны звонки трамваев
В этой прозрачной тишине!
Как вечерами не стремиться
В этот хрустальный перезвон!
Слово веселое: Стромынка —
Символ студенческих времен.
Ночь проброди, не высыпаясь,
Утром прощайся все нежней
С Лолой-узбечкою, испанец,
Юный московский инженер.

10.

— Разрешили!
Разрешили!

Наконец!
Лола, веришь ли,
Что мне это не снится?
Мать увижу.
Подойдет ко мне отец...
Раскрываются
Закрытые границы.
Сколько лет я
Так надеялся, мечтал —
И дождался.
А казалось —
Невозможно...
Хочешь, Лола,
Будем вместе мы и там?
Я добыюсь,
И ты ко мне приедешь тоже...
Отвечает очень скромно,
Не груби,
Только
Косы за плечо отбросив гордо:
— Знаешь, Рафик,
Я учусь не для себя:
Я учусь для своего народа.
По родным истосковался ты местам.
За тебя я и в разлуке
Буду рада...
Но пойми:
Меня зовет Узбекистан —
И другой мне Родины
Не надо.

11.

Здравствуй, Испания!
Кончились испытания.
Ожили
Полузабытые с детства картины.
Я ожидал и дождался...
Так здравствуй, Испания!
Снова пришлось
По дорогам твоим пройти мне.
Здравствуй, Испания!..
Тихо оливы качаются.
Виснут кресты
Над готическими громадами...
Здравствуй, Испания!
Дни ожидания кончаются —

И привыкать к тебе,
Родина,
Заново падо мне.
Люди...
Как будто с Луны
Объявился в их стаде я...
Как мне узнать их ---
Не сбиться
И не обознаться?..
Здравствуй, Испания!
Кончились испытания —
Время другим испытаниям
Начинается.

12.

— Легче жизнь принимай,
О фиглю mio.
Ты, я вижу,
Во многом похож на мать.
Ей везде нужен бог —
Христос справедливый,
Ты — законы какие-то
Хочешь понять...
Бог — удача!
Да-да, Мария, судача
С богомолками,
Хоть проклящи меня —
Все равно, дороге мои, удача —
Бог сегодняшней,
Бог спокойного дня.
За удачу, сынок!..
Да, таким обедом
Я тебя не кормил бы
В тридцать шестом...
Мы кидались в огонь,
Мы рвались к победам...
А победа —
Мой дом
И обильный стол,
Наша скромная фабрика...
Завтра — хочешь? —
Я тебя познакомлю,
Наследник,
С ней.
Не болтай только лишнего
При рабочих.
Легче жизнь принимай,

Дорогой сыночек,
Понимать,
Не допытываясь,
Сумей.

13.

Вот так.
И с ними ничего не сделасшь.
Отец самоуверен,
Мать — жалка...
Все было ясно:
Красные и белые.
Так просто было все —
Издавека!
А здесь...
Да попади я к неграм
В Африку —
Верней бы, может,
Поняли меня...
На фабрику,
На фабрику,
На фабрику!
Скорей!
Ни одного пустого дня!

14.

— Сеньор Гарсиа —
Извините —
Гарсиа?..
Трудны эти простые имена.
Ваш сын
Изволил записаться в красные,
И ваша роль мне в этом
Не ясна.
Встречались мы уже
С подобной прихотью:
Наследник — в инженерах у отца...
Но ваш сынок...
Поймите до конца,
Откуда мы его считаем выходцем,
И думайте...
Он много говорит,
И те, кто слышал,
Заявляют разное...
Напомню,

Что и вас видал Мадрид
Отнюдь не фабрикантом,
Милый Гарсиа...

15.

— Как ты можешь, отец?!..
— Но мы
Сговориться должны,
Сыночек:
Я спасу тебя от тюрьмы.
Или ты за решетку хочешь?
Там прелестно: сыро, темно...
И притом — проси не проси их —
Не показывают кино,
Как,
Слышал я,
У вас в России.
Если ты вернулся,
Чтоб сгнить
В каземате, —
Прошу покорно...
Ну, а я —
Уж ты извини —
Сыт позором прежним по горло.
Скажешь: слава, а не позор?
После вспомни,
Сто раз раскаясь...
Ты женись-ка лучше, позер,
Настоящий русский испанец.

16.

Невесту зовут Крус.
Красива и разодета.
Синтетика модный хруст.
Заморские туалеты.
Лукавый и нежный блеск,
Мерцающий сквозь ресницы...
На шее старинный крест
На драгоценной нити.
Молитвенной силы восторг
В лице может вспыхнуть
Внезапно:
— Сеньор!
Вы видали Восток!

Мечтаю увидеть Запад!
Ей очень легко перейти
От скромности монастырской
К подтекстам абстрактных картин
И модных танцев бесстыдству.
Лукавство играет в глазах,
Но взгляд чересчур беспечен...
С ней не о чем
Слова сказать,
Хотя она так и щебечет.
Так что же —
Принять этот груз
В его золоченом сиянии?
Умножить,
Женившись на Крус,
Отцовское состояние?
Нести свой блестящий крест
В развлечениях
И в молитвах?..
...Ведь ты от меня наотрез
Тогда отказалась,
Лолита...
Нет!
В жалкую эту игру —
На жизнь,
На судьбу —
Не вступаю.
Мне жаль тебя,
Бедная Крус:
Ты тоже —
Частица Испании.
«Я сохраню,
Что в душе берегу я:
В непогоду любую
Неизменно и верно люблю —
Одну!»

17.

— Так, сынок...
И я попал, под старость,
В красные...
Предупрежден повторно...
Дался тебе этот Паломарес!
Хочешь,
Чтобы все переломалось

В нашей жизни?
Глупо и позорно!
Я не склонен говорить спасибо
Тем, кто заражает океан...
Но —
Ты ел отравленную рыбу?
Ах, не ел!
Не па головы нам
Эти бомбы,
Кажется,
Упали?
Так чего ты хочешь?
Ваш протест
Изменит хоть что-нибудь?
Едва ли...
Значит,
Просто за решетку сесть?
Стань же взрослым, сын!
Тебе — за тридцать.
Откровенны будем:
В эти годы
Я уже успел остепениться,
Дань безумствам
Много раньше отдал...
Понимаешь?
— Пробую... слегка...
В вашей обстановке разобраться.
Я — марксист.
Я вижу: нет пока
Революционной ситуации.
С толку сбит,
Запуган мой народ
Тюрьмами,
Мундирами,
Крестами...
Все равно, отец:
Гроза придет,
Атомным разрывом польхнет
Гнева непогашенное пламя!
— Так, сынок...
Не дорогá семья —
Все бы слава,
Все бы вам победы...
В революцию играешь?
— Я?..
Нет,
Я, кажется, домой поеду.

— Рафаэлито!
 Мальчик мой единственный!
 Остайся здесь.
 Подумай.
 Обожди.
 В тот страшный мир,
 Безбожный и таинственный,
 От матери
 Опять
 Не уходи!
 Когда по окнам взрывами хлестало,
 Когда кругом твердили:
 — Отпусти! —
 Я отпустила.
 Я тебя спасала.
 Прости меня,
 Мой маленький,
 Прости!
 Ведь я не думала,
 Что ждать так много
 Придется мне,
 В молитвах и слезах,
 Чтоб ты пришел...
 Чужой отцу и богу,
 И вот — «Уеду!» —
 Матери сказал!
 Остайся, сын!..
 — Нет, мама.
 Я испанец,
 И жажда действия во мне сильна.
 Что будет —
 Знаешь? —
 Если я останусь:
 Расстрел,
 А в лучшем случае —
 Тюрьма.
 Ты плачешь обо мне сейчас...
 А если
 Я, здесь оставшись,
 Отыщу свой путь —
 Ты не заплачешь ли
 При виде смертной петли
 Или свинца,
 Пробившего мне грудь?..
 Прощенья просишь...

Ты не виновата.
Ты попросту не знала,
Чем жила.
Ты начинала жизнь
Женой солдата,
А кончишь жизнь —
Супругой буржуа...

Но пусть во мне
По-новому воскреснет
Забывтый вами жар военных ран:
Испания — во мне!
Но пасаран!
Я ухожу
И оставляю песню:
 «Веру одну
 В своем сердце несу я:
 В непогоду любую
 Верность правде великой храню —
 Ла фе!»

19.

— Что же дальше, Рафик?
...Губы сморщились,
Словно боль прожгла его насквозь...
— Эх, ребята...
Сигареты кончились.
Дайте мне московских папирос!
Все смешалось у меня в башке...
Жалко мать...
Остаться?
Все сомнения
Разрешил негаданно Ташкент
Гулom своего землетрясения.
Лола?
Нет, не про нее одну
Думал я,
В дорогу собираясь:
Этот город спас меня в войну,
Спас моих друзей...
И вот он ранен,
Он лежит,
Как некогда в палатах
Тыловых его госпиталей
Раненые русские солдаты —
Да разноязыкие солдаты —

В их числе сыны земли моей!
Что любовь!
Я там,
Мальчишка,
Рос,
Я девчонку
За косички дергал...

Замолчал —
Сдавило спазмой горло.

— Словом...
Я послал в Ташкент запрос.
Планы?
Кто ж так спрашивает, братцы,
Словно я и вправду эмигрант!..
Истомился.
За работу браться —
Руки горят!
А Испания...
Теперь я знаю,
Сколько разных стран
В одной стране.
Я уехал.
Но она во мне —
Близкая,
Далекая,
Родная.
Душно было мне в родном краю —
И враждебном,
И безмерно милком...
Я вернусь в Испанию свою —
Не мальчишкой,
Ищущим семью,
А строителем другого мира,
Коммунистом...
Старому — сгорать,
Будущему —
Заново родиться...

Родина — во мне!
Но пасаран!..
О, товарищи, уже граница!..
Он замолк.
Опять глядит в окно,
Чистоту берез
Вдыхает жадно...

Здравствуй, Родина!
Тебе одной
Для народов разных быть дано
Навсегда родной
И долгожданной.

Я — СОЛДАТ ПАРТИИ

Как солдат, я партии служу.
Книжку красную ношу у сердца.
Правду вам, не хвастая, скажу:
Чувствую себя в строю гвардейцев.

Партии решение для меня
Нерушимей строгого закона:
Трудностей напрасно не кляня,
Выполню, как клятву, неуклонно.

Если я рабочий — плавлю сталь.
Как солдат — стою на страже наших.
Горд я. Сил в работе мне не жаль.
Я — отец счастливым детям нашим.

Никакой пурге не заместит
Освященного великим светом,
Верного единственно пути,
Мне указанного партбилетом!

Я — солдат. Я партии служу.
К красной книжке прикасаюсь сердцем.
Правду вам, не хвастая, скажу:
Твердо я стою в строю гвардейцев.

ВЫШЕ ОРЛА

Я приглашен на выставку в Москве.
Мой самолет несется в синеве,

Под ним склонились снежные белки:
— Ты выше нас, хоть мы и высоки...

Притих орел, прижавшийся к скале...
Он мне завидует, он пожалел,
Что крылья не поднимут в этот час,
Его, орла, немножко выше нас.

И в тот же день по улицам Москвы
Иду, несу цветы моей Тувы:
Их положить с поклоном я хочу
К подножью Мавзолея, Ильичу.

ПИСЬМО С АЛТАЯ

Мой старый друг! Пишу тебе с Алтая.
Ты адрес мой, поди, давно забыл?
Журнал однажды перед сном листая,
Я встретила балладу про Кызыл.
Сон улетел от глаз. Запела радость
Весенним говорливым ручейком:
Я встретилась с тобой, с твоей балладой,
А ты — казалось мне — так далеко...
Друзья, с которыми былое время
Учился ты, и спорил, и шутил,
Читают с гордостью твои творенья,
Желают счастья в творческом пути.
На легких крыльях, песней друга данных,
Теперь в Туву, любовь моя, слетай:
Всем, кто живет и трудится в Саянах,
Привет свой посылает мой Алтай.
Тувинские закаты и рассветы,
Кедровый лес и хлебные поля,
И твой народ, и вся твоя земля
В твоих стихах, мой добрый друг, воспеты!

Я все увидела, как паяву!
И в сердце песня друга разбудила
И прежний жар, и радостную силу —
Как будто снова в юности живу.
Пиши же, друг, твори, не уставай!
Пусть в памяти былое оживает,
И кровь кипит, и силы прибывают —
Прославь свою Туву и мой Алтай!
Для песен, для романов и поэм

Герои есть, и славных дел хватает,
Везде тебе придется много тем:
И у тебя в Туве, и на Алтае.
Письмо мое, лети к Саянским кручам!
Без подписи я шлю письмо в Туву:
Друзей припомни юности кипучей —
И, может, вспомнишь, как меня зовут.

ОТЧИЗНА-ПЕСНЯ

Отчизна — ты песня моя!
Народ мой — моя ты любовь!
Без вас не дышала бы я,
Остыла б в груди моей кровь.

Мечты золотые сбылись!
О счастье мечтала не зря!
Прекрасна, светла моя жизнь
В багряных лучах Октября!

Хозяйка свободной земли,
Уверенно вдаль я смотрю!
Я знаю, что дети мои
Увидят Коммуны зарю.

Россия народов семью
Сплотила, отвагой горя!
Я — Ленину славу пою
За счастье, за вихрь Октября!

ГЛАЗА МАТЕРИ

Глаза моей милой матери
С любовью глядят на меня.
С годами ничуть не утратили
Они молодого огня.
С тобою всегда мы вдвоем,
Сокровище ты мое!

Мне всюду глаза светят эти
И счастья желают, любя.
Ни с кем на всем белом свете
Вовек не сравнить мне тебя.
С тобою всегда мы вдвоем,
Сокровище ты мое!

За все тебе каждую строчкой
Хочу я «спасибо» сказать.
Хочу, чтоб хорошею дочкой
Могла ты меня называть.
С тобою всегда мы вдвоем,
Сокровище ты мое!

ПЕРЕДАЙ, ВЕТЕРОК

Весь свет облетай, ветерок!
Проведай наш край, ветерок!
Парнишке, что сердце зажег,
Привет передай, ветерок!

Прикипсья, что девушка ты,
Губами коснись его щек!
Желапья моя и мечты
Поведай ему, ветерок!

Влюбленного сердца привет
Ему передай, ветерок!
А то, что он скажет в ответ,
Сама я узнаю в свой срок!

ЭТОТ ЦВЕТОК — У МЕНЯ

У веселой речки Чаданы
Заплетала черные косы я,
А волна примчалась неожиданно
И цветок мне на руки бросила.
Я в руках держала подарок,
Тихо думы нежные веяли:
Прилетел откуда сюда он?
Не из дальнего Хондергея ли?
Сам цветок со стебля не спрыгнет,
В речку сам не кинется вплавь он...
Кто прислал такие дары мне,

Исполнение смутных желаний?
За Чаданой, речкою быстрой.
За веселой речкой Чаданой
Есть колхоз по имени «Искра»...
Говорить подробней не стану,
Пусть болтает речка волною,
Звонким плеском радует душу...
А цветок храню. Он со мною.
Он в любимой книге засушен.

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

СЛОВО

Я свято верю в силу слова.
Его я вовремя скажу,
И, словно прочную основу,
В другую душу положу.
В душе,
В ее глубинных недрах,
Найду заветный слова клад,
И бережливо раздам, и щедро
Все, чем живу,
Все, чем богат.

Вот слово входит в чью-то повесть,
И не предаст,
И не солжет,
И вспыхнет высохшая совесть —
И все постыдное сожжет:
И травоядность,
И всеядность,
И всепрощенчество души,
И эту пошлую нарядность
Ума на медные гроши.

И человек рождается снова
Из этой яростной борьбы,
И скажет сам себе сурово:
— Рабы — не мы.
Мы — не рабы
Тщеславья, похоти, корысти,
Всего, что пошлостью зовем,

Мы насмерть с нею бой ведем,
Мы, коммунисты.

Я проверяю силу слова,
Когда его произношу, —
Ведь я его так долго,
Словно
Ребенка, в глубине ношу.
Оно там, в сердце, созревает,
Одною болью с ним болит,
И с ним от счастья замирает,
И плачет вместе с ним —
Навзрыд.

Вот так растет и крепнет слово,
И вот приходит в мир оно —
Не легковесная полова,
А полноценное зерно.
И с этим словом,
Гордым,
Чистым,
Мы сердце людям отдаем,
Страдаем,
Боремся,
Живем —
Мы, коммунисты.

СОВЕСТЬ

Не изменяйте совести своей.
Она вас не предаст и не обманет,
И в час суровый
С вами рядом встанет,
Как самый верный из друзей.

Прислушивайтесь к совести своей.
Когда неправда вам глаза замажет,
Она одна вам
Вашу правду скажет,
Она самый честный из друзей.

Не забывайте совести своей.
Когда вам с подлостью придется биться,
Она не даст вам
Сдаться и сломиться,
Как самый стойкий из друзей.

Не обмануть вам совесть,
Не принудить
Бесчестье ваше с нею разделить...
Вы только можете ее убить, —
Но совести
Тогда
У вас не будет.

ЧУВСТВА

Какие бывают прекрасные чувства!
Какие бывают открытые чувства!
В них все так естественно,
Так безыскусно,
И нет в них ни тени
От фальши искусства.
Так просто,
Естественно их выраженье,
И вечно,
Как вечной природы движенье,
Как шорох листвы,
Как дыхание ветра,
И столько в них правды,
И счастья,
И света!
Храните,
Храните их бережно с детства,
Как самое чистое
Наше наследство.

Какие бывают прекрасные чувства:
Какие бывают горящие чувства!
Единственно настоящие чувства!
В них —
Пламени неукротимое буйство.
Нет в мире
Потухших несчастней и жалче...
Горите,
Горите же ярче и жарче,
Пусть все,
Что постыдно,
И все,
Что постыло,
Возьмет беспощадного пламени сила.
Горите,

Горите в огне вдохновенья —
Нет в мире прекрасней
Такого горенья.

Какие бывают прекрасные чувства!
Какие бывают высокие чувства!
Когда у вас в сердце мучительно пусто,
Когда вас гнетет
Безнадежная усталость —
Не верьте, что пусто,
Не бойтесь, что грустно, —
Они к вам придут,
Настоящие чувства.

Какие бывают прекрасные чувства!

ОПЯТЬ ЛЕЧУ В ПРОВОРНОМ ГАЗИКЕ...

Опять лечу в проворном газике.
А ну, водитель, поднажми!
Мечтаю,
Как о лучшем празднике,
О встречах с новыми людьми.
Мечтаю,
Как о высшей участи,
Что где-то встречу и таких,
Которым петь,
Работать,
Мучиться —
Все пополам,
Все на двоих.
Но все расписано, расчерчено —
Где быть,
С кем быть,
С чего начать —
Какой тут новой грезить встречу,
Чего желать,
О чем мечтать.
Пусть так.
А все-таки,
А все-таки —
Одним желанием дышу:
Что где-то
Что-то не в блокнотике,
А в самом сердце запишу.
Опять пройду травкою мокрою,

Увижу солнце в ранний час,
И загорюсь мечтой высокою,
И обманусь —
В который раз...
Пусть так.
А все-таки,
А все-таки --
Переборю и боль, и грусть.
И сохраню мечту высокую,
И от себя не отрекусь.

Екатерина ТАНОВА

ИЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

И ты, и я пашли дороги,
Свой особе пути.
У каждого свои тревоги,
Свой дом, и детям в нем расти.

Чего ж еще желать нам боле?
И ты, и я вошли в свой круг...
Так в чем причина этой боли,
Что возникает в сердце вдруг?..

Так почему, когда ты мимо
Пройдешь и взглянешь невзначай,
Такой тревогой я томима,
От всех храня свою печаль?

И ты, мой друг, не знаешь тоже
Про эту боль, про эту грусть...
Нет, я тебя не потревожу.
Зачем для сердца лишний груз?..

Пусть я одна об этом знаю.
Будь счастлив. Брови не суровь.
Я только в песне открываю
Свою заветную любовь.

КРАЙ МОЙ, ГОРДОСТЬ МОЯ

По полям проезжаю
И по горным дорогам крутым —
Все люблюсь я краем,

Своим краем родным.
Льды над кручами светят,
Не взлетит до вершины орел —
И спешит туда ветер
На свиданье с зарей.
Ниже — овцы играют,
Разливается песня, звучна...
Узнаю тебя, край мой,
Славный край чабана!
Ветер степью промчится,
И колосья со звоном замрут —
Вижу в волнах пшеницы,
Хлебопашец, твой труд!
Труд народный и сила —
Вот подарки Отчизне. И я
Песню ей подарила —
Край мой, гордость моя!

Монгуш ДОРЖУ

ЗДРАВСТВУЙ, ТУВА МОЯ!

Тува моя родная, здравствуй!
Земля-кормилица у нас ты,
Любима так и потому,
Что запахи лесов дремучих
Сквозь горы, города и тучи
Вдаль веют сыну твоему.

И по лугам, и по долинам,
Как облака в просторе синем,
Стада пасутся,
Табуны
Ржут,
От копыт искрятся камни...
Сквозь горные хребты всегда мне
Они слышны все и видны.

Хлеба созревшие,
Встречая
Осенний ветер,
Отвечая,
Друг другу шепчут веселей.
И, словно море золотое,
Играет здесь волна с волною,
Чтоб рад был труженик полей.

Народ, не знающий покоя,
Поет
Под утренней зарею:
По уголкам родной земли,
Волнуя души, с нетерпением

Несутся горловые пения
И многим нам слышны вдали.

Тува родная, здравствуй, здравствуй!
Как дорог мне твой образ ясный!
Хочу тебя изобразить.
Сумею ли, хотя бы малость?
(С природой сердце обвенчалось,
Оно
Поможет, может быть).

И в ясный день, и в непогоду
Прошу, родимая природа,
От сына песенку принять;
И неустанно, словно птица,
Летать я буду и кружиться...
Дай крылья, любящая мать!

ОДИН

Сидишь один—проверь свои думы.
Тувинская народная поговорка.

Край, куда и за месяц пешком не дойти,
Не устану тебя вспоминать!
Там на старой стоянке, в зеленой степи,
Родила меня бедная мать.

Много знал я лишений и горьких забот,
Но минули дождливые дни.
К светлым далям счастливое время идет,
А былое — вини не вини!

Только память о детстве я в сердце ношу,
Словно повесть, что выдумал сам.
Я, должно быть, и правда ее напишу
И когда-нибудь людям отдам.

А пока ухожу я на шахту с утра
И тружусь... Но тревога во мне:
Много ль в жизни я сделаю людям добра?
Буду ль нужен родимой стране?

ПИСЬМО

Письмо на родину держу в ладони,—
В дорогу дальнюю оно пойдет:
То в самолете, то в глухом вагоне,
То на коне,— но только бы вперед!

К любимой матери, в родные руки
Лети, письмо, и сердце ей согрей.
Пусть ей покажется, что нет разлуки
И сын далекий снова рядом с ней.

И даже пусть она всплакнет немного,
Как тучка легкая весенним днем,
И к девушке одной через дорогу
Пойдет, чтоб сочинить ответ вдвоем.

Алексей АРАПЧОР

СВЕТИТ ЛЮДЯМ

Пусть светозарная Москва —
Отчизны сердце и столица —
От гор тувинских далека,
Но с нею заодно тувинцы.

Великой славой навсегда
Покрывшая свои знамена,—
Она моей Тувы звезда,
В ней дух и сила миллионов.

И партия большевиков —
Надежды нашей светоч чистый —
Народам всех материков
Льет из Москвы свой свет лучистый.

Мы обновляем берег свой,—
Он радугой познаний мирных
Соединен с родной Москвой —
Источником наук обширных.

Бессмертие земли моей
И братство стран больших и малых
Вливают в трудовых людей
Сполохи звезд кремлевских, алых.

В ДНИ ЛИСТОПАДА

Когда листва с прибрежных тополей,
Щепча, кружась, ложится под откосом

И светлый Улуг-Хем волной своей
Целует влажно каменную осыпь,—
Аал я вспоминаю, где рожден,
И чудится — велит вернуться он.

Когда взмывает с песней боевой
Клини журавлиный в синь небес без страха,
Когда Танды золотоплечий мой
Стоит, сверкая снеговой папахой,—
Аал, вошедший в плоть и кровь мою,
Я вспоминаю и пою, пою.

ПИСЬМО

Позвала тебя стройка большая:
Очень трудный и дальний путь.
Проводил я тебя, дорогая,
Попросил: «Обо мне не забудь».

...Ты была и грустна, и рада,
Улыбаясь, взглянула в упор.
О, сияние влажного взгляда
Не забыл я до этих пор!

Не забыл и хочу разобраться,
Что я, собственно, за человек?..
Видно, нужно нам было расстаться,
Чтоб потом не расстаться вовек.

Виктор САГАН-ООЛ

ЛЕНИН И МАТЬ

(Поэма)

1.

В юрте дырявой, старой
жили мать и отец,
Там, где из Даштыг-Холя
родится река Алаш.
Горы вокруг — стенами
каменных крепостей,
Небо сквозь них сквозило,
как порванная пола.
Нету своей коровы —
некого подоить.
Нету и вороного —
некого оседлать.
Но за чужой отарой
в серой степной пыли
Всю свою жизнь ходили
наши отец и мать.
Против проклятых баев,
лам в янтарном шелку,
Против шаманов бесчестных
слова нельзя сказать,
Чуть запестреют одежды
всадников на скаку —
В землю, дугой склонялись
в страхе отец и мать.
Столько в степи тропинок —
где разминусь с бедой?

Мама запричитала, вскрикнула:
— Ой, халак!
Злая пурга достала,
во мглу его унесла!
В юртах бедняцких лютует
злобная эта зима —
Следом за нею к людям
смерть приходит сама...
Я еще не родился
в эти зимние дни.
На свет потом появился,
когда настала весна,
Но в память матери крепко
врезались так они,
Что, кажется, — все я помню,
что помнит о них она...
Год... Он шел, как все годы —
лето, осень за ним,
Ягоды созревали,
таясь в таежной тени,
Плакал я в колыбели,
как ребенок любой, —
Мать о Ленине мудром
плакала надо мной.

2.

Тридцатый год.
А мне — седьмой.
Закат, восход,
И день — весь мой!
Тайга — моя,
Кусты, шалаш,
Моя — струя
Река Алаш.
К высотам гор
Бегу, бегу,
Гляжу — простор...
И не могу
Налюбоваться
На цветы,
На лес
В расцвете красоты.
Играет рябью Даштыг-Холь,
Дробятся в ней лучи, лучи,
А гомон птичий над рекой

Звучит, звучит...
До белых снеговых вершин
Подняться в горы я хочу.
Усну над речкой — и в тиши
Лечу, лечу...
Придет жестокая зима,
Алаш окутает в туман —
Мороз покою не дает,
А в юрте огонек зовет.
Войду, вдохну тягучий дым,
Прижмусь тихоенько к очагу —
А тело дрожью все гудит,
Никак согреться не могу.
Тут мама подойдет ко мне:
— Замерз? — и щеки крепко трет.
И теплый чай согреет рот,
И вкусно пахнет ореме¹.
Огонь то гаснет, то горит,
Но в юрте это не беда:
Здесь руки матери добры,
Теплы всегда, добры всегда.

3.

— Ты, мама, лучше всех людей на свете! —
Так я, в мальчишней гордости, сказал.
— Ну, что ты, сын, — так думают все дети,
А вот по правде — так сказать нельзя, —
Мне объясняет, чуть смущаясь, мама. —
Людей на свете много. Ты из всех
Верь Ленину, сынок. Он — лучший.
— Самый?
— Да, самый лучший...
...Сыплет белый снег.
Пришел учитель к нам, открыл букварь —
И мать моя глядит со мною вместе:
Нам человек с картинки неизвестен,
Но это — Ленин... Первые слова
Читаю вместе с матерью, и снова
Звучит родное имя — всех родней.
Отец строгаёт доску. Вот готова
Тетрадка деревянная. На ней
Пишу впервые, палочкой по жиру,
Посыпанному серою золой,
То имя, что давно знакомо миру,

¹ Ореме — пенки с молока.

Что ярче солнца светит над землей.
На ровном льду,
На первом снегу —
Везде, куда я ни прибегу,
Я имя это черчу, черчу —
Я всем про радость сказать хочу:
Оно, как солнце в горах, взойшло,
Оно, как счастье, ко мне пришло,
Зажглось в глубинах ребячьих глаз —
И привело меня в первый класс.
Когда б не Ленин — кем был бы я,
Не грянь над нами гром Октября?
Сидел бы, верно, в своей глуши,
Сарапку дикую шелушил...
Коровы нету — кого доить?
Нет вороного — кого седлать?
И я батрачил бы, как мои
Служили баям отец и мать.
Не желтый лама и не шаман
Разбили плотный, густой туман,
Не их моления, не бубна звон —
Великий Ленин, да, это он!
Смотрю на горы, на их зубцы —
Открылись взору дома, дворцы,
И песней радости степь полна,
О нашей правде пост она.
В ней имя «Ленин» звенит, звенит!..
Оно со мною всю жизнь, все дни.
В нем сила, твердость, их не сломать...
Об этом счастье мечтала мать.

МОЙ БРАТ ГВАРДЕЕЦ-ГЕРОЙ

В Ревармию ушел мой брат.
Прошло два месяца — он утром
Сказал: «На фронт иду — и рад!
Я буду бить фашистов люто...»

Нахмурилась родная мать.
Сбежала вдруг с лица улыбка.
Суровой стала — не узнать.
А вдруг ослышалась ошибкой?

Но все ж умело пиалу
Обтерла — и плеснула чаю.

Сидела грустно на полу,
А слезы, словно дождь, стекают.

«Будь беснощаден, мой сынок,
Будь храбрым, стойким!» — наставляла.
Засуетилась... сбилась с ног...
Сын для нее — ребенок малый.

Задумчиво сидел отец,
Собрав в одну струю морщины.
Крутил бородки он конец
И сыну нож вручил старинный:

«Фашистов Гитлера, мой сын,
Что жаждут человеческой крови,
Бей, не жалея юных сил; —
Исполнишь этим долг сыновий...»

И брат мой вспрыгнул на коня,
Аж над седлом шинель взлетела.
Рыжко, копытами звеня,
Отбивши дробь, унесся смело.

Мой брат, навеки дорогой,
С тех пор исчез ты... мы — в печали...
«В бою отважном, как герой,
Пал смертью храбрых!» — нам писали.

Я долго горевал... не спал...
Но я узнал: был брат неистов,
В бою не зря геройски пал —
Он шестерых сразил фашистов!

В его борьбе есть торжество.
Ведь он отважный был — гвардеец.
И Красную Звезду его
Я сохраню... Пусть вечно рдеет...

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

ПАРТИИ МОЕЙ

Когда меня еще не было — ты собирала силы
Отцов, и дедов, и прадедов — замученных бунтарей.
Историю — самую новую — ты для меня открыла
Восстания ураганом, упорством богатырей.

Когда решалась судьба моя — расти или не расти мне? —
Ты стала крепостью жизни, незыблемой, как скала.
Когда мы большой работе запели мирные гимны,
Ты знаменем нашей верности и дел трудовых была.

Ты стала яркой звездой жизни самой счастливой:
Для этого избрала ты дорогу жестоких битв.
Ты стала правдой и солнцем, весенним бурным разливом,
И сердце борца за счастье должно тебя полюбить.

Ты, партия, — свет идеи для всех, кто верит в идею,
Для всех, кто жаждет победы, ты — в будущее полет.
Ты ленинскою дорогой ведешь рабочих людей, и
Всегда твоею дорогой идет мой родной народ.

СЧАСТЬЕ СТРОИТЕЛЯ

Пришел усталым я с работы,
Но сердце радости полно,
Такого я не чувствовал давно —
Любые по плечу высоты.

И если дать бы сердцу крылья —
Оно парило б в небесах.

Я на строительных лесах
День приближаю изобилья.

Ведь наш многоквартирный дом
Сегодня принял новоселов.
Он точно улей стал веселым.
И я горжусь своим трудом.

В рабочей я стою спецовке —
Но чувствую, что для жены,
Как будто только что с Луны
Вернулся я, а не со стройки.

ЧЕРЕМУХА

О, был радостный день у меня:
День рожденья свой отмечал.
Запрудила мой дом родня
И соседи — весь наш аал.

Так подарки мне шумно вручали,
Словно важный я человек;
Так с улыбками поздравляли,
Чтоб запомнил это навек.

Только ты мне едва улыбнулась,
Постояла возле стола,
Почему-то к окну отвернулась
И, задумавшись, тихо ушла.

Только утром все ясно стало.
Я увидел подарок твой:
Деревцо головой мне кивало,
Осиянное юной листвою.

И прикрыл я ладонью веки,
И увидел твое лицо...
Посадила ты мне деревцо —
Я дарю тебе сердце навеки.

Очур-оол МОНГУШ

НАСТРОЕНИЕ

Я настроение порою,
Хотя, быть может, это странно,
Сравнить всегда хочу с игрою
На звучных струнах чадагана.

Ведь настроенье человека
Всегда зависимо от слова.
Оно то вспыхнет в искрах смеха,
То затуманится сурово.

Когда у человека радость —
Погожим днем сияют очи,
Когда встревожен хоть бы малость —
На сердце мрак ненастной ночи.

Вот почему с таким участием
Хочу сказать, что в разговоре
Слова должны светиться счастьем
И щедрой радостью во взоре.

ЛЕТНЕЕ УТРО

Мы прогуляли с милой до рассвета.
И вот шагаю не спеша домой;
Впервые утро розового лета
Меня вдруг поразило красотой.

Дорогу дождик вымыл под ногами
И бросил радугу на плечи мне,

И звезды фосфорными огоньками,
Бледнея, погасали в вышине.

Зубчатые вершины Кара-Дага,
Застывшие под холодом снегов,
Горели, будто белая бумага...
А я был неть и танцевать готов,

С черемухой кружить в зеленом вихре,
Из бликов солнечных построить мост,
Зарю смешать, как краски на палитре,
И все — быстрее — перенести на холст.

Людмила САНЧАЙ

ВОЗРОЖДЕННАЯ

Я однажды уже была.
И не помню, когда и где:
На другой ли планете жила,
На Земле ли — среди древних людей...
Я жила.
И не знаю как
Встретить смерть свою довелось:
То ль в пустынных знойных песках
Черной жаждой меня сожгло,
То ль болезни смяли меня,
То ли голод сразил...
Только,
Вечности власть кляня,
Вновь живу, набираюсь сил!
Нет, мне кажется, что не раз
И рождалась, и гибла я,
Чтобы после в других мирах
Начиналась жизнь моя.
Я княжной пировала всласть,
Задыхалась в неволе рабой,
Одинокой вдовой цвела,
Нищей пела под гул мирской...
Но погибла княжна в плену,
Вдалеке от родной земли.
Злых законов жертву-рабу
С мертвым заживо погребли.
За колдовьи чары вдова
На костре была сожжена.
В муках нищая умерла,
Хлебом, кровом обделена...

Но, оковы смертей разбив,
Встрече с жизнью радуюсь вновь.
Вновь — забыты горечь обид,
Вереницы веселых снов...
По росистым сонным лугам
Я девчонкой юной брожу.
Нежной матерью по утрам
Осторожно детей бужу.
И — не нищей — крестьянкой босой.
Озорно частушки пою,
И прекрасной, гордой вдовой
Всем на радость в труде горю...
Как царица, вперед иду,
Никому не сдаваясь в плен.
И не сжечь мою красоту,
Не сгноить свободу в земле!

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ

Спросите меня:
Что меньше всего на свете?
Отвечу:
Тот мир, в который вселились планеты;
Где солнца старательно
Бьют из пространства гнезда;
Где умирают, рождаются
 новые звезды.
В ответ несуразный, наверное,
 вы не вникли...
Тогда вы спросите:
А что ты считаешь великим?
Отвечу я вам:
Человека горячее сердце;
В бездонность его
Весь мир этот смог одеться.

СНЕЖИНКИ

Умирают, землю охлаждая,
Первые бесстрашные снежинки.
Животворный холод отдавая,
Горделиво растают с жизнью,
Чтоб другие падали спокойно,
Не боясь, что могут вдруг «согреться»...

У людей
Бессмертия достойно —
Отдавать тепло большого сердца.

ОДНАЖДЫ В ДЕТСТВЕ

— Жар-птицу я сейчас поймаю,—
Мне утро радостно сказало.
Спросило, подмигнув игриво:
— Не хочешь ли взглянуть на диво?
— Да, да, хочу! Но где же птица?
— Эге, не торопись, сестрица,
Давай-ка выйдем на крылечко.
Иль прогуляемся до речки,
Не то жар-птица всех разбудит,—
Кричать «горим!» спросонок будут.
Мы живо к речке устремились.
На берегу остановились.
Я, право, очень волновалась.
Еще бы! Мне лишь удавалось
О чуде узнавать из сказок.
А тут — пожалуйста! — покажут
Ее, взавраваданную птицу.
Вот будет чем потом гордиться!
И, улыбаясь мне лукаво,
Взмахнуло утро вдруг руками,
Кафтан свой синий распахнуло,—
Жар-птицей солнышко вспорхнуло.

Галина ПРИНЦЕВА

КАЗНЕНЫ НА РАССВЕТЕ

Памяти Александра Ульянова и его
четырёх товарищей, повешенных в
Шлиссельбурге 8 мая 1887 года.

В последнем чистом, яростном объёте
Рывком склонились пятеро голов...
Плюгавый поп, тюремное исчадьё,
Гнусит молитву, крестится распятым —
«Святыней», на которой грязь и кровь, —
Подпоркой ржавой обветшалых тронов,
Крестом, что проклят трижды и не свят...
Зачем вы здесь, тупые солдафоны,
Мундиров, лиц и глаз бесцветный ряд?
Что, вы их в путь последний провожали,
Их — юных, гордых, яростных?
Вранье!
...Как,
Замирая, сына обнимали
Глаза и руки светлые её...
Как им, убитым рано на рассвете,
В распахнутую глубь огромных глаз
Рванулись небо, тучи, даль и ветер —
В последний раз...
В последний в жизни раз...
И жизнь, борьбой жестокой опаленная,
Верна, как клятве, памяти о них —
Не о казнённых.
Нет! О неказнённых.
Наперекор всем казням — о живых!

ШВЕЯ

И будет дождь.
И будет дом.
И я остаюсь в доме том.
Мне питки крепкие дадут,
Седого паруса лоскут.
Я буду шить под стук дождя,
Иголкой светлою води.
Что я сошью, соцветье бед?
Рубашку с крыльями тебе!
Чтоб улыбнулся,
И надел,
И вышел в дождь —
И полетел!

Куулар СУТТУГ-ООЛ

РЕКА МОЯ ШЕМИ

Меня вскормила теплой грудью мать,
И начал я пути свои искать:
Бродил и по лесам, и по горам,
В речных волнах купался и играл...
Бежать устал, куда течет волна,—
А не узнал, куда бежит она,
Лишь книги указали мне потом,
Что путь ее — к морям, покрытым льдом...
Рожденные течением реки,
Пути мои по жизни — далеки.
Взлететь бы к звездам мне с тебя, Земля,
Космическим маршрутом корабля!

СОРВАВШЕМУ КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Ты красный цветок сорвал,
И девушке подарил —
Не думай: очаровал,
Не думай, что покорил.
Цветов немало в степи,
И все они хороши...
Ты пламенем ослепи
Горящей своей души!

* * *

Любовь я сравнил бы с бурной рекой,—
Но пусть она людям подарит свет.
Есть счастье в любви, но только в такой,
Для жизни не видящих — счастья нет!

Александр РУССКИЙ

РОДИНЕ

Опять в полях
 восторженно
 и чисто
Горит и плавится
 апрельская
 заря,
И снова я
 восторженным
 мальчишкой
Бегу к тебе,
 родимая земля.
Мерцает там
 в дремучих переулках
Костерный порох
 медленных
 ночей,
А по утрам
 простуженно и гулко
Несется дымный
 кашель
 пускачей.
А песни там...
От всех своих депрессий,
Когда зайдет
 гулом
 голова,
Я уйду
 на зовы этих песен,

В мою страну,
 где все,
 как дважды два.
Там доброта
 неписанных
 законов
Хранит обычай
 давней старины:
Здороваться при встрече
 с незнакомым
И собираться
 к теще
 на блины.
И изначальный
 смысл
 не парушая,
Как будто вечно
 юная
 травя,
Живет от века
 истина большая:
Сначала дело,
 а потом — слова.
И машут снегом
 ветреные
 вербы,
И как бы путь
 негаданно
 ни лег,
Меня хранит
 прадедовская
 верность
Земле,
 стогам
 и запаху дорог.

* * *

Я хотел высоким быть,
Я хотел тебя забыть —
Горькой памяти пилюлю
Ветром времени запить.

Все, что было, — пустыки,
Поцелуи, петухи,

Если в сердце крутит вьюга,
Лучше пишутся стихи.

* * *

Если не услышишь
Голос мой и стих,
Стану непогодой
У окон твоих.

Ты меня прогонишь,
Я опять приду,
Стану дрожью веток
У тебя в саду.

Ты с улыбкой скажешь:
— Осень. Ну и что ж,
Я ударюсь в крыши,
Как весенний дождь...

Если и на это
Не ответишь ты,
Лягу белым снегом
На твои мечты.

Владимир СЕРЕН-ООЛ

ВОСЬМИСТИШИЯ

Мне любви наши тополя,
Когда цветущие сережки
Пух насылают на поля,
На подоконник, на дорожку.
Мне не забыть Туву мою —
Ведь я же вырос там, в лесу,
Где реки быстрые поют.
И там я понял жизни суть.

Когда синица улетает за моря,
С надеждой погляди вослед, а не с тоской —
Крылами птичьими измерена земля,
Вернется птица будущей весной.
Коль нет письма — не говори: «Пришла беда».
И день, и ночь не уставай ты вести ждать.
Любовь тувинца — это узел навсегда.
Он за нее готов и жизнь свою отдать.

Когда хлеба стоят и зрелы, и густы,
Осенний град для них опаснее всего.
А если верную любовь отбросишь ты —
Так, значит, сердце не удержит ничего.
Деревья рушатся под яростью ветров.
Я с горькой жалостью гляжу на них всегда.
Но если ревностью расколота любовь,
То это самая обидная беда.

У ловкача и подлеца.
Куда как коротка дорога.
Не видит сам ее конца,
Но рядом люди смотрят строго.
И твердой схваченный рукой
Он вспыхнет от стыда мгновенно.
Когда б он знал про тот огонь —
Не превращался бы в полено.

ГОРЛОВОЕ ПЕНИЕ — СЫГЫТ

Идет табуищик и поет.
А как поет? — сыгыт!
Замедлил сокол свой полет
И на него глядит.
Концертный зал. Народ сидит.
И радуется сердца
Все тот же нежный наш сыгыт.
Восторгу нет конца.
Как горный лед, звенит сыгыт,
В ответ поет струна.
Он над Тувой сейчас звенит,
А слышит вся страна.

САЯНЫ

(Шоферский вальс)

Угрюмые кедры стоят,
Да ветер январский гудит.
Водители сутки не спят —
В оба, водитель, гляди!

Саяны!
Седые Саяны!
Бьет снег в ветровое стекло.
Взметаются вихри по кручам,
Пургой колен замело.

Заветная даль голубая
Видна из-за кромки гольца.
Все ближе Тува дорогая —
Взволнованно бьются сердца.

Не спит Енисей подо льдом,
И каждый из нас не забыт —
В сиянии дня золотом
Встретит шофера Кызыл.

Пусть ветра разносится вой —
Машины завалы прошли.
Шофер возвратится домой
И с самой далекой земли.

Саяны!
Седые Саяны!
Бьет снег в ветровое стекло.
Взметаются вихри по кручам,
Пургой колен замело.

ГДЕ УЛЫБКА ТВОЯ, КАРА-КЫС?

(Песня чабана)

Много дней отара в степи, о-о.
Много звезд и ночей позади, о-о.
Впереди караган да ковыль
И кругом караган да ковыль, о-о.

Сколько дней я брожу без тебя.
Где улыбка твоя, Кара-кыс?

Нет дороги моей конца, о-о.
Нитки трои от гольца до гольца, о-о!
Я пою говорливый хомей
О любви твоей и моей, о-о!

ПРОЩАНИЕ С ЧАЙЛАГОМ

До свиданья, луга и леса!
До свиданья, простор голубой!
Посмотри мне в глаза —
В них прощанья слеза.

До весны,
До весны
Расстаемся с тобой.

Где с ветвей осыпалась хвоя
И брусника меж кедров цвела,
Там тропинка моя
И тропинка твоя
На заре,
На заре
У реки пролегла.

Здесь сыгыт,
Там звучит кыргыра,
Нежно кличет ягненка овца...
Где встречались вчера,
Нам расстаться пора.
Здесь навек,
До конца
Подружились сердца.

До свиданья, луга и леса!
До свиданья, простор голубой!

Посмотри мне в глаза —
В них прощанья слеза.
До весны,
До весны
Расстаемся с тобой.

Кустугур САТ

* * *

Ну, вот и кончен день труда.
Вечерний город тише, строже.
Но юность — в парке, как всегда,
И песни душу мне тревожат.

Все девушки здесь, как цветы.
Но где цветок, мне самый милый?
Зачем же посвятила ты
Мне песнь такой сердечной силы?

Приди, не прячься от меня,
Моей мечты очарованье:
О счастье трудового дня
Скажу и о моем страданье.

Пусть молодости огонек,
Как солнце, светит нам всеместно!
Давайте все дадим зарок
Хранить в душе любовь, как песню.

УМНОЖАЕТСЯ СЛАВА

За Хемчиком на перевале летом
Геологи разбили свой шатер.
Они по скалам лазили с рассвета,
И в сумраке вечернем жгли костер.

Что затаилось тут для них святого?
Я этим людям так хотел помочь,

Что раз из-под родительского крова
Сюда примчался, несмотря на ночь.

И парень молодой меня приветил:
— Отважных любит труд нелегкий наш!
С тех пор у нас сильней всего на свете
К себе манит мальчишек Кара-Даш.

С людьми, которым трудности не страшны,
Я двигаю индустрию Тувы.
Ак-Довурак растет на Кара-Даше,
Малютка-город, младший брат Москвы.

Лежало неизвестное веками
Несметное богатство этих мест.
Теперь идет, как драгоценный камень,
На стройку Коммунизма наш асбест.

Анатолий ДОПЧАА

БУДУТ ВЕЧНО ЖИТЬ

Три звезды сверкают в мире,
И огонь их не ослаб.
Счастье, жизнь нам подарили:
Ленин!

Партия!

Октябрь!

Древки мы несем в колоннах,
Алый шелк горит, летя.
И сияет на знаменах:
Ленин!

Партия!

Октябрь!

И весь мир повторит снова,
Сотни лет пройдет хотя б,
Эти три великих слова:
Ленин!

Партия

Октябрь!

ТУВИНСКИЙ ПАРЕНЬ

В Туве бескрайней,
В Туве суровой
Народ горячий живет,
Бедовый.
До дел охочий,
До дружбы ярый.
Тебя я славлю,
Тувинский парень.
С восходом солнца
Ты весь в работе,
В горах зовешься
Орлом в полете.
Твою улыбку
Так любят горы.
Тувинский парень,
Простой и гордый.
Не красотою,
Не словом смелым, —
Своей мечтою
Ты горд и делом.
Какне песни
Поешь ты ныне?
О крае милом
В тумане синем,
О реках буйных,
О горных тропах,
О том, как ласков
Березок шепот.
Когда снежишь ты
На встречу с милой,

Полны напевы
Чудесной силой,
И внемлют кедры,
Боясь очнуться,
Слугнуть напевы,
Что льются, льются.
Не в сплах радость
Твою умерить,
Тувшский парень,
Нельзя измерить
Твое уменье,
Восторг и смелость.
Без песни шагу
Тебе не сделать.
До дел охочий,
До дружбы ярый,
Тебя я славлю,
Тувинский парень.

ОСЕНЬ

Житель древней далекой Москвы,
Что красе своей лести не просит,
Побывай на просторах Тувы
В дни, когда здесь царицею осень!
По горам в час рассветный пройди,
Посмотри на багрянец таежный
И вздохни так, чтоб замер в груди
У тебя воздух песней тревожной.
Песней той, что на крыльях ветров
Над землею Тувы пролетает,
Над огнями полночных костров,
Что чабан под горой зажигает.
Над орлом, что затих на горе.
В ожиданье рассветной полоски,
Посмотри, как грустят на заре
Об умчавшемся лете березки.
И запомнишь тогда ты навек.
То, что нами давно уж хранимо,
Бурный, гордый разлив наших рек,
Белый хлопок таежного дыма.
Никогда житель дальней Москвы,
Что красе своей лести не просит,
Не забудет просторы Тувы
В дни, когда здесь царицею осень.

Проза

Салим СЮРЮН-ООЛ

ГЛУШЬ

(Отрывки из повести)

ГЛАВА 1

Причудливо изогнулись вылезшие наружу корни столетней краснокожей лиственницы, ствол которой от времени потрескался и на нем кое-где серли наросты, как бородавки на старом лице. Корневища дерева были толстыми, как бревна. Примостившись на одном из них, Хуралбай чистил ствол берданки и не заметил, как приковывал к нему его дедушка Узун-Анчы и неожиданно заговорил:

— Откуда у тебя берданка, внучек?

— Хозяйская, дедушка.

Старик не на шутку перепугался.

— Милый внучек, ради бога, отнеси обратно. И положи туда, откуда взял. Иначе нам несдобровать.

Берданка действительно принадлежала хозяину. Он ее давно приобрел у купца и берег как зеницу ока. И не показывал ее, и никому в руки не давал. Если есть ружье, значит целый год мясо не переведется в котле. А Думчук-Кожай богат. Он и так обжирается каждый день. И немолод, да и охотиться не умеет. А коль захочет, бывало, дичинки пль ждет к себе особо почетных гостей, срочно посылает на охоту Узун-Анчы. И только его, потому что Узун-Анчы слыл по всему сумону первейшим охотником. Тут уж хозяин ни с чем не считался. Даже коня доверял и провизию не жалел. А ведь он до того скупунций — зимой снега не выпросишь. Знал Думчук-Кожай — без добычи не вернется Узун-Анчы. И гостей накормит, и сам, сколько хочет, поест, да впрок еще засушит маралятины.

С нетерпением хозяин ждал Узун-Анчы с охоты. Увидя, спешил навстречу к нему и взглядом глаз, мутных, как лужицы, спрятанных в воспаленных веках, будто обнюхивал охотника со всех сторон, оценивал добычу. Ни слова не говоря, он сразу отбирал ружье и прятал. Если кто ненароком переставит его, то порка ему обеспечена. Хозяин сам любил избивать провинившегося волосяным арканом. И когда на теле наказуемого появлялись рубцы с палец толщиной, хозяин жмурился, и по лоспящемуся широкому лицу разливалось блаженство. Болился попадаться ему под горячую руку. Хуралбай это тоже знал. Но почему он вдруг смелым стал? Недоумевал Узун-Анчы: что произошло с внуком?

Сколько бы дедушка ни волновался, внук оставался невозмутимым. Он ловко орудовал шомполом. Потом, подняв дуло вверх, прищуря озорной глаз, целился в небо и между делом отвечал дедушке:

— Не бойся, дед. Подумаешь, преступление какое. Я берданку взял, только и всего... Да хозяйна и дома нет. В разьездах он. Дней шесть-семь не видно его «милого личика», — насмешливо произнес Хуралбай, помолчал и добавил: — Хоть бы скорей его дьявол на тот свет спровадил.

— Да ведь не всегда Думчук-Кожай разьезжал, — улыбнулся дед. — Правда, перед женитьбой на Сегитме по десять дней куда-то пропадал.

Хуралбай подхватил:

— Приехав домой, напивался до зеленых соплей и, как лягушка, квакал, — захохотал Хуралбай. — Это называлось у него песней.

— Какую он песню пел? Память у меня стала дырявой. ничего в ней не держится. Колготный он и вредный... хозяин наш...

— Вспомнил,— развеселился Хуралбай и во всю мощь запел песенку Думчук-Кожая:

На приволье в Баян-Коле
Рос чиновник Думчук-Мейрен.
Испытает сладость-радость
При двух женах Думчук-Мейрен.

В белых камнях Баян-Кольчк —
Там резвился Думчук-Мейрен.
Без второй жены-улады
Не прожить Думчук-Мейрену...

А потом, умиленный собой, покачивал головой, даже иной раз мутные слезы катились по его раскрасневшемуся лицу.

Не любил Думчук-Кожай развезжать. И не привык он надолго отлучаться от дома, если на это не вынуждало его срочное дело. Только любил он вместе с охотниками выходить на марала, хотя сам никогда не занимался охотой. Тайга привлекала хозяина. Долго он мог сидеть у костра и прислушиваться к ее голосу. Но неузнаваемым стал Думчук-Кожай, когда его сердце воспылало к юной Сегитме. А вот сейчас почему он задержался, никто не знал. Правда, хозяин хотел побывать в хошуне. Где его носит нелегкая, поди, узнай.

Узун-Анчы ссутулясь сидел, а рука его гладила берданку, словно она была живой. Потом он приподнялся, навел берданку на обугленное дерево, стоявшее напротив, и полнымым от времени глазом взглянул на цель, тут же опустил ружье и спросил внука:

— Зачем она тебе?

— Как зачем? Охотиться. Теперь повсюду зелено. Таволожник в цвету. Маралы и косули ищут сейчас лакомые листочки. Тут-то и охотиться на них.

Такой ответ озадачил старика. Лето в этом году наступило рано. Тайга оделась в зеленый халат, подпоясалась радужной опояской и охотиться было действительно впору. Если б Узун-Анчы был, как прежде, молодым и ловким! На треножник ставил котелок, наполнив водой, и, пока закипала она, приходил с добычей. А теперь он стар и слаб. Тело стало дряхлым, и годы согнули его. А какие были у Узун-Анчы глаза! Быстрые, меткие, и люди говорили, что отблески молнии горели во взгляде его. И давно он лишился одного глаза. Повищен был в этом хозяин Думчук-Кожай. Прихоть его исполнял Узун-Анчы. Захотелось баю немедленно иметь маральи рога. Отправился батрак добывать их. Подстрелил Узун-Анчы марала, навьючил на себя добычу и пошел через чащобу напрямком на стан. Как на грех оборвалась ноша, и он упал, наткнувшись на острый, как стрела, сучок. И тут же вытек глаз Узун-Анчы. И давно он стал хромать на одну ногу. Тоже из-за Думчук-Кожая. Однажды

весной хозяин к столу потребовал свежей рыбы. Заколол тогда Узун-Анчы острогой огромного тайменя и бросился в воду за ним. И сильно о камень ударился ногой. Когда он кое-как выбрался на берег, на ногу не мог ступить. Наверное, была трещина. С тех пор Узун-Анчы охромел на правую ногу. Стар он, конечно, и немощен, но многое видел на своем веку и о многом мог поведать другим. Хорошо он знал родную тайгу, повадки зверей и веками накопленные народом приметы.

Хуралбай разговаривал с дедом своим, как заправский охотник. Откуда это у него? Да он не то что настоящую дичь, а зайца ни разу не приносил. Во всяком разе, Узун-Анчы не примечал за внуком охотничьих способностей. Узун-Анчы ни разу не видел, чтоб Хуралбай держал ружье в руках или нажимал на курок. Что делается с парнем! Не побоялся у бая самовольно берданку забрать.

Так и не понял старик, как это случилось. Через долгую паузу он снова заговорил:

— Внучек, откуда ты узнал?

— О чем, дедушка?

— О приметах удачливой охоты, о буйном росте трав?

— А-а! Чудной ты, дедушка! От тебя я узнал, да и сам примечал.

«Так и есть, наверно. Ему уж восемнадцать исполнилось. А я все его считаю ребенком», — думал Узун-Анчы и подсел к внуку, скрестивши ноги. Он откинул в сторону полы старого стеганого халата — заплатка на заплатке, не спеша вытащил из-за голенища маймаков тонкую трубку, сделанную из таволожника, с медным наконечником, из-за пазухи достал дунзе¹ и, набив ее табаком, с наслаждением затянулся. Потом вынул трубку из запавшего рта и обратился к Хуралбаю:

— Постой, внучек. А ты хоть раз в своей жизни пробовал стрелять?

— Дедушка! Неужели ты сомневаешься во мне? Какой же из меня мужчина, если я не умею стрелять?

— Где, когда стрелял, внучек? Я что-то не припомню.

— Рассказать тебе всю правду?

И услышал Узун-Анчы исповедь Хуралбая.

Раньше Хуралбай совсем не интересовался огнестрельным оружием, даже в руки ни разу не брал. Ранней весной в аал приехал Арган-оол. Через плечо у него висела новенькая винтовка. И когда он собрался уезжать, Хуралбай подошел к нему и, уставившись на винтовку, спросил:

— Где взял винтовку, акый²?

— Да здесь, у одного человека. Ты не знаешь его, — улыб-

¹ Дунза — табак.

² Акый — дядя или вежливое обращение к старшим.

нулся Арган-оол и начал испытывать Хуралбая:— Послушай, паренек, ты ведь внук самого Узун-Анчы, знаменитого охотника. Ты, верно, стрелок меткий, да и охотник что надо?

— И не стрелок, и не охотник, акый.

— Не может этого быть,— сказал Арган-оол и решил подзадорить паренька.— Ты же мужчина, Хуралбай!

Хуралбай молчал. Арган-оол развязал коня и, приготовившись заскочить на него, продолжал:— В местечке Хайырлыг-Кат проживает женщина по имени Бапык. Она уже в годах. Растолстела и стала грузной и малоподвижной. Но охотится любо-дорого. Ни одного зверя не пропустит, бьет наовал, а муж у нее в помощниках ходит, даже во главе облавы она стоит сама, а муженьку позволяет только загоять дичь. Бапык никогда не промахнется. Белке в глаз попадает. Выстрел — и падает зверь. Удивительная охотница! Я ей в подметки не го-жусь.

В это время из нарядной юрты вышла тоненькая, как былька, Сегитма в алом шелковом халате с опояской небесного цвета. Косы, как черные ручейки, струились по груди и спускались ниже колен. Арган-оол указал кнутовищем на нее:

— Наш хозяин, когда женихался, чтоб завладеть красавицей Сегитмой, даже стрелять учил ее.— Помолчал и снова начал наставлять Хуралбая:— Нехорошо получается. Взрослый парень, а ружье держать не умеешь. Баран тебя засмеет. Научись стрелять и зверя добывать. А если война начнется? Ты ведь как пень с глазами будешь.

— Ружья нет, акым... А то отдай мне свое,— попросил у Арган-оола Хуралбай.

— Не могу, дружок. Не мое. Напаялся дичи добыть.— И, перейдя на шепот, Арган-оол сказал:— У хозяина без дела лежит берданка. Надо ее использовать по назначению.

— Разве он даст,— промолвил Хуралбай.— Ты же знаешь, акым, какой он жадюга.

— А ты втихомолку забери, когда его дома нет или пьяным бывает. И обязательно научись стрелять.

Ничего не сказал Хуралбай. А советчик сел на коня и покакал. Но задумался над этим юпаша... «И вправду, чего я... до сих пор ружья не держал в руке, чем я хуже других?»

И решил Хуралбай воспользоваться советом Арган-оола. Никогда не интересовался, куда кладет свою берданку Думчук-Кожай. Надо узнать, где она у него находится. Как-то раз он зашел в белую юрту хозяина и начал поспешно рыться повсюду. Аа, вот где она! Висит над подушкой, прикрытая шелковой тряпкой. Через несколько дней хозяин запил и свалился. Стоял полдень. Хуралбай зашел в юрту хозяина и унес берданку с охотничьей сумкой. Зашел в укромное место и только один раз

выстрелил. Пуля угодила прямо в серединку пня. Хуралбай сильно испугался, думая, что хозяин услышал выстрел, быстро вернулся и повесил ружье на старое место.

Так началось знакомство Хуралбая с оружием. Потом он от случая к случаю стрелял из хозяйской берданки. И научился, худо ли хорошо ли, ею владеть.

Выслушав внука, Узун-Анчы не произнес ни звука. Только крепче затягивался трубкой, задумчиво поглядывая на Хуралбая. Дед с внуком сидели недалеко от аала. Кто-то из хозяйской юрты закричал:

— Эй, Хуралбай, Узун-Анчы, где вы запропастились? Идите сюда!

Хуралбай, схватив берданку, миг исчез как дикий олень. Его скрыли толстые стволы лиственниц. А Узун-Анчы, прихрамывая, направился к юрте.

ГЛАВА 2

В тот же день примчался Думчук-Кожай на взмыленном коне. Да и сам он был порядком измучен. Видно, дорога была дальней и нелегкой. Он хмуρο молчал, и только по широкому лицу его перекатывались злые желваки. На вопрос старшей жены он буркнул сквозь зубы: «К баю Ондаров ездил. Не любытствуй». Так никто и не узнал ничего.

Между тем, не успел Думчук-Кожай утолить свою жажду чашкой горячего чая, как показалось более десятка верховых, все, как один, с винтовками. Их сопровождал купец Мыкылай, тоже с винтовкой наперевес. Люди, одетые в военную форму, кроме татарина Мыкылая, были русскими.

Здесьние араты хорошо знали купца. Мыкылай свободно владел тувинским языком. Торговал он разной мелочью, особенно наживался на чае и дунзе. Купец разъезжал и был толст, как тарбаган. А в сидячем положении до смешного напоминал куль, набитый мукой. Без помощи постороннего толстяк не мог усестись верхом на коня. Чтобы закинуть ногу на стремя, ему обязательно надо было бревно или камень, иначе он возле коня мог повертеться целый день. И какое бы широкое седло ни было, оно исчезало под телесами Мыкылая, а брюхо его вываливалось впереди седла, как убежавшее тесто из квашни. Поддерживать живот свободной рукой стало привычным делом купца. Мыкылай был острым на язык, умел вовремя подкинуть меткое словцо, слыл шутником и балагуром, мог легко людей рассмешить. Словом, в общении вступал с человеком с первого слова. А когда он приезжал с товарами, то ни одну юрту не пропускал. И не жалел он слов, когда расхваливал свой товар, каким бы он ни был. Иной раз так заговорит зубы покупателю,

что тот, бедный, не заметит, как в его руках окажется совсем ненужная вещь. Богател Мыкылай. От бойкой торговли в руки купца плыли шкурки ценных зверьков, множился скот.

Постоянное место торговли Мыкылай находился в долине Хемчика, вниз по течению. Нелегко было добраться дотуда. Путьника ожидали большой перевал, три речушки и простиралось перед ним широкое поле. На ленивом коне только за сутки можно было досхать в те места. Но купец не считался с этим. Он любил являться с товарами сам в Ак и Алан. Очень удобно было здесь Мыкылаю. Дом его на Алтае. Это близко отсюда и подручно купцу переправлять на родину пушнину и скот.

Мыкылай всех окрестных аратов знал в лицо, но самым близким его другом был Думчук-Кожай. По приезде сюда купец останавливался только у него. И первые два-три дня они с хозяином кутили. Арака¹ лилась рекой. В огромной чаше, не переставая, варилась нежная баранина, перед Мыкылаем дымились аппетитные круги хана², в крашеных деревянных тарелках возвышались груды румяных пова³. После такой попойки Мыкылай приступал к торговле. Во время работы он в рот не брал спиртного. Обман и хитрость татарина били по карману бедных покупателей. Купец, в наживе ничем не брезгуя, доходил до наглости. За плитку зеленого чая, за кусок далембы арат отдавал годовалого телка. Так обирал бедняков общительный и словоохотливый купец. Но никто не видел, как шел торг между купцом и Думчук-Кожаем. Так до сих пор и не узнал об этом даже Узун-Анчы, который батрачил у Думчук-Кожая очень много лет подряд. Хозяин ни в чем не нуждался. Дом его можно было назвать полной чашей. Чего только не было у Думчук-Кожая: шелка и парча, фаянсовые пиалы и тарелки, табачи высшего сорта, пряники печатные, конфеты, курага⁴ и сахар. Батрак не мог понять — за что хозяину его этот Мыкылай, хитрый жирный лис в черной ермолке, преподносит дары. А остальным и совсем было невдомек, что сблизает Думчук-Кожая и Мыкылая.

Выделявая ягнячью шкурку возле юрты-кухни, Узун-Анчы приглядывался к приезжим. В густом тальнике, подальше от сторонних глаз, расположились гости. Коновязи пустовали. Вот показался из-за кустов военный с какой-то нашивкой на плечах (видать, тарга⁵), за ним переваливался Мыкылай на своих коротких, как обрубки, ногах и Думчук-Кожай, который

¹ Арака — самогонка из молока.

² Хан — кровяная колбаса.

³ Пова — пресные лепешки.

⁴ Курага — сушеные абрикосы, персики.

⁵ Тарга — начальник.

выбежал навстречу им, не допив свой душистый чай. Все они быстро вошли в юрту хозяина. Остальные русские развьючивали лошадей, стаскивая поклажу в одно место, привязали коней и начали разбивать палатки. Хоть и обрадовался Думчук-Кожай приезду своего дружка Мыкылая, но русские в нем будили смутное чувство опаски и подозрения. Многие было ему непонятным и страшным. Десятки, а может, сотни раз приезжал татарин Мыкылай, но его никогда не сопровождали вооруженные всадники. Да и сам он всегда приезжал без винтовки.

Мыкылай с Думчук-Кожаем вскоре вышли из юрты и зашагали от нее в сторону, перебрасываясь отдельными фразами, которые, казалось, хозяина как-то успокаивали. И все же сквозь ласковое мурлыканье в его голосе слышались нотки испуга и тревоги. Его седлообразный нос с черными отверстиями вместо ноздрей, торчащий пеленым бугорком между скулами, вздрагивал и приплюсывался к чему-то. За свой нос он и носил кличку Думчук-Кожай, что означало Хозяин-Носопырка.

— Ойть, ядганы!¹— картавя, цыкнул он на стоявших то тут, то там аратов.— Зачем собгались? А ну, газойдись!— И, брезгливо отвернувшись от них, вошел в юрту.

Юрта хозяина, белая и большая, как облако, спустившееся на землю, стояла поодаль от других юрт. И так было на всех стоянках. Он не любил соседства с бедняками. Араты и сами сторонились его. И свои закопченные юрты, похожие на чесоточных овец, ставили как можно дальше от пышных и нарядных юрт Думчук-Кожая. Беднякам не доставляло особого удовольствия слушать презрительное урчание хозяина. Они держались от него на расстоянии. Но любопытство взяло верх. Потихоньку, один за другим они стекались к белой юрте. И желание разузнать, что за вооруженные люди и зачем прибыли в здешние места, делало их смелее. Но ничего им не удалось разведать. Думчук-Кожай показался в дверях юрты и, оскалив крупные желтые зубы, прогнал их прочь:

— Ну, погодите! Попадетеь под гогающую гуку!

И пошли бедняки, не солоно хлебавши, к себе. А за ними пошелся, заложив руки за спину, Узун-Анчы.

— Оой, ашак², как тебя... Ужун-Анчы!— крикнул вдогонку хозяин, произнося вместо Узун — Ужун... Старик вернулся к нему. А Думчук-Кожай продолжал:— Газведи огонь. Куда запропастился Хугалбай? Пусть явится ко мне! Надо багана заколоть. Мясо свагить, да гостей накогмить.

Кроме белой, у хозяина были еще две юрты. В одной из них жила его молодая жена, в другой ютились батраки, там же

¹ Ядран — нящий.

² Ашак — старик.

готовилась еда, перегонялся хойтпак¹ на араку, резали баранов. В этой юрте хозяйничала кухарка Хенче, дочь Узун-Анчы, батрачка хозяина. Было время, когда ей во всем помогали сын с ее отцом. Когда Узун-Анчы был еще в силе, он сам резал баранов, а внук помогал их свежевать. Теперь их роль переменялась. Хуралбай один справлялся. Телько у бедной Хенче круг обязанностей оставался прежним, да силы уже были не те. По ночам ныла спина, горели от натуги руки и ноги.

Бедному человеку зимой снега не даст Думчук-Кожай. Зато перед Мыкылаем разыгрывал радушие и гостеприимство. Велел заколоть большого барана и все бегал из белой юрты в батрацкую — не мог дожидаться, когда сварится мясо и хан. Никто его таким не видел. И даже сильнее любопытство разбирало, когда он, появляясь в дверях батрацкой, раздраженно произносил:

— Что вы, как чегви, еле шевелитесь? Дьявол бы вас побгал! Живей повогачивайтесь! А не то всыплю всем! — и исчезал, чтоб через минуту снова ворваться и снова изрыгать из брызжущего слюной рта гнусавую брань. Наконец собственноручно понес на подносе мясо и хан гостям. Узун-Анчы с дочерью и внуком переглянулись и, удивленно пожав плечами, будто спрашивая друг друга: «Какая муха укусила нашего хозяина?», — продолжали заниматься своими делами. Тогда Узун-Анчы, словно подведя черту под их общую мысль, промолвил:

— Что же так встревожило нашего хозяина? И кого привел этот Мыкылай? Что бы это значило? Здесь, скажу вам, что-то не того... Неспроста... Прости нас, хайыракан²!

— Пусть беда минует наш дом!

Хоть примерно и знал Хуралбай, что за люди нагрянули сюда, но секрет свой держал при себе. И все же был страшно удивлен, когда, выйдя во двор, увидел у дверей хозяйской юрты часового.

В юрте хозяина кричали и спорили. И было ясно, что там шла попойка. Хуралбай попробовал приблизиться к юрте. Но это было опасно. Русский, произнося какие-то ругательства, размахивал ружьем. «Зачем же на рожон лезть?» — подумал про себя Хуралбай. Не стал Хуралбай заходить в батрацкую, а пошел к старенькому чуму матери, думая про себя: «А это все-таки они. Иначе, зачем им часового у юрты ставить? Этого русского поставили не для того же, чтоб он караулил товары Мыкылая. Сваленные в кучу товары купца по нескольку дней лежали без присмотра возле юрты хозяина или под деревом, и никто не прикасался к ним. Не барахло Мыкылая беспокоит

¹ *Хойтпак* — закисшая простокваша.

² *Хайыракан* — священный медведь.

их... Нет, они трясутся за собственные шкуры. Постой, что же мне делать сейчас?»

Внутри чума было темно. Хуралбай сидел один, и мысли буравили его мозг. Было о чем задуматься... «Если не увижу лица приезжих,— думал он,— а услышу, о чем они толкуют, может, даже с пятое на десятое, я все равно кое-что пойму». Юрта Думчук-Кожая прижалась к леску, с трех сторон ее обнимали горы. Слева возвышалась крутолобая горка, по которой карабкались пышные кустарники и яркие цветы, а у ее подножия прыгала, как косуля, резвая речка, о чем-то быстро-быстро разговаривая с камнями и выплескивая белые барашки волн на берег. Красивое было это место. В ушах зажурчала речка... «Пожалуй, пойду... Если осторожно подрастаться, то часовой не услышит меня».

Хуралбай вышел из чума. Ночь черной ладошью прикрыла землю. Ни одна звезда не могла пробиться к ней. Тучи загородили дорогу. Только в юрте хозяина мерцал свет. Тишина кругом. Лишь устало вздыхает речка да стонет иволга где-то на берегу. Хуралбай, то низко пригнувшись, то ползком, раздвигая руками ветки, пробирался вперед. Никто не подозревал, что он с каждой минутой приближается к юрте. Собаки будто сговорились — ни одна из них не лаяла. Хуралбай дошел до разлапистых лиственниц. До юрты было рукой подать. Часовой ходил вокруг нее, и по его вздохам было понятно, что надоело ему болтаться в темноте. Пьяная компания продолжала веселье. Еще громче перебивая друг друга, говорили в юрте, но не все слова были понятны. Эх, поближе бы подойти! А часовой, как назло, вертится и вертится по кругу, словно заведенный волчок...

Хуралбай сидел, как в засаде на зверя, и, казалось, ждал, когда он выскочит. Наконец заскрипела дверь и несколько человек, переговариваясь, вышли и завернули за юрту. Русские тут же зашли в нее, они были вроде трезвые. Мыкылай с Думчук-Кожаем задержались.

— Водки еще надо? У меня есть. Это подарок моего таныша¹ китайца,— похвастал купец.— Пей, сколь душа примет, но помни: долг платежом красен.

— А что мне?— начал хозяин.— Пей, говогишь,— буду пить, беги, говогишь,— возьму.

То ли винные пары заиграли в нем, то ли он кое-что пронюхал, только давешней тревоги будто в помине не было.

— А эти бодяги будут водку лакать?— с пренебрежением спросил он у Мыкылая, и тот ответил:

¹ Таныш — знакомый.

— Не знаю. Они чего-то опасаются.— Потом замолчал на секунду и продолжил:— А я-то думал, военным людям сам черт не брат. Эти кяфэры¹, как осиновые листочки, трясутся, от малейшего шороха пробирает их мелкая дрожь.

— Откуда они пггножаловали?— спросил Думчук-Кожай гпусавя.

— Я же сказал, бродяги. Жалкие остатки вдребезги разбитой белой армии, которые под натиском красных бежали в Монголию. Да, видишь, не добежали, силенок не хватило,— с презрением выпалили татарин и даже в сердцах плюнул.— Отрезанные от своих, они на Хемчике пустились в разбой: ни конному, ни пешему от них не стало проходу. Резали скот, грабили купцов, убивали людей. Меня бог помиловал. Не тронули. Дескать, ты не здешний, а прибыл из-за Саян. Больше того, они ко мне прониклись доверием. А в это время творились невиданные дела. Красные из Хем-Белдира спелись с хемчикскими аратами, и полетели ключья от белых. Одних поубивали, других забрали в плен, третьи бежали от красных, как зайцы от орла. Вот и эти — как от жилетки рукава. Остаточки. Им теперь негде голову приложить. Они, как звери загнанные, прячутся в лесах и пещерах. А жрать-то им надо. Угощают скот у людей. Неизвестно, сколько они простоят здесь. Как волки, будут резать скотину. Я сказал им, что ты бай², они и ошастливили тебя, заехав в твой дом. Но смотри, ухо держи остро, они не постесняются поубавить порядком и твой скот. Но они тебе верят...

— А ты зачем к ним пггисоединился, газве красные пггитесняли тебя?— поставил вопрос ребром Думчук-Кожай.

— Как только они начали драться между собою, я тягу дал да спрятался. Когда поутихло, так приехал домой. И что же? Лавка разграблена. Скот поделен между тувинскими бедняками. Араты ко мне отнеслись, как к беляку,— вздохнул Мыкылай.— Теперь ты сам посуди, что мне оставалось делать? Там оставаться мне уже нельзя. А эти проходимцы меня заставили быть ихним проводником. Привел я их по тайным тропинкам сюда. Красным этот путь и во сне не приснится. Самые ценные товары я прихватил с собой, да и был таков. Что ты уставился на меня, как баран на новые ворота?— насмешливо произнес купец.— Перед тем как удрать, я лучшие товары закопал. Понял? А теперь как быть — не знаю...— Тоскливая потка задрожала в голосе татарина, который всю свою жизнь с улыбкой-прибауткой грабил бедняков.

— Тувинцы, значит, тоже в дгаке участвовали?

¹ Кяфэр — неправоверный, проклятый богом.

² Бай — богатый.

— Хоо! Они, как львы, бросалсь на белых и баев. Я же тебе объяснил, что весь мой скот тувинцы присвоили. Они и на тебя зуб грызут. Ты ведь хозяин. А таких, как мы, они ненавидят.

— Помилуй нас, хайыгакан, пусть зло пройдет от нас стогоной! — испуганно заговорил Думчук-Кожай, обращаясь к богу.

Мыкылай закурил, и огонь от папиросы зловецю краснел, как одинокий глаз в темноте.

— А здесь моя скотина цела?

— Навечно. Куда ей деваться. Аггап-оол, поди, пасет.

— Арган-оол несколько дней назад на Хемчике был. Что ему понадобилось там? Мне на глаза не показался стервец, — бросил кунец папиросу.

— Я этого не знал. Сам недавно приехал из Ак-Аксы, — запнулся на этом слове Думчук-Кожай и замолчал. К кому и зачем ездил, он не объяснил, а собеседник его не заинтересовался. Но поездка Арган-оола в Хемчик не оставила хозяина равнодушным, и он переспросил:

— Уваа! Зачем он приехал туда?

— Шайтан¹ его знает. А может, он с красными снюхался?

— Вряд ли бедняга Аггап-оол на это способен, — усомнился Думчук-Кожай.

— Завтра незваных гостей, — решительно заговорил Мыкылай, — надо спровадить. И проводника им до Улуг-Арта² дать. А я здесь пережду. Скажи людям, что я, как обычно, торговать приехал. Они ни о чем не должны знать. А русские, мол, попутчики. Мне твоя помощь потребуется, — впервые просительно заговорил с Думчук-Кожаем Мыкылай. — Ты дай мне несколько своих батраков, да только выносливых и здоровых. Они мне помогут скот перегнать домой.

Мыкылай с Думчук-Кожаем были изрядно выпивши, но языки не заплетались. Мозг их лихорадочно искал выход из положения, голоса звучали озабоченно. Разговор был прерван — кто-то позвал их в юрту.

— Вишь, испугались... Думают, что мы с тобой козни против них заводим... трусы, — сказал Мыкылай по-тувински, а дальше запустил какую-то брань на татарском языке и двинулся к юрте, а за ним зашагал Думчук-Кожай.

Все понял Хуралбай. Ни минуты не медля надо действовать!

Скакун Думчук-Кожая Чугурук-Хоор — Каурка — на аркане. И пятнадцать верст для Каурки ничего не значат, и он, как

¹ Шайтан — по-татарски черт.

² Улуг-Арт — Большой перевал.

ветер, промчит Хуралбая туда, куда ему надо. Очень осторожно он отошел от юрты, взял запрятанное ружье и, подойдя к коню, взнуздав его и без седла с места в карьер поскакал на нем, пригнувшись к гриве. Чугурук-Хоор птицей мчался в ночь, разрезая воздух своей грудью. В ушах Хуралбая встречный ветер свистел, обдавая лицо холодной струей.

ПРОВОЖАНИЕ

(Рассказ)

Теплым августовским утром автобус, следующий в Кызыл, остановился на окраине поселка.

Айлинма заняла место у окна, в середине машины, чтобы последний раз махнуть рукой и улыбнуться провожающим. Их было много: сверстники и пожилые односельчане. Айлинму провожали далеко и надолго. Она улыбалась, кивала головой, но ее глаза все время кого-то искали в толпе.

Автобус, наконец, чихнул и, выпустив клубы синего дыма, тронулся. Последний раз мелькнули перед глазами девушки лица односельчан и холодная улыбка Соксал, которая стояла, прислонившись к кривому тополю.

Автобус свернул за угол, и Айлинма отвернулась от окна. На ее румянном лице не осталось и следа от недавней радости. Она задумалась. Ее коротко стриженные волосы выбивались из-под клетчатого платка и спадали на глаза. Аккуратным движением тонких пальцев она умирала непослушные пряди.

Автобус пересек черту поселка и мчался теперь по пыльной асфальтовой ленте, рассекающей степь.

Пассажиры разговорились. У каждого были свои заботы, свой путь и свои дела. Молчала лишь Айлинма. Через спину водителя она следила за набегающими на автобус холмами и что-то вспоминала...

Вспомнился вчерашний вечер и разговор родителей, который она слышала, сидя на открытой веранде.

Мать просила отца поскорей растопить печь, чтобы успеть наварить на дорогу Айлинме побольше мяса.

— Я все думала, — говорила она, — что день отъезда еще далеко, а он уже завтра.

Голос ее огорченно дрогнул.

— Ничего!— попытался успокоить ее отец.— Время летит быстро, и через четыре года она вернется к нам зоотехником.

— А может, раньше?— с надеждой спросила мать.— Ведь если Айлинма будет учиться так же, как работает, то она сможет закончить институт досрочно!

— Наверяд ли...— с сомнением ответил отец.— Если она и придет раньше, то только на практику.

— Конечно,— с радостью подхватила мать,— она будет приезжать к нам каждое лето. Да и город, в котором она будет учиться, не так далеко. От Омска до Кызыла самолет летит всего несколько часов.

— А от нас до Кызыла рукой подать,— согласился отец.— Только, пожалуй, Айлинма захочет проходить практику в передовых хозяйствах других областей.

— Ну что ты!— испугалась мать.— Ведь ей и самой захочется домой. А практику она сможет пройти и у нас, тем более, что потом ей придется здесь работать.

Отец не стал возражать, и спор затих.

Родители давно одобрили желание Айлинмы поступить в институт. Но теперь, когда пришел день отъезда, им было трудно расставаться с ней. Айлинме стало жаль родителей, но она успокоила себя тем, что уезжает не навсегда.

Она посмотрела на часы и, не дослушав спора, пошла в клуб, который находился недалеко от ее дома.

Не успела Айлинма присесть на свободный стул возле двери, как девушки и парни, танцующие под баян, окружили ее. Музыка сразу же смолкла, и Айлинму забросали вопросами, замучали рукопожатиями. На лицах друзей и подруг было написано участие, гордость и зависть ее отъезду. Все договорились проводить ее завтра и увели танцевать.

Сделав несколько кругов, Айлинма что-то шепнула партнеру и побежала к двери навстречу только что вошедшему Баиру. Она взяла его за руки, смутилась и низко опустила голову. Казалось, что засмутился даже голос баяна.

Баир растерялся, потом заглянул в лицо Айлинмы и кивнул на зал:

— Пойдем потанцуем?!

Они вышли на середину зала, и Айлинма даже через одежду чувствовала тепло от тела Баира и слышала, что его сердце стучит так же громко, как и ее. Ей показалось, что танцуют они не в тесном зале, а во Вселенной.

Покинув клуб, они вышли во двор. Красная луна осторожно выглядывала из-за гор, словно охотник, поджидающий зверя. Они побрели по парку, и всегда разговорчивый Баир был молчалив.

Айлинма прижалась к нему плечом, и они совсем забыли о времени.

И лишь когда красная луна стала желтой, как латунная тарелка, и высоко всплыла над парком, они прошли к конюшням, где стоял скакун Баира.

Отвязав коня, Баир сказал, подавив в горле спазму:

— Время, Айлинма! Сегодня моя очередь стеречь табун...

Айлинма придержала его за руку, словно боясь, что он сразу же исчезнет, и заглянула в его заполненные луной глаза. Баир молчал — он не знал, что пужно говорить при расставании.

Айлинма ждала.

Наконец, Баир сказал тихо и горько:

— Завтра ты уедешь и вернешься уже зоотехником... Может быть, тогда ты и не захочешь встречаться с простым табунщиком?

Эти слова обидели Айлинму. Но она сразу же вспомнила майский праздничный вечер, залитую светом эстраду, себя и Баира, поющих «Чымчак салгын»¹. Потом крыльцо клуба, косявые тополя за поселком и шепот реки, который они слушали, сидя на толстом пне. Они спорили, мечтали о будущем и жалели, что весенние ночи так коротки.

Ей всегда было хорошо с Баиром, хоть порой они ссорились. Баир был горяч, а иногда и резок, но Айлинма любила его и за это.

Сейчас Баиру было трудно. Айлинма поняла это и спросила шепотом:

— Будешь ждать?

Баир промолчал, потом притянул к себе ее голову, вдохнул душистый запах волос и поцеловал.

— Посмотрим... — сказал он, сел на коня и ускакал в степь.

Утром Айлинма зашла на ферму. Ее коровы, словно бы сговорившись, держались вместе в углу загона. Айлинма, прощаясь, погладила каждую из них.

— Что ты здесь делаешь? — крикнула Соксал, сидящая на изгороди.

— Прощаюсь с подшефными, — ответила Айлинма.

Соксал засмеялась, но смех не сделал ее лицо добрее. Высокая грудь и узкие плечи вздрагивали от негодования.

— Прощаешься с коровами? Ну, и что же они тебе сказали? Что будут ждать четыре года? Не беспокойся, они скоро тебя забудут. Ты высоко летала, твои портреты печатались в газетах, но тебе захотелось взлететь еще выше! Теперь ты

¹ *Чымчак салгын* — Нежный ветерок.

уезжаешь учиться, причем за счет колхоза. Великолешно! Поезжай, только смотри не упади! А коровы твои не пропадут — я буду доить их. И не шлейся здесь больше! Не мешай другим.

Все знали Соксал как лентяйку, у которой язык был всегда проворней, чем руки. На ее слова никто не обращал внимания. Но последняя фраза насторожила Айлинму.

— А кому я мешала? Тебе?

— Это не имеет значения! — ушла от вопроса Соксал.

Айлинма промолчала и спросила опять:

— Ты же сама своим поведением заслужила звание лентяйки. При чем же здесь я?

Соксал шмыгнула носом и сказала, глядя куда-то в сторону:

— Как буду жить — дело мое...

— Конечно, твое, но не нужно при этом забывать и про совесть.

Соксал как-будто кто-то уколол. Она прыгнула с изгороди и затрепала как сорока:

— Ну-ну! Ты меня не учи! Ты сама сдешь учиться. Я не только о работе говорю... Есть кое-что и другое...

— Я тебя не учу, — спокойно ответила Айлинма. — Тебе самой пора подумать о своей жизни.

По дороге от фермы к дому она думала о том, что Соксал всегда была равнодушна к Баиру, и на душе у нее было не совсем спокойно...

...Гудит мотор автобуса, поет вместе со степным ветром нехитрую песню дороги.

И вдруг Айлинма увидела, как из-за далеких холмов появился всадник и поскакал наперерез машине. Всадник был еще далеко, но Айлинма сразу же узнала в нем Баира. Она попыталась открыть окно, но пальцы не слушались ее. Русский, который сидел рядом, привстал и помог ей. Айлинма высунулась из окна.

Баир скакал рядом с автобусом на расстоянии аркана.

Айлинма сорвала с головы подаренный когда-то Баиром платок и махнула им всаднику. Слезы брызнули из ее глаз. Сквозь них глядела она на загорелое лицо Баира, кивала головой и ловила сквозь свист ветра так сейчас ей нужные слова:

— Бу-уу-ду жда-аа-ть!

Сосед рывком вернул ее на сиденье -- навстречу автобусу мчался грузовик.

Айлинма улыбкой поблагодарила соседа и снова высунулась в окно. Но Баир уже отстал, и до нее донеслось лишь эхо его последних слов:

— Жд-ааа-ть...!

Вскоре всадник превратился в точку, и Айлинма пожалела,

что не попросила водителя остановить автобус. Она нахмурилась, но, глядя на сочувствующие лица пассажиров, улыбнулась опять.

— Жда-аа-ть!— с удовольствием повторила она последние слова уха.— Будет ждать!

Геннадий НЕКРАСОВ

ПАРОЛЬ — „РЕВОЛЮЦИЯ“

ПРОЛОГ

1919 год. Красная Армия громит колчаковцев. Активизировались и партизаны, особенно по железнодорожной магистрали. Против них «верховный правитель» бросил карательную армию. Руководители партизанских отрядов, считая, что вести открытую войну с карателями им не под силу, решили оставить после упорных боев повстанческий центр — село Стенной Баджей и, оставляя заслоны, которые прикрывали отход полков, организованно отступали за Саяны в Туву, где у власти были Советы.

Атаман Бологов, командуя карателями, не смог развернуть боевые операции в горах, но он задумал закрепиться в Туве. С Советами мечтал покончить одним ударом, разгромив плохо вооруженную армию большевиков, которой командовали бывший штабс-капитан кавалер четырех георгиевских крестов Петр Щетинкин и бывший поручик агроном Александр Кравченко. Грозные тучи наплывали на голубой небосклон Тувы.

ЗАДАНИЕ

Белоцарск¹. Владимир Данилкин, ординарец командующего, вбежал в штаб — деревянный домишко под дощатой крышей. Командующий сказал:

— Срочное задание, Володя! Жена у тебя с Манским полком?

¹ Ныне Кызыл.

— Да.

— Увидишься—поцелуй дочурку за меня. А теперь слушай внимательно. Твоя задача найти Канский и Манский полки и передать мое распоряжение. Твой пароль — «Революция».

— Ясно.

Командующий подвел ординарца к карте:

— Канцам — ускорить движение. Манцам, чтобы сбить с толку карателей, необходимо свернуть с тракта на Усисск и таежной тропой идти на Белоцарск. Этот путь трудный, но безопасный — они избегут преследования и оставят в дураках атамана Бологова.

Он подал ординарцу конверт и пожал руку.

Не первый раз было выполнять Данилкину подобные поручения. Военное дело он знал отлично. Еще в германскую воевал снайпером и имел два Георгия, а эти кресты за карие глаза простому солдату не давали. Командующий увидел в окно, как боец вскочил в седло и тихой рысцой направился к переправе через Енисей.

ПАРОЛЬ В ДЕЙСТВИИ

Около восьмидесяти километров позади. Гулко цокают копыта. Конь почувал воду. Подошел к речке, ткнул морду в звездное отражение. Владимир прыгнул на землю, зачерпнул в ладони ледяную воду. Напился. Вытер губы и подбородок тыльной стороной ладони, похлопал коня по влажным губам и сказал тихо:

— Ну, Савраска, двигаем дальше.

Поднялся на горку. Из темноты окликнули:

— Пароль!

Владимир придержал коня и тихо:

— «Революция».

— Что нужно?

— Канцы?

— Ну.

— Где у вас командир?

— Данилкин?

— Я!

— То-то чую — голос знакомый.

Данилкина провели в штаб. Командир обрадовался, быстро разорвал конверт, подошел поближе к лампе, прочел приказ командующего и, обняв Володю за плечи, спросил:

— Отдыхать будешь?

— Нет, спешу к манцам.

— Ты один?

— Да.

— Будь осторожнее!

Вышли на улицу.

— Темно. Хоть в глаз коли.

— Ничего. Савраска у меня — бывалый.

Через минуту рассыпался дробный стук копыт, и Данилкин растворился в ночи.

В УСИНСКЕ

У дороги, сворачивающей с тракта на Усинск, Данилкин остановился в недоумении: куда ехать дальше? Слез с коня. Прислушался — лишь птичий трезвон. Решил проехать по тракту вперед. Вскоре увидел маицев. Командира в войку не оказалось — он с арьергардом сдерживал колчаковцев. Приказ командующего прочел заместитель и отдал распоряжение повернуть на Усинск.

— Вовремя ты подоспел, Володя, а то уже Болозов на пятки нам наступает. Ну, теперь ступай, повести женушку с дочкой... Ты с нами идешь?

— Нет, приказано назад.

Полина, увидев мужа, со слезами припала к его груди. Женщине было трудно с восьмимесячной дочкой, но помогали люди.

Катюшка спала в повозке.

— Может, разбудить Катюшку, Володенька?

— Не надо пока...

В Усинске полк остановился на отдых.

Данилкиных пригласила к себе в дом молодая женщина.

— Садитесь-ка, милые, поешьте. Проголодались, чай.

Поели. Подошли к дочери, лежащей на кровати. Володя поправил волосики, закрывающие лицо, и, поклонившись, поцеловал...

Данилкин нашел командир полка.

— Где он тут?

Увидел Полину с дочкой на руках возле спящего мужа.

— Полина, буди его, собирайтесь... Здравствуй, Катюшка! Ну-ка, иди ко мне! Вот так...

Полина разбудила мужа. Командир поздоровался с Володей и тихо сказал:

— Передашь начальству: у нас порядок! Пусть не волнуются.

Проводив командира полка, Володя подошел к жене:

— Подросла, Катюшка... А меня не узнает... Забыла...

— Это папа, доченька, па-па!

Какая-то женщина подала Полине узелок.

— На дорожку вам. — Прослезилась.

— Спасибо!

Дочка тискала ручонкой отцовское ухо, нос и смеялась.

когда Володя вертел головой. Так они дошли до обоза. Он посадил их на телегу, посмотрел в веселые глазенки дочери, поцеловал.

— Береги себя! — тихо сказала Полина.

— В Белоцарске я вас встречу. Не волнуйся.

Он уходил, махая им рукой, пока телега не скрылась за другими повозками. У штаба нашел Савраску. Поговорил с бойцами, которые остались для прикрытия полка, закурил у них.

— Ты, Данилкин, поторапливайся, а то как бы казачки не нагнали тебя.

— Вы их так напугали, поди...

— Нет. Они, видать, не из пугливых.

До тракта Данилкин ехал осторожно. Осматривался. Прислушивался. «Где им меня догнать! От обозов-то, от артиллерии, поди, отрываться не станут, а мосты разрушены. Пока наведут...»

— Савраска, вперед! — и прищиприл коня.

АТАМАН БОЛОГОВ ОЗАДАЧЕН

Атаман Бологов с передовым отрядом под вечер ворвался в Туран и понял: партизаны его обманули. Последний их отряд ушел из Турана третьего дня. Он терялся в догадках, куда могла уйти от него эта огромная малоподвижная армия, которая задержала его на реке Ус? Стал опасаться за свои тыловые части, за обозы, за артиллерию. Продолжать преследование было теперь бессмысленно, возвращаться — тоже. Решил ждать.

Он остановился в просторной избе невдалеке от церкви. Приказал подать ужин. Пригласил за стол хозяина.

Бородатый крестьянин сидел подле мрачного атамана. Атаман молча жевал кусок жареной баранины и, не спуская со старика глаз, спрашивал:

— Слушай, мужик, есть, кроме тракта, еще какая дорога на Белоцарск, минуя Туран?

— Туран, господин офицер, миновать нельзя — кругом горы, тайга.

Бологов крикнул денщика и — сурово:

— Мигом к Баринову. Пусть на тракте установит усиленную охрану, да подальше от села. Всех задержанных ко мне!

Налил атаман в кружку самогону, выпил. «Если бы кого-нибудь задержать... Куда же они делись?» Впервые он оставил основную массу своих войск — хотел догнать партизан, но зря спешил.

В окне догорал закат. Скоро на село упадет ночь, сползет с гор прохлада. Казаки напьются, и чего доброго... Атаман вышел на крыльцо. Подвели коня. Через несколько минут был

на тракте. У поскотины гомонили казаки. Заметив всадника, замолчали, вытянулись перед начальством, и, выслушав его указания, старший выпалил:

— Да мы и то уж, ваше благородие!

Лично проверив все посты, атаман немного успокоился.

НА РАССВЕТЕ

Данилкин всю ночь ехал шагом. О чем только не передумал. Война. Революция. Женитьба. У горы что-то прокричало. Данилкин приостановил коня. Рука у нагана. Над горами зарозовела кромка горизонта. Мрак редет, сползает к западу. Уже различима дорога. По сторонам тракта шумит пшеница. Вот и Туран! У поскотины заметил вооруженную группу людей. «Неужели канцы еще не ушли из Турана?»

— Стой!

Придержав коня, Володя крикнул:

— Чьи будете?

Солдаты вскинули винтовки. Только теперь Данилкин заметил погоны.

«Враги?.. Откуда?..» Пришпорил коня, выхватил из ножен пашку. Конь, словно черная молния, рванулся на врага.

Острая сталь покрылась кровью. Враги разбежались. Повернул коня и, прижавшись к холке, пустил его во весь мах. Сзади выстрелы. «Только бы не убили...» Снова выстрелы. Конь дернулся и, как подкошенный, рухнул на землю. Данилкин вылетел из седла, ударился о дорогу, пашка выпала из рук. Вгорячах, не чувствуя боли, приподился, посмотрел назад: недалеко бился в предсмертных судорогах Савраска. Схватил пашку и, пригнувшись, побежал от дороги вверх. У межи споткнулся о груды камней. Стрельба, крики, топот солдатских сапог. Отполз за кучу камней, натасканных сюда с поля, снял винтовку, вытащил из кармана гимнастерки записку для командующего и, наблюдая за врагами, съел ее. Когда белые были шагах в десяти — выстрелил. Казак торкнулся лицом в землю. Упал второй, третий, четвертый... Повернули назад. Покатая открытая местность, без кустика, без бугорка — укрыться негде...

ВЫСТРЕЛЫ

Атамана разбудили выстрелы. Выбегая из дома, ударился о притолоку, выругался.

— Что за стрельба?

— Какой-то красный, ваше благородие.

— Что?!

У Бологова загорелись глаза. «Наконец-то! Разведчик! Живым, живым взять!»

Выскочил на улицу, ловко впрыгнул в седло и понесся к дороге. Кругом бегали казаки, седлали коней.

— Ваше благородие! Осторожно! — закричали ему. — Он, черт, больно меток.

За крайним домом атаман остановился. «Только бы его не убили!» Он приказал взять большевика живым. Казаки, пригнувшись, побежали к дороге. Выстрелы — несколько человек унало. Не идти же, в самом деле, на одного красного в атаку целой сотней! «Только бы его взять — жилы вытяну! Он у меня заговорит!». Подозвал казака. Приказал по ишенице подползти к дороге и кричать, чтобы сдавался. Казак, пригнувшись, побежал к ишенице, она начиналась за поскотиной, невдалеке от села. Но только он выбежал на открытое место, щелкнул выстрел. Казак упал.

Атаман посмотрел в бинокль, у камней мелькнуло что-то белое.

— Костров, большевик выбросил белый флаг. Доставьте его сюда, да побыстрее!

Три всадника в карьер полетели к дороге. Встретил их выстрел. Костров упал с коня. Остальные повернули назад. Кострову на помощь пополз казак. Пуля взбила у головы пыльцу, и он заспешил обратно.

Солнце висело над горами. Безветрие. Зной.

Хорунжий Баринов и атаман зашли в дом.

— Ваше благородие, — робко начал хорунжий, — застрелить его к чертовой матери!

— Он мне нужен живой! Понимаешь, хорунжий, живой! Я не знаю, куда делись большевики и что они думают. А этот, я уверен, знает!

— Ваше благородие, а если... — хорунжий глазами показал на хозяйку.

Атаман повернул голову к чулану:

— Эй ты! Иди сюда!

Женщина высморкалась в передник и посмотрела на атамана.

— Где твой дед? С этими бандитами ушел?

— Што ты, касатик, — и вздохнула.

— Ладно. Сейчас пойдешь к этому... В тебя он стрелять не будет. Скажи, пусть сдается, что Бологов, слышишь, обещает ему жизнь...

— Нет, касатик, сами уж...

— Да ты что! За большевиков?!

— Ваше благородие! — в дом ворвался казак. — Там конники.

Бологов и Баринов выбежали на улицу. «Неужели красные?!» — подумал атаман и — твердо:

— К бою!

Верховые, человек десять, ехали не спеша. Солнце так ярко освещало, что даже в бинокль нельзя было разглядеть, чьи они. Сзади атамана стоял казак и держал вороного коня. Все напряженно смотрели то на всадников, то на Бологова. Атаман чувствовал это и старался быть спокойным.

Выстрел. Всадник упал.

— Он стреляет!

Всадники опешили. Они не видели, конечно, кто и откуда открыл по ним стрельбу.

Второй выстрел — упал второй всадник, остальные быстро повернули назад. Их преследовали меткие пули.

Не успел атаман отдать приказание, как всадники скрылись из вида.

— Огонь! — заорал атаман.

Сотни выстрелов разорвали тревожное напряжение.

Атаман смотрел в бинокль и ничего не мог понять — из-за камней вылетали какие-то тряпки.

Казачки бежали уже у дороги. «Если большевик живой, они разорвут его», — подумал атаман и, вскочив на коня, поскакал к дороге, не обращая внимания на убитых.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Три всадника упало, остальные скрылись. Данилкин понял — это разведка главных сил Бологова. «Хорошо, что напугал. Надо торопиться». Он снял сапоги и шашкой изрубил их, гимнастерку и брюки изрубил тоже. «Получайте трофеи!» — и выбросил все в сторону врага. Потом изломал шашку и части ее разбросал в разные стороны.

Когда от Турана, беспорядочно стреляя, двинулись на него белоказаки, — снова лег за винтовку. Пули его редко проходили мимо цели, хотя и были самодельные. У партизан с боеприпасами было плохо — в стреляные гильзы сами вставляли патроны, засыпали порох, закупоривали пулями. Но в руках бывшего снайпера и старенькая японская винтовка была без промаха.

Гильзы отлетали в сторону и звонко звякали о камни. Теперь они ему были не нужны. А впереди — стрельба, крики. Данилкин давно понял, что его хотят взять живым, поэтому не очень-то остерегался. Спокойно наблюдал за бегущими и выискивал подходящую цель. Он думал, как бы забрать на тот свет с собой побольше этих, с погонами.

Белоказаки приближались с криками: «Сдавайся!» Патроны

кончились. Вытащил из винтовки затвор, забросил в пшеницу. «Ну, прощай!» и ударил винтовку о камни. Ложе отлетело. Ударил еще раз и бросил в сторону врага: «Получайте!». Начал стрелять из нагана.

Некогда было думать о прожитом. А жизнь была коротка — двадцать три года! Вырос у верстака. Война. В большевистскую партию сам командующий рекомендовал!..

И вот конец, последний патрон. Встал. Увидел искаженные злобой лица — они совсем рядом: потные, небритые, красные... Нет, господа, все равно ваша песенка спета! Они бежали смело, злоба сменилась радостью. Скоро этот большевик заплатит им за все! Данилкин улыбнулся. Нет! Ничего он им не оставил и не позволит глумиться над собой, над живым!

Вдохнул полной грудью медвяный запах полыни и поспевающей пшеницы. Как хорошо жить! Слепящая голубизна неба качнулась...

— Да здравствует революция! — крикнул и поднес руку с наганом к виску... Солнце погасло...

ЭПИЛОГ

Все партизанские полки благополучно дошли до Белоцарска. Не вернулся только Данилкин. Командующий понял: с ординарцем что-то случилось страшное. Медлить было нельзя. На совещании Петр Щетинкин детально изложил план операции по уничтожению Бологова...

Был полдень, когда партизанские войска заняли заданные позиции. Но Бологов не спешил. Через несколько дней наблюдатели сообщили о появлении врага. Конная разведка Бологова миновала засады и остановилась у Енисея. Бологов был убежден в том, что партизанская армия находится вся на левом берегу и готовится к защите города, но партизаны решили наоборот: лучшая защита — нападение! Разведка повернула назад. Полки сибирских партизан и тувинских красногвардейцев молча проводили их взглядами.

Бологов не спеша подтягивал свою армию к Енисею, чтобы заняться подготовкой к форсированию реки и уничтожению партизанских сил. Хотя ему не нравилась эта открытая местность: горы, словно лысые, выгоревшие от солнца, и ни кустика...

Огромной змеей ползла между партизанскими клещами армия Бологова.

...По обочине тракта на вороном коне пролетел всадник «Уж не сам ли атаман?» Командующий поднял к глазам бинокль. Змея, замедлив движение, остановилась, замерла. Командующий начал считать орудия. Потом снова взгляд на всад-

ника. Подозвал связного и отдал приказ подвижным группам отрезать путь к отступлению врагу. Бологовцы, утомленные переходом и жарой, расслабились, некоторые сошли с коней, задымили табаком...

— Огонь!

Змеиное тело заметалось, стало расплзаться по сторонам, рванулось вперед, назад, словно чешуей, сверкнуло сталью клинков, загредело выстрелами...

Раненный в плечо, Бологов еле держался в седле. Наконец он свалился на твердую горячую дорогу. К нему подскочил хорунжий Баришов:

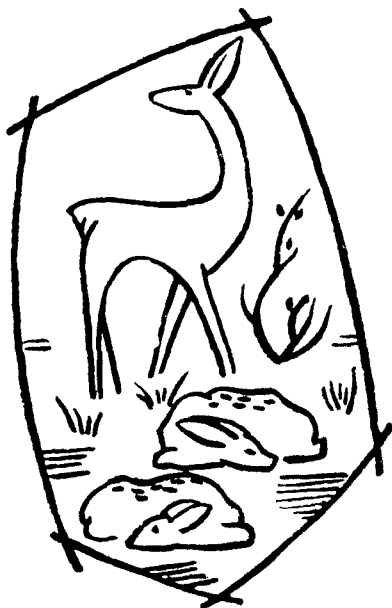
— Ваше благородие, надо... — и упал.

Метущиеся жалкие остатки армии Бологова повернули назад, но было поздно.

Не померкло голубое небо Тувы. Ветер давно разогнал пороховой дым. И напоминает о тех героических днях белой обелиск, воздвигнутый жителями города Турана на месте гибели простого бойца революции — Владимира Данилкина.

Фольклор

ТУВИНСКИЕ ЧАСТУШКИ

Посмотреть с вершины горной —
Хороша Тува, узорна.
Весь народ одним стремленьем
Породнили Маркс и Ленин.

На земле Уюка и Турана
Загорелась революция.
Бедняков, разрозненных и рваных,
Породнила революция.

На лесных лугах Кара-Бяша
Запылала революция.
Бедняков, просвета не видавших,
Окрылила революция.

Зароем феодалов —
Давно пора настала!

У жадных все добро
Пусть отберет народ.

Молодое сердце звонкое,
Послужи народной власти,
С дальнобойною винтовкою
Выхожу на бой за счастье.

Молодое сердце стойкое,
Послужи Слиянью Рек —
С неизменною винтовкою
В бой иду. Сдавайся, бек!

Конь саврасый, шерсть боброва,
С гор высоких быстро сходит,
Славный парень верным словом
Все собрания проводит.

Конь мой, в яблоках, как в звездах.
Быстро на гору восходит,
Славный парень красноезвездный
Твердо выборы проводит.

Мне на сером иноходце
Над степной травой скакать бы —
Славный парень к нам вернется —
Его слово услышать бы!

Дайте в руки сплнную бумагу —
Я возьму уверенной рукой.
На коня вскочу, горя отвагой,
И помчусь на справедливый бой.

Дайте в руки верную бумагу —
Распишусь, поводья натяну,
На коне помчусь, горя отвагой,
На Отечественную войну!

По лугам, травкою тканым,
Кочевать еще всегда ли?
Окружаться постоянно
Разномастными стадами?

По лугам, осокой тканым,
Волочить шырга всегда ли?
Любоваться неустанно
Звездно-пестрыми стадами?

Ставить юрты не умеем —
Что учиться понапрасну?
Мы построим дом семейный,
Будем в доме жить согласно.

Даже юрта в семь решеток
Все равно нам будет тесной —
Дом построим на высотах,
Будем в доме жить совместно.

Топоры стучат в сумоне —
Новый строится поселок.
Мы в Арыг-Бажы зеленом
Будем жить теперь оседло.

Топоры стучат в арбане,
Там поселок вырастает.
На дугах родного края
Жить теперь культурно станем.

В центре нашего колхоза
Город солнечный построим —
Хватит жить по юртам, розно,
Будем жить семьей одною.

Стань, мой светлый Алдан-Маадыр,
Городком с долиной-садом.
Станет жизнь такой чудесной —
Не смогу прославить песней.

Стань, мой славный Алдан-Маадыр,
Городком с ковровым садом.
Станет жизнь такой просторной —
Как степей ковер узорный.

Луг зеленый Кок-Чыра —
Ни кола и ни двора.
Кочевать мы перестали —
Там дома, как горы, встали.

Луг широкий Кок-Чыра —
Ни кола и ни двора.
Мы трудиться вместе стали —
Там дома, как скалы, встали.

Жить хочу в селе колхозном —
Дом стоит там белый-белый.

Дорогая взглядом звездным
Сразу сердцем завладела.

Жить хочу в селе красивом —
Дом там есть высокий, белый.
Слово бросила шутливо
Та, что сердцем завладела.

Жить хочу в поселке новом —
Там дома стоят красивые,
Перекинуться бы словом
С ненаглядной в день счастливый.

Белой головой мотает
Конь, привязанный в долине,—
Верно, милая играет
На звенящей мандолине.

Головой опять мотает
Конь гнедой в дворовой стайке —
Чернокосая играет
На трехструнной балалайке.

Головой опять мотает
Вороной мой конь в загоне —
Верно, милая играет
На серебряной гармонии.

Конь бежит саврасой масти —
Мечен он тавром артели.
Сядь поближе, мое счастье,
Смех и радость мы разделим.

Конь несется светло-рыжий —
Мечен он тавром тожзема.
Сядь, надежная, поближе —
Делу правды служим все мы.

Два села объединились —
Значит, труд пойдет спорее.
Сердце с сердцем породнилось —
Жить нам будет веселее.

Станешь ли ты жить в артели,
Где село Аянгаты?

Может быть, любовь разделишь
С той, что всех красивей, ты?

Станешь ли в колхозе летом
По степям пасти коней?
Может, станешь ясным светом
Той, чьи очи всех черней?

ОХОТНИЧЬЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

К вам, высокая Тайга, я пришел издалека
Просить благополучия.
Хорошее приближайте, плохое отстраняйте,
Пошлите навстречу обильную добычу,
Пошлите сюда много зверей.
Тех, которые носят большие рога,
Из кустов выгоните на поляны,
С круч — на равнину.
Дай мне добычу, моя Тайга,
В каменной одежде, туманной шапке.
Пусть мне везет во всех направлениях,
Пусть на охоте будет все в мою пользу,
Пусть мигом появятся следы козлов,
Пусть первый мой взгляд упадет на медведя,
Пусть волны реки помогают,
Пусть вершины гор приближают обильную добычу!

* * *

На четыре стороны света
Капли сваренного чая
Щедро, в брызгах, рассыпаю
И дарю тебе, Танды.
На широкую долину
Посреди Земли приехал —
И добычи, и успеха
У тебя прошу, Танды.
Дай мне много шкурок белки,
Соболей блестящих, черных,
И рогатых дай маралов,
В темных зарослях возвращенных,
С костным мозгом, желтым салом,
Чтобы конь мой их не поднял,
Чтоб спина моя согнулась
Под тяжелой этой ношей,
Чтобы я позвал на помощь —

Приходи, бери, кто хочет! —
Чтоб варились почки в сале,
Чтобы мой котел был полон,
Чтобы пир во всем аале —
Вот о чем прошу сегодня
У тебя, Танды богатый,
Мой отец и мой кормилец!
Курай! Курай!

СВАДЕБНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Пусть за передние полы твоего халата дети цепляются,
Пусть за подолом сзади козлята-ягнята гонятся,
Пусть будет крепкой ваша брачная связь,
Пусть для телят не будет хватать привязи,
Пусть скот не вместится в загон,
Пусть добра у вас будет с гору.
Будь нарядной, как пестрый дятел,
Будь красивой, как степные цветы,
Пусть чапа в юрте не расстается с огнем,
Березовая веселка-сбивалка пусть всегда будет в масле.
У коповязи вашей пусть всегда будут кони,
Пусть на мушку ружья твоего мужа попадаютя соболя,
А аптара будет полна ими,
Будьте вы дружны, как два дерева из одного корня.

ЗАГАДКИ

Когда вода в воде тонет?
(В ледоход).

Плывет белая глыба — никуда не доплывет.
(Льдина).

Зимой — что сало,
Летом — что мыло.
(Шуга и вода).

Белое покрывало лежало да убежало.
(Таяние снега).

Сам белый, а след темный.
(Облако и его тень).

В воде не мокнет, в огне не горит,
С земли не встает, в воздухе не летит.
(Гесь).

Смотришь — видна, ловишь — неловима.
(Гесь).

Кусаеть — не укусишь.
(Ладонь).

Откроем — белым бело, закроем — тихо-тихо.
(Зубы).

На кривом дереве снег не держится.
(Рога коровы).

Шелк мой не имеет шва, бусы мои не имеют шиурка.
(Небо, звезды).

В горном лесу сидит белоголовый старик.
(Пень).

Не задевай меня — сам сорвусь.
(Снег на ветвях).

Место кочевки — пустое дупло,
Ест — поедает барана, козла.
(Нож).

Сама круглая, есть у скота пяти пород.
(Бабка ноги).

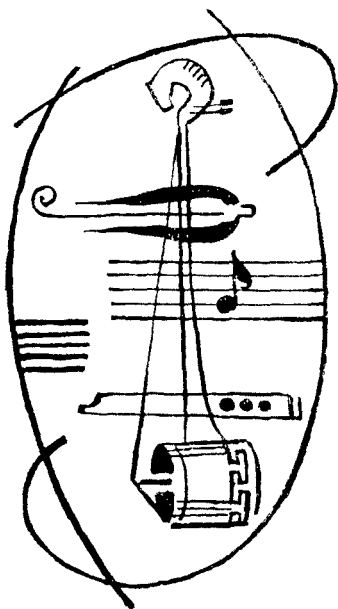
В двух юртах одна мочалка.
(Язык коровы и лоздри).

Табун испугался, убежал,
Керебец с коростой остался.
(Листья и ствол дерева осенью).

Меньше меня — меня на коня сажает,
Меньше меня — меня одевает.
(Стремя, иголка).

Снял десять пальцев, а десять остались.
(Перчатки).

ВРЕМЯ,
СОБЫТИЯ,
ЛЮДИ

Лидия ГАВРИЛОВА

КЫЗЫЛ — ЛЕНИНГРАД — КЫЗЫЛ

В июне 1967 года наш институт проводил на родину, в Тувинскую АССР, группу студентов IV курса мастерской народного артиста РСФСР профессора Л. Ф. Макарьева и старшего преподавателя Л. Г. Гавриловой.

Официально студенты уезжали на годовичную производственную практику, а по существу они вступали в профессиональную жизнь на сцене своего республиканского музыкально-драматического театра. В репертуар этого театра уже включены три спектакля, подготовленные группой за четыре года обучения в институте: «Парень из нашего города» К. Симонова, пьеса-сказка «Анчы-Кара и Ангыр-Чечек» Л. Гавриловой и «Тартюф» Мольера. Все эти спектакли идут на тувинском языке.

1. В ТУВЕ НАБОР

...«Голубая, золотая,
Я горжусь тобой,
Тува родная»,—

так поется в песне. Вот такой многокрасочной мы и увидели впервые Туву в июле 1963 г., выйдя из самолета на раскаленную желтизну Кызыльского аэродрома. Я и преподаватель А. А. Баранов в буквальном смысле попали «с корабля на бал» — шел первый день паадыма — ежегодного традиционного праздника животноводов и полеводцов.

...Мы гуляли по столице Тувы г. Кызыду, вглядывались в совсем близкие горы, окутанные фиолетовой дымкой, как на картинах Рериха, восхищались могучим течением Улуг-Хема, роскошным тополевым парком на берегу реки, яркими национальными нарядами празднично одетых людей, прислушивались к незнакомому гортанному языку. Все было необычным и неожиданным. Так неожиданно мы набрали на маленький столбик, на котором скромно и буднично было написано «Центр Азии». Спустя три года на месте столбика я увидела устремившийся ввысь обелиск.

Программа праздника была исключительно насыщенной, и это дало нам возможность познакомиться со многими сторонами жизни молодой республики. Мы побывали на спортивном празднике, где демонстрировали свое замечательное мастерство тувинские наездники; видели национальную борьбу — хуреш, включающую игровые и хореографические элементы; смотрели и слушали профессиональных и самодеятельных артистов. Некоторые номера концерта, как, например, горловое пение, вызвали наше восхищение. И, наконец, нам повезло попасть на спектакль, ставший классическим и прошедший в Туве около 1000 раз — «Хайыран-бот» В. Кок-оола. Спектакль пленил нас своей музыкальностью, пластичностью, искренностью переживаний. Образ тувинской Катерины создала замечательная артистка — народная артистка Тувы и заслуженная артистка РСФСР К. Н. Муизук. Интересно сыграли свои роли артисты среднего поколения, выпускники Тувинской студии нашего института 1955 года, ученики покойного профессора Б. Е. Жуковского и доцента А. А. Яна, — А. Тавакай, создавший очень достоверный в своей жестокой хитрости образ шамана, и В. Монгальби — деревенского балагура и весельчака. С молодежью в театре дело обстояло плохо. Нужны были молодые высококвалифицированные, культурные, образованные актеры, которые, развивая лучшие национальные традиции, обогатили бы тувинский театр научным методом актерского творчества, принесли бы в театр знания, культуру и молодую энергию.

Набор в Тувинскую национальную студию от знакомства с документами до зачисления абитуриентов в студию, был так же необычен, как и все наши тувинские впечатления.

В первые же дни выяснилось, что проводить набор по традиционной, принятой во всех театральных вузах системе не удастся. Чтение прозы, стихотворения и басни как на русском, так и на тувинском языке не давало возможности для раскрытия творческой природы молодых людей. Их зажим, отчужденность были вызваны обстановкой большого пустого зала, атмосферой торжественности, большим количеством членов комиссии — важных, именитых и т. д. Некоторые ребята, приехавшие из отдаленных районов республики и никогда не видевшие театра, даже своего, национального, зажимались до того, что из них невозможно было вытянуть слово, даже свое имя и фамилию они произносили не сразу. В такой обстановке недоверия, страха, общего уныния работа шла дня два. Члены комиссии высказывали мнение о том, что набор следует отложить на год. Ни на что не надеясь, я решила предпринять еще одну попытку, подсказанную опытом К. С. Станиславского и моих старших товарищей по институту, которые проводили с поступающими в институт ребятами занятия с несложными упражнениями и этюдами. Через 3—4 часа около сорока уставших, потных, взъерошенных девчонок и мальчишек, радостно блестя глазами, шумно переживая первый урок, предстали перед собравшимися членами комиссии. Чудо преобразования произошло. Налицо были живые люди, очень разные, по-разному готовые выполнить задание педагога — одни покорно и в точности, другие — привнося в это задание свой жизненный опыт.

Вот наш первый коллективный этюд (этот этюд и все последующие шли на тувинском языке).

Село. Группа девушек сидит на бревнышках и поет песни. Вечереет. Поодаль прогуливаются парни. Они пытаются подпевать девушкам, но те не принимают их в свою компанию. Один из парней влюблен в девушку, поющую вместе с подружками. Ему хочется остаться с ней наедине. Его товарищи, понимая это, решают ему помочь. С криками: «Наши на Луне! Сейчас по радио передают! Бежим к сельсовету!» — они увлекают девушек. Влюбленный парень задерживает свою подружку. Так как ей тоже хочется послушать важное сообщение, ему приходится объяснить ей, что это всего лишь шутка. Возвращаются, понявшие обман, девушки, и следует шутливое избиение парней. После веселой возни кто-то предлагает идти гулять на речку. С песнями все уходят.

Уже в этом этюде я заметила ряд особенно инициативных. Помню, как одна девушка, будущая наша студентка, видимо создав в своем воображении близость речки, забюко повела пле-

чами, закуталась в воображаемый шарфик, и, поверив ей, ее соседки придвинулись друг к другу, чтобы согреться. Но основным объединяющим началом была песня. Тувинцы очень музыкальный народ, их песенное творчество богато и мелодично.

Я предложила этим вчерашним школьникам сыграть эту «На школьном балу». Композиторы А. Чыргал-оол и Р. Кенденбил, которые помогали нам в работе, по очереди садились за рояль, и полились песни, закружились пары. Мы увидели, как высокий парнишка ревниво смотрит на танцующую, видимо с соперником, маленькую девушку... А вот вошел, шумно встреченный друзьями, морячок. В том, что Павел Чимит играл именно морячка, не было сомнения. Он был подтянутым, бравым, а его чуть «враскачку» походка выдавала «род войск»... Ребята развеселились. Бал затянулся. Я попросила сидевшего недалеко от меня студийца Л. Солун-оола позвать ребят прогуляться на Неву. Я, конечно, оговорила и была очень рада, когда Солун-оол звонко закричал из зрительного зала: «Ребята! Айда на Енисей!» И в будущем, учась в институте, Люндуп Солун-оол проявил себя прежде всего самостоятельно думающим студентом.

Были этюды: «На шпиродроме», «Старое и новое» — о борьбе шамана и молодого врача у постели больного скотовода... А вот этюд «У зубного врача» не вышел. В нем или наигрывали или бездействовали, так как оказалось, что посещение зубного врача еще никогда не было пережито нашими ребятами — у всех были отличные, белоснежные зубы.

Более ста этюдов и упражнений сыграли мы на наших своеобразных уроках-экзаменах.

Действенная методика набора помогла нам с большой точностью отобрать наиболее достойных. Результаты этого методического приема подтверждены тем, что за четыре года у нас не было ни одного отчисления по профнепригодности.

Часть студентов была нами принята из окончивших студию при театре. Их дипломный спектакль «Женитьба Бальзаминова» помог нам отобрать несколько одаренных людей, желающих получить более глубокие знания как профессиональные, так и общие.

2, I КУРС: УПРАЖНЕНИЯ. ЭТЮДЫ. СКАЗКА ПУШКИНА. ОТРЫВКИ

Занятия 1 сентября 1963 года в Ленинграде не начали, а как бы продолжали занятия, начавшиеся в Кызыле. Программа 1 курса складывалась на материале, близком и знакомом сту-

дентам. Студенты, постигая основы сценического поведения, изучая психофизические элементы, знакомили нас в своих упражнениях и этюдах со своим национальным бытом, обычаями, обрядами. Воспроизведение рабочих моментов — приготовление национальных блюд (с воображаемыми продуктами и посудой), помол муки, уборка юрты, воспроизведение традиционных встреч хозяина и гостя, охотника, возвращающегося с удачной охоты, сцены на речке, в горах, в лесу, у колодца и т. п. — вот круг наших первых обстоятельств. Действуя в знакомых обстоятельствах, переживая однажды уже пережитые события, наши студенты были органичны и естественны, как бывают естественны люди, выросшие вблизи леса и гор, степи и речки, понимающие голоса птиц и зверей, знающие цену труду, дружбе, немногословные, экономящие и слова и чувства. До сих пор вспоминается ряд этюдов, доставивших нам — преподавателям и исполнителям — творческую радость. Такими были этюды: «На рыбалке» — исполнитель студент Кадр-оол Сагды, «На охоте» — Чадамба Монгуш, «У колодца» — Кара Анчимаа и К. Сагды и многие другие.

Этюд «На охоте» выстраивался медленнее. Студент Ч. Монгуш вдруг стал «забывать», пропускать ряд поступков, которые в жизни он бы, конечно, совершил и которые выпали из его памяти в условиях им же вымышленной и воссоздаваемой жизни. Он, например, хорошо действовал в лесу, очень достоверно выслеживал белку, а подстрелив ее, уходил, не пережив результата охоты, то есть никак не отнесясь к убитой белке, даже не взглянув, не оценив мех. В процессе работы над этим этюдом мы задавали студенту ряд уточняющих вопросов, а он в своем поведении отвечал нам на них, заполняя пропуски, мотивируя действия.

В парных и коллективных этюдах мы также шли от хорошо знакомой студентам действительности.

Но мы отлично понимали, что только через обогащение их знаний, национальной культуры лучшими образцами русской истории, искусства, эстетической и духовной жизни русского народа можно развить ум, духовные и гражданственные свойства наших студентов, воспитать в них «человековедов». Выполняя это обязательное условие воспитания актеров, поставленное руководителем студии профессором Л. Ф. Макарьевым, мы в первом же семестре предприняли большое количество экскурсий — по ленинским местам, по местам боев Великой Отечественной войны, по литературному и музыкальному Ленинграду. Мы были в Пушкине и Петергофе, в доме-музее Пушкина, на месте его дуэли, в театрах, просто бродили по нашему чудесному городу. Все впечатления записывались в дневники. Эти дневниковые записи послужили студентам для бесчислен-

ных рассказов родным, для выступления по кызыльскому радио и статей в тувинских газетах.

Воспитательная работа, начавшаяся на 1-м курсе, продолжалась все четыре года, принимая различные формы: это были и экскурсии — на заводы, в Пулковскую обсерваторию, музеи, беседы о политических и общественных событиях, проводимые самими студентами два раза в месяц, и обсуждения просмотренных спектаклей и т. п.

В целях развития русского языка студентов мы взяли сказку А. С. Пушкина «О мертвой царевне и семи богатырях». Разбили сказку на эпизоды и начали осваивать ее в чтении, разбирая непонятные обороты, слова, события, выполняя элементарные, но и важнейшие сценические требования: слушать партнера, быть внимательным, оценивать события, о которых рассказывает товарищ, подхватывать события, развивая его в последующих эпизодах поэтическим пушкинским языком.

Так как к моменту работы над сказкой студенты научились элементарно действовать в ими же создаваемых или предлагаемых педагогами обстоятельствах, их перестало удовлетворять статичное ее восприятие. И мы сыграли сказку Пушкина, внося в нее элементы национальной пластики и музыки. Студенты проявили в этой работе массу выдумки и инициативы. Лихо скакали на воображаемых скакунах семь богатырей, в рамке обруча «хула хуп» лукаво улыбалась Маша Капчык — Волшебное Зеркальце, которое, танцуя, дразнило злую Мачеху. А Мачеха — Д. Монгуш, используя упражнения по сценическому движению, придумала себе резкую синкопированную походку. Развевая серо-голубые кулисы нашей аудитории, пересекал ее во всех направлениях Вестер — К. Сагды. Весь курс был то волшебным лесом, то чугунными столбами, на которые подвешивался хрустальный гроб с мертвой Царевной, то народом, радующимся счастью Царевны и Королевича Елисея. Это была игра, которая захватила курс, и в конце концов сказка Пушкина стала нашим первым маленьким спектаклем.

Во втором семестре 1-го курса мы продолжали исследование творческих возможностей наших студентов на материале отрывков из произведений советской драматургии. Были выбраны следующие отрывки: из «Доброго часа» и «В поисках радости» Розова, «Аттестата зрелости» Гераскиной, «Парня из нашего города» Симонова и отрывок из романа Островского «Как закалялась сталь». До самого экзамена мы не закрепляли авторского текста, импровизируя его то по-русски, то по-тувински. Лишь на последних репетициях-уроках мы отобрали самые необходимые реплики, наиболее точно определяющие взаимоотношения героев и выявляющие основное событие. В таком полужанровом виде мы и показали наши отрывки на экзамене. Эта работа

Студенты после спектакля «Парень из нашего города». Среди них: профессор Л. Ф. Макарьев, Л. Гаврилова и члены партбюро института. (Ленинград, 1967 г.)

выявила интересные индивидуальности, подсказала «амплуа» студентов. Проанализировав творческие возможности курса, мы остановили свой выбор на пьесе К. Симонова «Парень из нашего города», включив ее в учебный репертуар студии.

3. II КУРС: „ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА“

Эта пьеса была нами выбрана не только потому, что она хорошо расходилась на курсе, но и потому, что ее события, стилистика, идея были близки духовному строю тувинцев, тяготеющих к публицистичности, открытой гражданственности. Тема любви к Родине, тема долга, большой любви, дружбы не могла не тронуть молодых людей. Мы поручили группе студентов, обладающих литературными способностями, сделать перевод пьесы на тувинский язык. Редактирование перевода было поручено преподавателю тувинского языка К. Б. Март-оол.

Нам удалось в работе над «Парнем из нашего города», про-

должавшейся год, проверить открытый К. С. Станиславским метод «физических действий». Так как перевод пьесы был осуществлен лишь через 3—4 месяца после начала этюдной работы над пьесой, а русским языком наши студенты владели плохо, эта заторможенность 2-й сигнальной системы, словесного действия, значительно активизировала работу 1-й, т. е. мышечную, физическую деятельность. Скрупулезная проработка первого спектакля помогла нам заложить в наших учениках веру в этот единственно научный метод «от физической жизни тела — к жизни человеческого духа роли». Этот метод помог нам раскрыть студентам внутренние механизмы постижения чуждых обстоятельств и судеб, неизведанных отношений и чувств.

Конечно, много было трудностей. Если идейное содержание пьесы, сверхзадача спектакля «грели» студентов, то воплощение на сцене характеров людей с бурным, открытым темпераментом — Сергея, Гулиашвили, Вари — было сложным для тувинцев. Зачастую мы слышали: «А у нас так не проявляют радость... А у нас не целуются... А у нас не плачут» и т. п. Бережно относясь к национальному темпераменту, мы тем не менее старались бытовому правдоподобию, натурализму противопоставить подлинный реализм, яркость и сложность характеров, большие и глубокие чувства. Это были моменты не только репетиционных поисков, но скорее имеющие большое воспитательное значение.

Работа над спектаклем во многом обогатила студентов, их представления о жизни, о призвании, о мечте, их мысли и чувства. Это и был тот процесс, который мы называем «воспитанием через предмет». Спектакль этот мы показали кафедре в конце II курса.

4. III КУРС: РАБОТА НАД НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЬЕСОЙ

Мы ощущали настоятельную потребность в национальной пьесе. К сожалению, единственная пьеса, которая была нам рекомендована Министерством культуры Тувы и театром, оказалась чрезвычайно слабой.

Тогда нам пришла мысль обратиться к тувинскому фольклору. Большое количество прочитаемых сказок, эпических произведений позволило мне написать на их основе пьесу-сказку о любви бедного охотника Анчы-Кара к слепой дочери жестокого Дарыза-хапа красавице Ангыр-Чечек. Пьеса была хорошо принята кафедрой и курсом. На тувинский язык сказку перевел наш студент И. Т. Комбу.

В работе над сказкой особенно ярко и радостно раскрылись.

творческие возможности студии. Так, например, неожиданно интересно проявил себя в трудной роли ламы студент Дыртык Монгуш, застенчивый паренек, преданно влюбленный в театр, очень трудоспособный, но не сумевший до сих пор побороть робости и «неестественности» публичного представления.

В процессе работы над спектаклем пьеса обогащалась рядом новых диалогов. Студенты вспоминали старинные обычаи, своеобразный национальный этикет и воспроизводили все это в этюдах. Из этюдов родился ряд эпизодов, включенных в пьесу. Так появилась в спектакле сцена встречи в степи двух байских сыновей, тупых и жестоких недорослей, неизменно вызывающая смех в зрительном зале. В процессе обмена пространственными традиционными любезностями байские сыновья понимают, что они — соперники. Доброжелательное любопытство сменяется каскадом оскорблений, дракой, которая при помощи «секунданта» Анчы-Кара заменяется национальной борьбой хуреш. Борьбе по традиции предшествует так называемый «Танец орла», где, танцуя, соперники хвастаются статью, крепкими ногами, сильными руками, удалю. В данном случае у наших подравшихся соперников к моменту «Танца орла» были перевязаны глаза, болели спины и т. п., и танец приобретал комический характер. Таких эпизодов, рожденных в процессе работы, было несколько.

В сказке были и песни-арии, дуэты, хор. Музыка к пьесе написал молодой композитор эстонец Р. Лаул, внимательно изучивший мелодический строй тувинских песен. По признанию тувинских композиторов, музыка была абсолютно тувинской. У нас в сказке пели не только люди, но и такие персонажи, как суслики, цветы, сова, сорока. В работе над пластическим решением этих образов нам помогло упражнение 1-го курса «Звери». В этом упражнении мы пробовали влезать не так «в шкуру», как в душу зверей, т. е. действовали в воображаемых обстоятельствах так, как если бы я была верблюдом, зайцем, ежом и т. п. — человеком с чертами характера этих животных, не становясь для этого на четвереньки. Наши студентки Ирина Даваа и Дадар Хая, играющие сусликов, в отношении к людям проявляли недоверчивость, настороженность, робость, но и озорство, и лукавство «сусличьего» парода; болтливой и любопытной была наша Сорока — Роза Чооду и т. д. Девочки, играющие роли цветов, вспомнили опыт работы над сказкой Пушкина, где мы играли деревья. Своеобразные, решенные в национальном стиле, костюмы художника В. Г. Коршиковой помогли общему решению нашей сказки.

III курс мы закончили показом кафедре нашего гастрольного репертуара: спектаклей «Парень из нашего города» и сказки «Анчы-Кара и Ангыр-Чечек».

5. ГАСТРОЛИ. ТУВА. ИЮЛЬ 1966 ГОДА.

После приема спектаклей в Кызыле комиссией, куда входили министр культуры, секретарь обкома КПСС Тувы, ведущие артисты республиканского театра, мы на предоставленном нам автобусе направили свой путь в западные районы республики. Мы радовались солнцу, обилию цветов, жадно вдыхали прозрачный горный воздух, пели русские и тувинские песни. И совсем по Чехову кричал мне в ухо И. Т. Комбу — наш режиссер: «В Туве все есть!» «Все! Все!» — подтверждали студенты. И все наперебой рассказывали о своем районе — самом прекрасном месте на земле, как только может быть прекрасна родина.

Как сияющая красавица, пробуждалась Тува, радуясь своей прелести и богатству. Открывает она глаза на мир и щедро делится с людьми всем, что имеет. Красные горы — железо! Под землей — уголь! За бирюзовой горой, мимо которой катит наш автобус, — кобальт! А едем мы в город асбеста, на Вессоюзную молодежную стройку Ак-Довурак!

Мы проехали по Туве более 2000 километров. Сыграли 41 спектакль. Тысячи колхозников, труженников совхозов и районных центров, рабочих, учащихся и детей всех возрастов посмотрели наши спектакли.

Мы встретились с чутким и благодарным зрителем, который явился тем необходимым «третьим участником», с помощью которого произошло подлинное рождение наших спектаклей. В Ленинграде, несмотря на абсолютную доброжелательность и профессионализм членов кафедры и немногочисленных зрителей, языковой барьер все-таки воздвигал между исполнителями и зрительным залом если и не стену, то во всяком случае забор, через который можно было понять основные события, но нелегко было заметить важные частности, оттенки отношений, уловить внутренние глубинные ходы. В Туве принималось каждое слово, мысль, поступок, чувство. Спектакли набирали силу.

Зачастую мы играли оба наши спектакля в один день с двухчасовым перерывом в степи под ошеломляющим солнцем. Люди приезжали с полевых станов, с гор за 20—30 километров на лошадях, тракторах, автомашинах и даже на верблюдах.

Студенты играли, забыв о зное, жгучем ветре, усталости. Свободные от спектакля придерживали рвущиеся от ветра кулисы, исполняли обязанности бутафоров, костюмеров, рабочих сцены, грузчиков. После спектаклей к нам за кулисы приходили почтенные старики, руководители колхозов и совхозов, многочисленные родственники наших студентов. Все отмечали общий успех, разбирали отдельные роли, благодарили ребят, передавали благодарность Ленинградскому институту.

Последний, 41 спектакль — это была сказка «Анчы-Кара и Ангыр-Чечек» — мы сыграли в Кызыле. После окончания спектакля студентам была вручена грамота обкома ВЛКСМ, а мне — грамота Президиума Верховного Совета Тувинской АССР. Вручала грамоту красивая седая женщина, напоминавшая мне образ большевички Клары из афиногеновского «Страха», — президент Тувы Б. Ш. Долчанмаа. В этом было еще одно знамение времени — советского времени для республики, где ранее женщину называли херээжок — ненужная. В Советской Туве женщины собираются на традиционные съезды — хуралы, гостем которого я была в этот приезд, и вершат хозяйственные и культурные дела своей республики.

6. ПОСЛЕ ГАСТРОЛЕЙ. IV КУРС — „ТАРТЮФ“

Гастроли явились для нашей студии серьезнейшим экзаменом, во время которого произошел как бы диалектический скачок, обнаруживший и укрепивший не только профессиональный рост студентов, но и их отношение к труду, друг к другу, их коллективизм. Обнадеженные всем этим, мы с профессором Макарьевым решили включить в наш учебный репертуар пьесу мирового значения — блистательный шедевр Мольера «Тартюф».

Мы представляли себе всю сложность этого опыта: сложность перевода стихотворной пьесы на тувинский язык, чужие характеры, дальность эпохи, обычаев, этикета и т. п. Лексический строй даже русского варианта при первом знакомстве вызывал массу недоуменных вопросов.

Но мы понимали также, что путь артиста, человека, гражданина, исследователя жизни, по выражению И. Г. Эренбурга, «куда более широк, чем традиции одной страны или душа одной нации». Кроме того, у нас был метод, завещанный К. С. Станиславским, — метод овладения чужими обстоятельствами через магическое «если бы», т. е. через логику и последовательность физического поведения самого творящего роль актера.

Трудности только укрепляли нас в необходимости столь серьезного опыта, расширяющего жизненные представления наших учеников — социальные, эстетические, духовные.

«Тартюф» читался нами, как пьеса о нашей сегодняшней непримиримости ко всякого рода авантюризму, демагогии, ханжеству, лицемерию и к порождаемой посетителями этих качеств атмосфере лжи, истерии, страха и глупости.

Была у нас еще одна задача — «реабилитировать» Мольера и возразить Пушкину в его известном утверждении о том, что

«у Мольера скупой только скуп...» и т. п. В лучшей своей комедии «Тартюф» Мольер создал характеры очень емкие и далеко не однозначные.

Работа началась обычно. В большом количестве этюдов и упражнений мы осваивали обстоятельства пьесы, пристраивались друг к другу, выясняли события и т. п. Помню один из первых этюдов, который видоизменялся и обрастал новыми подробностями. Его основным событием стал приход Тартюфа в дом Оргона.

В начальный период работы мы шли от себя, примитивизируя мотивы поступков, выстраивая лишь действительную физическую, видимую и понятную линию. Мы, например, говорили одаренному Л. Солун-оолу — Тартюфу: «Если бы ты сам пошел в богатый дом, где тебе хотелось бы остаться, потому что тут тепло, уютно, сытно кормят, а ты — лентяй, работать тебе не хочется... как бы ты себя вел, что бы ты делал, как бы относился к обитателям дома?» Постигая логику Тартюфа через физические поступки: подслушиваю, подглядываю за всеми, подкрадываюсь, чтобы стащить из буфета мясо, вино, льщу и подлизываюсь к религиозной бабушке и т. п., у Солун-оола, ранее вдохновенно и темпераментно сыгравшего Сергея Луконина, появилась бесшумная походка, как-то чуть-чуть набок ушала голова, при людях он часто шевелил губами, как бы шепча слова молитвы и беседуя с богом, закатывая кверху глаза; рукам потребовались четки и молитвенник (это возникло после посещения Музея религии)... Выстроив поведение всех действующих лиц по логике физического взаимодействия, далее мы стали увеличивать степень активности каждого их поступка. Ведь у классициста Мольера все события в «Тартюфе» совершаются за один день, а событий множество и каждое последующее — важнее предыдущего. Темпо-ритм «Тартюфа» необычайно высок. Так, наш Тартюф, общаясь с Дориной, Клеантом, Оргоном, хотел казаться не просто нравственным, а высоко-нравственным человеком, не просто религиозным, а человеком фанатичной веры, святым. Солун-оол нашел характерную для Тартюфа внешнюю неторопливость человека внутренне собранного, вынашивающего далеко идущие планы, а потому боящегося ошибиться, просчитаться. Будучи все-таки пойманным Дамисом «с полчными» (сцена III акта — объяснение с Эльмирой), наш Тартюф каялся так же неторопливо, обстоятельно, в благородном унижении, оборачивая этот спектакль против своих «гонителей» и «клеветников». Заметив, что ему удалось убедить Оргона в своей невиновности, он, как опытный провокатор, доводит Оргона до истерики, до безрассудного поступка — проклятия сына и изгнания его из дома. Далее — то уми-

рая, как смертельно оскорбленный человек, то оживая, то плача и жалуясь, то замыкаясь в гордом молчании, он провоцировал Оргона на щедрую подачку и получал более того, на что рассчитывал: дарственную на имение, руку дочери Оргона и желание Оргона видеть его всегда рядом с женой.

Арсенал ханжеских, демагогических приемов Тартюфа расширялся от репетиции к репетиции. Роль вырастала от внутренних оценок, которые нам выдавали глаза Тартюфа — настороженные, изучающие, цепкие, циничные, излучающие то святость, то жадность и вожделение. Важнейшее место в работе над этим и другими образами отводилось «внутреннему монологу», в котором и происходит момент оценки, подготавливающей поступок.

У исполнителя роли Оргона — Ч. Монгуна, — с большой искренностью сыгравшего сцену II акта — с дочерью и Доринпой, сцену III акта — защиту «оклеветанного» сыном Тартюфа, никак не получались сцены I акта — с Доринной и Клеантом, т. е. и здесь было «правдоподобие чувствований», но еще не было «истины страстей». А ведь без этих ключевых сцен, в которых Оргон полон преклонения перед Тартюфом, обожания, веры в него, невозможно сыграть кульминацию — сцену IV акта — разоблачение лицемерия и гнусности Тартюфа, цинично склоняющего Эльмиру к супружеской измене, издевающегося над небом и людьми, над своим другом и благодетелем Оргоном. Степень разочарования, глубина трагедии Оргона зависит от степени веры в Тартюфа в I, II, III актах. Однажды на репетиции мы предложили нашему Оргону зримый образ колокольни Исаакиевского собора, как символ величия, недостижимости Тартюфа для Оргона. На эту высоту вслед за своим другом карабкается Оргон и... понимает, что карабкается за выдуман-ным героем. А реальный Тартюф в это время соблазняет его жену. Оргон падает с высоты. Он жив, но его сердце разбито, разбита вера в бога и в людей...

Чадамба Монгуш подумал, усмехнулся, смерил глазами расстояние от пола до потолка, пробил взглядом потолок... и начал словами, жестом, глазами, сердцем воздвигать пьедестал для святого Тартюфа, убеждая шурпина Клеанта вместе с ним проинкнуться величием друга...

В рамках статьи невозможно рассказать о длительном, сложном процессе становления характеров, рождении спектакля.

Сейчас, когда я заканчиваю эту статью, «Тартюф» уже сдан нами кафедре. Члены кафедры и совета факультета драматического искусства поздравили студентов и преподавателей с большой творческой победой. Особенно удачными признаны

работы студентов: персонального стипендиата — стипендия им. И. М. Москвича — Л. Солун-оола в роли Тартюфа, Ч. Монгуша в роли Оргона и обаятельной, умной, дерзкой и смелой Ирины Даваа в роли Дорины.

Я не могу не отметить помощь в работе преподавателя по речи и. о. доцента З. В. Савковой. И, конечно же, работу над костюмами к «Тартюфу» В. Г. Коршиковой. Костюмы эти, включающие лишь элементы исторического костюма, не стесняли своеобразную пластику тувинских актеров и помогали более точному раскрытию характеров.

Итогом 4-летней работы курса был показ на Малой сцене института трех наших спектаклей: «Парень из нашего города», «Анчы-Кара и Ангыр-Чечек» и «Тартюф». Преподаватели нашей и других кафедр, члены партийного бюро института тепло поприветствовали тувинцев перед отъездом на родину.

7. ГОД СПУСТЯ — В ЛЕНИНГРАДЕ И КЫЗЫЛЕ

Ребята уехали, и для меня, как для всякой мамы, потянулись дни ожидания вестей из Тувы. И вот письма:

«...Выехали на гастроли. Играем каждый день. Никто не позволяет себе играть «просто так». Зрители платят нам теплым приемом».

«...Мы перевыполняем финансовый план. Все здорово устали, но довольны. Спектакль тяжелый (речь идет о «Парисе»), с самообслуживанием. Успех огромный».

«...Мы живем хорошо, хотя много бытовых трудностей. Вся студия работает очень дружно. Слушаемся друг друга, помогаем, подсказываем. Мы очень, не хвалясь, растем творчески. Очень важно, что мы самостоятельны... За «Тонгур-оола» (дипломный спектакль И. Т. Комбу) получили первое место в театре, и все мы получили премии».

«...То, чему вы нас учили в институте, не забыто нами...»

«...Зрителям после наших спектаклей хочется встречаться с нами, понять, что такое искусство, что такое актер. И мы им об этом рассказываем, читаем, поем, танцуем. Зритель тоже растет, глубже понимает искусство. И мы будем играть для них еще лучше, чтобы поднять их патриотизм, чтобы они еще лучше поняли современность и красоту жизни».

...И во всех письмах, телеграммах слова благодарности институту, педагогам, вопросы о новых премьерах, о здоровье, о новых студентах, о Ленинграде — их второй родине.

А весной 1968 г. из Тувы в Ленинград прилетела первая «ласточка» — Иван Тоолаевич Комбу, наш дипломант-режиссер, приехал на защиту своего режиссерского диплома. И. Т. Комбу с успехом защитил свой первый профессиональный спектакль,

поставленный им с нашими студентами по пьесе С. Тока «Тонгур-оол». Пьеса о 30-х годах Тувы, времени становления коллективных хозяйств и общественного сознания людей, о борьбе с феодалами и личных судьбах героев.

Пьеса не потеряла своего значения и в наши дни, т. к. проблемы моральной ответственности за свое поведение в общественной жизни, отношения к людям, места и значения партии в жизни общества — все это не может не волновать современного зрителя. Забегая вперед, скажу, что когда мы смотрели этот спектакль в Кызыле, мы видели горячую реакцию зрительного зала — то присмирившего и напряженного, то взрываемого смехом. Нас самих волновала неожиданность то драматических, то комедийных ситуаций, интересное раскрытие сложных характеров Тонгур-оола (Л. Солун-оол), Сандака (К. Сагды), Сержинмаа (М. Солун-оол) и др., высокогражданственный, оптимистический пафос спектакля. «Тонгур-оола» мы с З. В. Савковой смотрели в Кызыле вечером 6 июня 1968 г., прилетев туда в этот же день. А с 7 июня началась напряженная работа по 8—10 часов в сутки. Мы углубляли, уточняли поведение героев наших спектаклей, их взаимоотношения: З. В. Савкова работала над речью, дыханием, звучанием сцен, монологов, я возвращалась к построению отдельных ролей. Это было особенно необходимо для девушек, которые, став мамами, в течение долгого времени не могли играть спектакли. Так мы восстановили роли Няни в сказке, Анны Ивановны в «Парне из нашего города» — для Анны Ширин-оол, Вари Бурминой — для Маши Солун-оол, которая очень тонко и глубоко сыграла эту роль на дипломе.

В работе, в беседах о жизни, о творчестве, о будущем молодых актеров мы поняли, как повзрослели наши ребята, как укрепились они в тех профессиональных и этических принципах, которые в них воспитывали в Ленинграде. Радовало их бескомпромиссное отношение к себе и товарищам, большая по сравнению с годами учебы сдержанность во время работы, такт, понимание, что нет предела для творческого роста, неуспокоенность, радовали их творческие планы.

И вот уже разработан план проведения смотра дипломных спектаклей, разосланы пригласительные билеты, встречены председатель экзаменационной комиссии народная артистка РСФСР Елена Петровна Карякина и ректор института доктор исторических наук, доцент Виталий Федорович Шипкин, уточнен состав комиссии, куда вошли руководители театра: главный его режиссер заслуженный артист Тувинской АССР С. Л. Оюп и директор Р. О. Далай-оол, принимающие в свой дом новое молодое пополнение, и др.

Дипломные спектакли шли с 11 по 13 июня. Атмосфера

зала была удивительно праздничной. Волнение молодых артистов передавалось зрителям, в основном, тоже молодежи. Волновались и старые замечательные артисты, с хорошим пристрастием глядя на будущее ими созданного театра.

Молодые артисты во всех 3-х спектаклях работали с трепетной отдачей, обеспечивающей сопереживание зрителей. Это духовное единение стало залогом нашего успеха.

14 июня утром состоялось заседание экзаменационной комиссии, где был подведен итог пяти годам «жизни в искусстве» тринадцати молодых людей. Дополняя доброжелательную, объективную оценку комиссии, мне хочется сказать особо о тех студентах, которые отмечены в решении комиссии высшей актерской квалификацией. Это Ирина Даваа в роли Дорины, покорившая зрителей высоким артистизмом, умная, тонкая, необычайно женственная актриса.

Кроме Дорины, Ира сыграла Варю Бурмшу, Суслика в сказке, Ойнар-оола в «Тонгур-ооле». Из ребят: Хертек Ширин-оол, который на дипломе с комедийным блеском сыграл глупого и жадного байского сына в сказке, ладного красавца капитана Гулиашвили в «Парне», романтичного Валера в «Гартюфе», сдержанного, волевого, целеустремленного Бедик-Кара в «Тонгур-ооле»;

Чадамба Монгуш в ролях байского сына, Сафонова, Оргона. Чонука проявил себя как острохарактерный актер, хорошо чувствующий комедийную и драматическую сущность своих героев. Его смешной и трогательный Оргон надолго запомнится зрителям;

Кадр-оол Сагды — актер интеллектуальный, любящий раздумье, лиричный. Удивительно глубоко сыграл Кадр-оол скромного умницу — красивого человека Аркадия Бурмина.

В «Тонгур-ооле» Кадр-оол отлично играет роль Сандака — коварного, жестокого врага. Роль возрастная, острохарактерная, сложная, неожиданная в палитре Кадр-оола.

Сказочно обобщен Кадр-оолом образ Анчы-Кара, которого он играет более лирическим и сказочным по сравнению с национально достоверным, очень земным Анчы-Кара Ляндупа Солун-оола.

Солун-оол и на дипломе не подвел родной институт, где он был отмечен персональной стипендией им. И. М. Москвина. С философской обобщенностью, с тончайшими нюансами сыграл Ляндуп Гартюфа. Страстно конфликтовал с самим собой, побеждая в себе старое, плохое, утверждаясь в служении людям в «Тонгур-ооле». Так же страстно утверждает Солун-оол лучшие черты героя нашего времени в «Парне из нашего города», где он играет Сергея Луконина. Вспоминаются слова профессора Л. Ф. Макарьева, сказанные им на заседании кафедры по

поводу всех ролей Солун-оола: «Солун-оол — философский герой, всегда и во всем. Он не столько сценичен, сколько человечески достоверен».

Кроме них, отличную оценку получили еще пять человек: Дадар Барынмаа, Мария Солун-оол, Дадар Хая, Кара Анчымаа, Роза Чооду.

Добрые слова заслужили все 13 человек за свою увлеченность, преданность избранной профессии, хорошую обученность, хорошие человеческие качества.

Вечером 14 июня после сыгранного сверх программы «Тонгур-оола», в присутствии зрителей, на сцене, отныне ставшей их сценой, их родным домом, молодым артистам были торжественно вручены дипломы.

За 50-летнюю историю нашего института еще ни одна группа молодых актеров не получала свою «путевку в жизнь» в таких представительных, дружественных, радостных «предлагаемых обстоятельствах».

На сцене были члены экзаменационной комиссии, представители обкома КПСС, народные артисты Тувы, главный режиссер театра, мы, их педагоги и воспитатели, и полный зал друзей, родных... И букеты цветов, и искренние речи, и трогательные, от сердца идущие слова Дадар Барынмаа, которая вместе с Л. Солун-оолом и Кадр-оолом Сагды получила диплом с отличием... Ослепительный свет телевизионных ламп, и еще ярче этого света блеск глаз тринадцати молодых артистов, красивых, нарядных, взволнованных, благодарных...

На этом же торжественном акте грамотами Президиума Верховного Совета Тувы были награждены за свой труд народный артист РСФСР Л. Ф. Макарьев и преподаватель по речи доцент З. В. Савкова. Я была удостоена высокого звания заслуженной артистки Тувинской АССР. Так официально была признана моя любовь к Туве, мое с ней родство.

8. ФИНИШ ИЛИ СТАРТ?

Вопрос чисто риторический. Разумеется, старт! Так думаю я. Так, я уверена, думают наши ученики — наши единомышленники. Финиш — конец, остановка — противопоказан искусству, в котором вечно действуют законы неуспокоенности, поисков, открытий.

Николай Васильевич Гоголь сказал, что театр — это кафедра, с которой можно поведать миру многое.

Каким же духовным богатством, профессиональными и общими знаниями, пониманием общественно-политических процессов, знанием человеческой природы должен обладать актер,

чтобы иметь право говорить с высокой кафедры, именуемой Театр.

Ведь современный зритель каждый день получает огромное количество информации — по радио, телевидению, из газет, из жизни.

Театр призван раскрыть перед зрителем природу «человеческого духа», человеческих отношений, заставить зрителя задуматься об ответственности каждого перед обществом, перед близкими, перед самим собой...

Известно, что человеческий «век» сравнительно недолог. Можно прожить его «как черви слепые живут» — как горьковский Уж — обыватель, мещанин, который довольствуется прозябанием в темном и сыром ущелье, а можно и должно так, как гордый Сокол, безумству которого «поем мы славу!» Я от всей души желаю своим молодым друзьям-ученикам яркой и прекрасной жизни в искусстве. Светите людям, щедро им служите! Помните, у Шекспира: «Чем больше трачу, тем становлюсь щедрее и богаче?»

Диплом — право на служение народу средствами своей профессии. Сюда входят: «Труд, Терпение, Талант» — шуточно-серьезный «витамин», придуманный нашим общим учителем Л. Ф. Макарьевым. Принимайте это «лекарство» каждый день.

Я перебираю свой тувинский «музей»: записи этюдов, рисунки, теоретические работы И. Т. Комбу, Кадр-оола Сагды, Люндупа Солун-оола; протоколы и постановления совета студии — не всегда приятные, ведь пять лет немалый срок в жизни коллектива, и наш воспитательный процесс не был гладким; я рассматриваю фотографии первых этюдов и дипломных спектаклей, перечитываю письма, телеграммы, улыбаюсь рисунку, подаренному мне на день рождения Володей Серен-оолом. На нем изображена женщина в тувинском национальном костюме и написано: «Лидия Григорьевна — тувинка»... Я читаю записанный в решениях совета лозунг, взятый нами у замечательного педагога А. С. Макаренко: «Не пицать!» Это значит — не поддаваться трудностям, не унывать, не жалеть себя, это значит — упорно работать, помогая товарищам, уважая их, радуясь их удаче. «Не пицать!» — это значит уметь воспринимать критику, замечания без обиды, с благодарностью.

«Не пицать!» — это подлинная интеллигентность: воспитанность, скромность, уважение к старшим.

Из беседы с главным режиссером театра заслуженным артистом Тувинской АССР С. Л. Оюном мне стало известно, что коллективу театра предстоит большая и интересная работа над классическим и современным репертуаром. Коллектив театра силен. Уверена, что молодые артисты поймут, как почетна и

ответственна любая работа: и большая, и маленькая, эпизодическая.

Разумеется, я желаю нашим питомцам огромных свершений. Я знаю, они мечтают о Павле Корчагине и Гамлете, Любови Яровой и Джульетте, об участии в «Хайыран-боте», об инсценировке «Слова арата». И, конечно, они, молодые, должны сыграть своих современников в еще не написанных пьесах о жизни своей солнечной республики.

Я желаю вам, мои родные, исполнения желаний, крепкого здоровья, радостного творчества!

В добрый час!

О НАРОДНОЙ ТУВИНСКОЙ МУЗЫКЕ

(Сомнения и размышления)

Вот уже пять лет живу я в Туве. Пять лет я слушаю народные песни и наигрыши, вместе с другими музыкантами участвую в приеме песен самодеятельных композиторов. Одним из первых слушаю произведения композиторов-профессионалов и даже пытаюсь разобраться в них немного глубже, чем просто слушатель. И все это время не оставляет меня ощущение двойственности. Радость удовольствия и горечь сожаления. Это живет во мне как две стороны одного явления, когда я мысленно пытаюсь охватить тувинскую музыку как единое целое. Как знать, может быть, я и не прав, может быть, я не совсем верно понимаю неизбежность и необратимость исторических процессов, протекающих в музыкальной культуре Тувы. Но одно дело понимать, другое — чувствовать. И вот чувствами-то своими мне трудно примириться с тем, что подсказывает очевидность и разум. И хочется разобраться в этом, ведь это может оказаться заслуживающим внимания.

К музыке тувинской я притих, можно сказать, «по делу». И все мои сведения о ней ограничивались слухами о легендарном горловом пении. Это была осень двадцатого юбилея республики. В концертах и по радио звучали народные и композиторские песни. Музыка была непривычной и казалась однообразной. Наверное, такое впечатление возникнет почти у каждого, кто так резко сменит музыкальный «климат». Но необходимость познать народную тувинскую музыку изнутри (для дипломной работы в консерватории) привела к неожиданным и, на мой взгляд, закономерным результатам. Первая же командировка в район к народным певцам открыла совсем другой мир, начисто лишенный внешних, официальных или артистических черт. Мне показалось, что дорога длиной всего в двести

километров увела меня на двести лет назад. По улицам современных городов и поселков ходили обыкновенные современники-труженики. Но в тишине отдельной комнаты, наедине со мной и магнитофоном происходило преобразование: глаза прищуривались, и перед обращенным внутрь взором вставал (как мне кажется) иной, может быть даже, вневременной мир, мир, в котором сплелись пространство и время, конкретные образы и эмоции. Эти песни не были их и е с н я м и, они были частью их самих, бессознательным проявлением каких-то первородных инстинктов и впечатлений. Так недра нашей планеты «создают» залежи угля и нефти, вырачивают кристаллы, хранят залежи минералов. Так живут, зреют в народных певцах и художниках впечатления от окружающей жизни, чтобы потом явиться наружу крохотными блестками орнамента, рисунка, напева. И вот что удивительно (при всей естественности) и неоспоримо: напевы эти, при всем их классическом совершенстве, составляют единое целое с ландшафтом, в лоне которого они были выношены. Мне не раз приходилось «испытывать» народными песнями и горловым пением страстных поклонников тувинской природы. Их мнение было единодушным: в напевах, в необычном звучании каргыра и сыгыта интуитивно слышится «созвучие» неповторимых горных пейзажей, воссоздается ощущение величественной гармонии природы, нетронуемого покоя вечности.

Я сказал: «на двести лет назад». Но это не значит, что спетые мне песни выглядели старинными, совсем нет. Они были просто тувинскими по своему характеру, по своему психологическому единству с личностью их творцов. Ведь если немножко думать и сравнивать, то нетрудно заметить их отличие, например, от народных русских песен. Интонации тувинских песен более строги, гораздо менее чувствительны, чем интонации многих русских песен. При сравнении характеров мы обнаружим то же соотношение: тувинцы гораздо скромнее, «экономнее» в проявлении своих чувств, чем русские, хотя в глубине и силе этих эмоций различия нет. Видимо, где-то в этих и подобных моментах и проявляются наиболее глубинные, характерные черты каждой нации.

Так народная тувинская песня заняла прочное место в ряду удовольствий, которыми одарила меня Тува. Все мои последующие встречи с тувинской песней напоминали встречи с давним другом. И вот тут начинается первое «но». Пока что речь шла об исполнителях подлинно народных, о пении без сопровождения. Здесь и характерная манера петь «на горле», и полная свобода—сопровождение отсутствует. Всеми перечисленными певческими достоинствами (все время надо помнить, что мы говорим о совершенно самобытном, глубоко

национальном певческом искусстве) обладают и солисты музыкально-драматического театра, я имею в виду Кара-кыс и Максима Муңзуков, Екатерину Кенденбиль, Хургулек Конгар, Николая Ользей-оола. Но как часто приходится сожалеть о нарушении характера песни недостаточным сопровождением (как в смысле ансамбля, так и в смысле инструментальной музыки сопровождения). Вопрос о создании настоящих высокохудожественных аккомпанементов к народным напевам назрел давно, но, очевидно, не очень сильно отягощает совесть наших композиторов. А зря. Ведь это тоже часть национальной музыкальной культуры, которую тоже необходимо сохранять и пестовать.

Второе «но», думаю, что еще более важное. Вы приходите на концерт и слушаете хорошо знакомых певиц и певцов. Приходите домой — по радио снова звучат те же голоса. У нас нет претензий к этим голосам, у нас есть претензии к отсутствию других голосов. Одно дело — малая инициатива корреспондентов и редакторов радио, другое — отсутствие молодых носителей чисто народных традиций на профессиональной, государственной сцене. Самая молодая певица — Ошкюсаар Таспанчик — уже прошла школу европейского пения, у нее профессионально поставленный голос. Она хорошо поет народные тувинские песни, но не могу сравнить я ее пение с пением простой колхозницы из Чиргакы, где я был осенью 1964 года. Кара-Сал Кулзенмаа Дембирель нигде не обучалась, и, может быть, поэтому ее чистый и звонкий голос звучал так свежо и естественно. Это было полное слияние с художественным образом напева. Я не знал слов исполняемой песни (она опубликована в сборниках со словами С. Сарыг-оола под названием «Колыбельной»), да и в словах ли дело. Ведь и сами народные певцы буквально до тридцатых годов нашего века не стремились исполнять с определенной мелодией одни и те же слова. Покояло и очаровывало само пение, удивительно сочное и просторное, где-то, я бы сказал, даже дикое по своей природе. И в этом была прелесть неповторимая. Где же они, натуральные молодые голоса? Ведь мы встречаем их на самодеятельной сцене, сильные, молодые и музыкальные. А на торжественных концертах поют народные, но, увы! пока что одинокие, всем известные артисты. А ведь существует непререкаемая истина: то, что записано от народных певцов и переложено на ноты, при воспроизведении уже не будет воссоздано с первоначальной точностью. Тем более певцами-профессионалами. На семинаре в Ленинграде мне удалось услышать совершенно изумительное исполнение «Басен» грузинского композитора К. Габуния. Пели три грузина. Невозможно рассказать о тех вокально-исполнительских деталях и тонкостях, которые и придали исполненному

произведению свое неповторимое лицо. Разумеется, эти тонкости и детали характерны только для певцов-грузин и в нотах композитором не обозначены. Ноты выпущены нотным издательством, и практически эта музыка может быть спета любым мужским терцетом (трехголосным ансамблем). Но вы никогда не услышите того, п е р в о з д а н н о г о единства музыки и исполнения. Потеряется главное — собственное лицо. А теперь вернемся к музыке тувинской и представим себя на концерте через двадцать, например, лет. В каком виде сойдет со сцены народная тувинская песня, если ее исполнят выпускники музыкальных училищ и консерваторий? Ведь сидящие в зале тувинцы не поверят им, особенно это относится к слушателям старшего поколения.

Все это рождает новую серию вопросов. В наш коллективизованный и весьма ускоренный век молодой тувинец с ранних лет на много часов в день взят из домашней обстановки. Долгие зимние вечера он уже не проводит у очага юрты, слушая сказки и бесконечные песни стариков. В его жизнь вошло радио, самодеятельность школьная и вузовская. На смену плавной и широкой народной мелодии пришли активные, с острыми ритмами песни и танцы советских и зарубежных композиторов. Явления бесспорные и закономерные в своей основе резко нарушили естественное движение музыкальной культуры тувинского народа. И если в целом такое властное вмешательство мощных музыкальных течений оказалось плодотворным, развивающим и обогащающим, то в отдельных сторонах оно может оказаться роковым. Первое и грозное тому предупреждение — уход в вечность многих и многих старинных напевов (и сказок, и пословиц). Необратимое время уводит с собой самых старых, самых «богатых» песнями и сказками. В стремлении взять у них для истории и для народа как можно больше снаряжаются экспедиции от институтов. Но разве смогут эти «консервированные» произведения искусства заменить собой вечное и живое народное творчество?! Миллионы любителей музыки наслаждаются записями и г р ы гениального пианиста Сергея Рахманинова. В то же время эти же произведения вновь и вновь оживают под пальцами других талантливых музыкантов. Здесь же речь идет не о неповторимом певце и горловике (хотя это тоже имеет некоторый смысл), но о сохранности с а м ы х произведений народного искусства. А ведь беспокоить это должно в первую голову молодых представителей своего народа. За многие столетия монгольского и китайского ига тувинцы сохранили и развили свою н а ц и о н а л ь н у ю музыкальную (и иную) культуру. Новый, социалистический уклад жизни открыл новые возможности и пути для дальнейшего расцвета н а ц и о н а л ь н о й по форме культуры. В творчестве компози-

торов-профессионалов А. Чыргал-оола, Р. Кенденбиля, С. Бюрбэ, Д. Хуреш-оола мы видим это движение вперед и вширь, обогащенное влиянием сильной в своем воздействии русской музыкальной культурой. Более сорока самостоятельных, иначе говоря, народных композиторов стремятся совместить традиционное и благоприобретенное (о результатах такого совмещения разговор особый и серьезный). Но при всем этом возникает опасность утраты подлинно народных произведений и исполнительских традиций, основы основ национального искусства. А ведь этого не должно случиться. Если посмотреть на все, даже самые малые страны в центре Европы, то мы не сможем не поразиться, насколько живучи и необходимы людям этих стран древние национальные традиции. Ежегодным национальным праздником в Польше до наших дней сохранилось соревнование городов по мастерству в области культуры и быта. Национальное искусство и национальные традиции становятся предметом серьезного изучения и всенародного освоения практически у всех народов. Ибо сейчас, как никогда, велика опасность нивелироваться, растерять национальную индивидуальность под влиянием широкого международного обмена культурами. И в этом огромном многонациональном мире каждый уважающий себя народ хранит неповторимую свою прелесть, воплотившуюся в тысячах подчас и незаметных мелочей и деталей. И, очевидно, недаром организовано в нашей стране Общество по охране памятников культуры. Время безжалостно стирает приметы прошлого, вместе с пережитками уходят и очень существенные и неповторимые черты. Памятники архитектурные могут быть реставрированы, они смогут обрести вторую жизнь. Но устные, исполнительские традиции необходимо культивировать, сохранять и развивать. И это должно быть так же естественно, как продолжение рода, как непрерывность самой жизни.

Снова и снова проходят передо мной лица простых певцов из простого народа. Их лица спокойны и бесстрашны, когда они начинают петь. Только в прищуренных глазах горит какой-то нездешний огонек. Резкий гортанный голос выводит мелодию, изгибами своими повторяющую изломанную и строгую линию хребтов далеких, потонувших в голубом мареве гор. И мудрая простота напева как будто гипнотизирует тебя, отстраняет от повседневности и суеты. Настроенное в унисон с певцом твое внутреннее существо наполняется спокойствием и силой. И нет больше времени, есть только необъятная вечность и беспредельность, и ты — могучая частица ее.

Смолкает певец, но музыка остается. Она и в ритме шагов, и в причудливых нагромождениях безмолвно вслушивающихся скал. Она и в торопливом гортанном выговоре, и в спокойной

самоуглубленности задумавшегося человека. Она естественна и необходима, своя музыка у каждого народа, родившаяся из потребности выразить единство внешних проявлений жизни, внутреннего мира человека и прародительницы-природы. Такой музыке — жить вечно, ибо она сама — одно из самых тонких проявлений самой жизни.

К. АНТОШИН

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ ХАКАССКОГО НАРОДА*

Роман Николая Доможакова «В далеком аале» — первое крупное произведение хакасской прозы — яркое свидетельство невиданного культурного роста хакасского народа, сумевшего не только создать свою литературу, но и достичь крупных художественных завоеваний. Он посвящен изображению самого важного этапа в многовековой истории хакасов — социалистическому обновлению всей народной жизни в первые годы Советской власти, когда под животворным влиянием ленинских идей ломался старый, веками устоявшийся уклад жизни обездоленных царизмом пастухов и охотников и рождалась новая социалистическая Хакасия.

Только что отшумела гражданская война. Партизанская армия Кравченко и Щетинкина разгромила колчаковские банды на юге Сибири, белогвардейские банды барона Унгерна отброшены за кордоп в монгольские степи. 1920 и 1921 годы на юге бывшей Красноярской губернии. Действие романа развертывается в небольшом затерянном в необозримой Чобатской степи селении — аале, приютившемся у подножия горы Чолбах-Тигей. При знакомстве с первыми главами романа, в которых изображаются повседневные будни пастухов аала, может показаться, что за годы революции жизнь степняков мало изменилась. Размеренно и однообразно течет она, наполненная своими заботами и тревогами, скромными радостями и огорчениями. С большой живостью и достоверностью воспроизводит автор своеобразный уклад жизни и быта хакасов первых революционных лет. Мужественные и трудолюбивые пастухи живут

* *Николай Доможаков. В далеком аале. Роман. Перевод с хакасского Г. Сысолятина. Сибирские огни, № 11—12. 1968 г.*

в постоянной нужде, каждодневной заботе о хлебе пасущем. Несметные стада овец и табуны коней, которые пасут чабаны и табунщики, принадлежат не им, а улусному богатейско-пидому баю Хапыну, главе большого хакасского сеока (рода), безраздельно распоряжающегося всеми богатствами в аале.

Но так продолжаться жизнь хакасской бедноты не может: в разбуженном революцией хакасском селении растет и зреет классовая борьба, в устоявшейся веками народной жизни должны были пробиться и решительно пробиваются ростки новой жизни.

С большими трудностями утверждается революционная повесть в отдаленном от уездного центра Минусинска глухом аале: националист Пичон Почкаев, пробравшись в Советы, всячески препятствует проникновению в хакасское село новой жизни. Опираясь на националистов и бандитов, скрывающихся в глухих и безлюдных дебрях Хаза-тайги, он ведет тайную, скрытную борьбу с Советской властью и коммунистами.

Ведущая сюжетная линия романа связана с появлением в аале русской семьи Польшцевых. Бывший партизан армии Кравченко и Щетинкина Федор Польшцев после трагической смерти отца, расстрелянного карателем-колчаковцем Самохваловым, вместе с женой Варей и дочерью Зойкой покидает Минусинск и направляется в деревню Бондаревку. По дороге он случайно становится свидетелем несчастья. В степи подбирает Федор тяжело раненного подростка хакаса Сабиса и доставляет его на своей повозке в Чобатский аал.

Председатель сельского Совета Пичон Почкаев, желая разжечь недоверие хакасов к русским, обвиняет Федора в бандитизме и задерживает в улусе.

Временно оказавшись в Чобатском аале, кузнец Польшцев все более и более сживается с бедняками хакасского селения, завоевывает их симпатии и доверие. Он устанавливает в селе кузницу, обучает молодых хакасов кузнечному ремеслу, а позже, по указанию уполномоченного Минусинского исполкома Жаркова, сколачивает отряд добровольцев и ведет его на борьбу с бандитами, укрывающимися в Хаза-тайге. Рыжебородый русский великан, прозванный хакасскими пастухами Улуг Федором, что значит Большой Федор, сроднился с батраками и навсегда остался в Чобатском аале. Его жена Варвара Петровна организует первую в аале школу и обучает хакасских ребятшек грамоте.

Рассказывая о появлении в хакасском селе русской семьи Польшцевых, о том, какое влияние Федор и Варвара Петровна оказывают на бедняков улуса, Н. Доможаков раскрывает поистине великую роль русских коммунистов в социалистическом обновлении некогда заброшенного и глухого края. Правдивое

освещение этого немаловажного процесса в жизни хакасов придаст роману большую политическую значимость и социальную остроту. В романе показано, как хакасская беднота все более и более убеждается, что русские большевики несут им равенство и братство, освобождение от байской кабалы. Их надежды на лучшую долю связаны с именем великого вождя Ленина. Пастух Сагдай в одном из эпизодов романа мысленно беседует с вождем: «Мы, аргыс Ленин, все равно сделаем такую жизнь, к которой ты нас зовешь!» В его воображении встает образ Ильича. Ленин в этом диалоге отвечает Сагдаю: «Я верю вам. Желаю вам как можно скорее покончить с бандами в Мишеугском уезде. А потом вы и темир чолы — железную дорогу — от Ачинска до Мин-Суга проведете, и Кара-Таг — Черная гора — даст каменный уголь, и всех до одного баев народ прогонит... А еще желаю, чтобы новый год назывался в Хакасии кизи чылы — годом Человека...»

Повествуя в романе о преобразовании хакасского улуса, о решительной борьбе бедняков аала, возглавляемых коммунистами, против баев и бандитов, писатель утверждает мысль о торжестве ленинских идей, ленинского начала в народной жизни.

Основная тема романа Н. Доможакова — тема хакасского народа, делающего первые решительные шаги по пути к новой жизни, — раскрывается в произведении ярко и убедительно. С большой правдивостью и достоверностью показывает автор полную забот и тревог жизнь пастухов, людей по-своему одаренных, любящих родную землю, политую потом и кровью своих предков. Выходец из народных низов, сам в детские и юношеские годы пасший байский скот и познавший на себе байскую жестокость, несправедливость, Н. Доможаков с большой симпатией и сердечной теплотой изображает пастухов аала.

Вполне оправданно в центре романа ставит он семью бедняка Хоортая Мангировича Ардыкова. Представители трех поколений этой семьи потомственных батраков наиболее полно олицетворяют в себе положительное начало в хакасском народе: свободолюбие, душевную доброту и простосердечие рядовых труженников, их любовь к родной земле и труду.

Пожалуй, больше всего удался автору образ дедушки Хоортая. Ага Хоортай наделен в романе педюжипным умом. Он воплощает в себе народный опыт и народную мудрость, нравственную чистоту, поэтическое понимание природы родных степей.

Не менее правдивы и выразительны в романе образы дочери Хоортая Домны и зятя Сагдая.

Трудолюбива и одарена от природы скромная труженица Домна: ни минуты не посидит она без работы, без дела.

Муж Домны Сагдай — смелый и опытный табунщик — всю

свою жизнь проводит верхом на коне. Его жизнь проходит в постоянных тревогах и лишениях. Жизнь в степи научила его тонкому и глубокому пониманию природы, умению разбираться в следах, по отпечаткам копыт находить ускакавших в степь лошадей. Вольнолюбивый сын степей не мирится со своим положением батрака, борется за свои права, выступает против байского гнета.

Путь Сагдая к новой жизни, его активное участие в борьбе с бандой Пичона продиктованы логикой классовой борьбы: байский батрак без колебаний вступает в ряды народной милиции, с оружием в руках защищает завоевания революции.

Иным путем приходит к борьбе за новую жизнь сын Сагдая и Домны — Сабис. Сабис честен, смел, решителен, но неопытен и горяч. Так, он было поддается уговорам мстительного байского сынка-недоросля Тойона, предложившего юноше взамен на солового жеребца показать на суде, что виновником его увечья был не Тойон, испугавший коня, а русский рыжебородый. Но под влиянием дедушки Хоортая, мучимый совестью, вовремя прозревает Сабис, честно признает, что испугал Солового Тойон. С отрядом добровольцев смелый юноша участвует в разгроме банды Пичона. Ни на минуту не отстает Сабис от Улуг Федора, одним из первых врывается в бандитское гнездо. Во время боя проявляет незаурядную храбрость и находчивость. Отыскав в бандитском стане любимого коня Солового, лихой всадник возвращается с победой в родной аал.

Можно заметить, что хакасская беднота в лице самых различных ее представителей в романе изображается не как безликая серая масса покорных и забытых людей: каждый из героев-тружеников романа наделен своим характером, резко выраженными индивидуальными чертами. Здесь и лукавый, смешливый, неунывающий Апах, сосед Хоортая, и застенчивый Пулат, и так непохожие друг на друга батраки Хапына: Каной, Тирнук, Такай и вечная труженица со слезящимися от дыма глазами Ату, и любознательная, общительная красавица Онис, первая грамотная женщина в аале, мастерица изготавливать коньмы, и другие.

Особое место в романе занимает повествование о сложном пути к новой жизни хакаса-охотника Кормаса. Обманутый хитрым Пичоном, Кормас некоторое время «дружит» с председателем Чобатского Совета, рассказывает дальновидному националисту о тайных таежных тропах и перевалах, ведущих в горную Туву. Но во время встречи в охотничьей избушке с Сабисом и Улуг Федором русский богатырь открывает глаза заблудшему бедняку на скрытый смысл тайной деятельности Пичона, задумавшего поднять политически отсталых хакасов против Советов.

И с этих пор навсегда расходятся дороги Кормаса и Пичона. Решив искупить свою вину перед народом, Кормас проводит отряд Федора Полинцева потайным, ему лишь одному известным охотничьим лазом через пещеру в ущелье, где скрываются бандиты.

В романе показано, как труженики-хакасы не мирятся со старыми обычаями и несправедливыми общественными отношениями в улусах, выступают на решительную борьбу с баями и бандитами. Объединившись в коммуны, под руководством коммунистов, строят они в Чобатском аале новую жизнь.

Революционную повесть, социалистические идеи несут пастухам и охотникам хакасских селений русские коммунисты Кузьма Егорович Губенков, один из первых борцов за Советскую власть в Минусинском уезде, и уполномоченный Минусинского исполкома в Хакасии Петр Иванович Жарков.

Велик Минусинский уезд. На его территории без труда можно вместить европейскую державу средней величины. Трудно Губенкову укреплять Советскую власть в уезде, налаживать мирную жизнь: на севере уезда в ширинской тайге поднимает голову банда Оловьева, на юге Хакасии грабят русские и хакасские села, золотые и железные рудники бандиты националистов Пичона и Серге. Кузьма Егорович умен и проникателен. внимателен и чуток к людям. Умелый организатор и опытный руководитель, он способен оказать большую помощь людям, найти верное решение многих вопросов, поставленных перед коммунистами уезда самой революцией.

Роман «В далеком аале» — первое крупное эпическое произведение о судьбе одного из малых народов нашей Сибири в первые годы Советской власти. Красной нитью через весь роман проходит мысль о неизбежности победы нового, революционного, разбуженного к жизни революцией, над старым и отмирающим. В нем живо ощущается глубокая ненависть к народным захребетникам — баям и националистам различных мастей, к врагам революции, пытающимся любыми средствами удержать старую жизнь, сохранить прежние порядки.

Роман Н. Доможакова «В далеком аале» — произведение подлинно народное. Народность проявляется в романе в созданных автором характерах представителей хакасов, в языке произведения, густо насыщенного хакасскими пословицами, поговорками, в его образной поэтической структуре, идущей от устного творчества хакасов, и, самое важное, в авторской тенденции поддержать положительное начало в народной жизни, показать закономерность, неизбежность утверждения новых общественных отношений между людьми, торжество ленинской национальной политики, проводимой в жизнь нашей партией.

Николай Доможаков — один из старших представителей ха-

каской творческой интеллигенции, пришедший в национальную литературу еще на раннем этапе ее развития. За многие годы творчества он накопил немалый опыт художественного осмысления прошлого и настоящего своего народа. Писатель широко использовал свои творческие возможности в самых различных жанрах литературы: он автор ряда поэтических сборников и отдельных поэм, произведений драматургического характера. Наибольших же успехов он достиг в поэзии и прозе.

М. ХАДАХАНЭ

В „ТИХОМ УГОЛКЕ“

В Туве в последнее время появилось около десятка новых произведений. Среди молодых прозаиков выделяется Кызыл-Эник Кудажы. Его рассказы свидетельствуют о новых тенденциях в развитии этого жанра в Туве. Рассказ «Шончалай» — это воспоминание о первой любви. И вот необыкновенная встреча в степи спустя двадцать лет. Образ молодой женщины пронизан лирическим светом, она олицетворяется со степным тувинским цветком шончалай. С большой эмоциональной силой ведет автор свой рассказ, без тени самолюбования или ложного пафоса. Тихо, просто, доверительно. Духовная жизнь героев отмечена тонкими психологическими штрихами, и у них есть чему поучиться: и силе чувства, и свежести восприятия мира, и трудовой закалке. Такого нарастания психологизма еще не было в тувинском рассказе.

Другое хорошее качество К. Кудажы — поиск новой формы, новой темы.

Маленькая повесть «Хлеб» — о дружбе народов, о преемственности поколений. Причем он сумел избежать уже наметившегося штампа, банальности в решении этой темы и нашел свое, собственное. Интересное развитие получает главная мысль — хлебом насущным держится жизнь, великим трудом человеческим. В тувинской прозе чаще изображался арат — скотовод, охотник, пастух. Впрочем, для этого есть основание, ибо Тува — это край овец, шерсти, пушнины, и чабан здесь важное лицо. Показывая тувинца-землепашца, К. Кудажы по-новому освещает многие стороны жизни. Сцены ожидания будущего урожая, картина страдной уборочной поры исполнены большого жизненного смысла и своеобразной поэзии. Старик Суван погибает в тюремном застенке, оклеветанный баями. Встреча с Николаем во многом прояснила темное сознание тувинца. Русские мужики послали старику и его сыну в тюрьму нож, запе-

ченный в хлебе. Правда ленинских идей осенила последние дни Сувана. За хлеб мирных дней пужно бороться всегда и беречь его, как жизнь. На одинокой степной могиле колышется просо — тувинский хлеб. А бывший партизан сын старика Сувана стал настоящим хлеборобом. Образы овсяны героическим ветром революционной романтики, а написаны предельно жгучо и емко.

Однако главную долю первой книги К. Кудажки на русском языке составляет повесть «Тихий уголок».

Писателя привлекла судьба демобилизованного солдата Эреса, энергично включающегося в трудовую жизнь в «Тихом уголке».

Нелегко сложилась судьба парня. В детстве он был покинут суеверными родителями (дети в этой семье умирали), и его воспитала семья Оюна Херела. Старик проводил единственного сына в армию и дал наказ: «Настоящий мужчина должен беречь и защищать честь своего Отечества и честь своего отца. Я не пропаду. Для меня народ — одеяло, общество — рубашка». За время службы Эреса в армии умер отец, изменила девушка, обманул друг. Солдат молча носит свое горе в душе и уезжает из родного села в другое место — в «тихий уголок», боясь жалости, сплетен, пересудов. В колхозе «Чодураа» («Черемуха») начинает свою жизнь Эрес Херел. Много разных людей проходит по страницам повести. Добродушная толстуха богатырского сложения Тос-Танма, у которой огромная, как юрта, шуба, а когда она входит в дом, то под ней жалобно прогибаются доски пола. Сама сердечность, мудрость, проворство, ссорка народа в этом образе. «Широкое лицо ее сияло той радостью, которую может испытывать только человек, до бесконечности добрый к людям, глубоко уважающий их труд и умение».

Молодая женщина Долаана — строгая, сдержанная в чувствах — раскрывается только в конце книги на страницах своего дневника. Ее муж-комсомолец погиб от руки врагов в годы коллективизации, оставив ее одну с грудным ребенком на руках. Незаметно для себя Эрес и Долаана потянулись друг к другу — родилась любовь, как всегда в таких случаях нелегкая, с размолвками, легкоранимая. Повесть Кудажки радует отлично разработанным сюжетом, верными психологическими наблюдениями, остротой нравственных коллизий, романтикой.

«Эрес возвращается в родное село, словно верная птица к родным гнездовьям: власть земли, где он родился, вырос и познал первые радости, сильна и безотчетна... Кто знаком с этим, кто знает, какое чувство охватывает человека, возвращающегося после долгого отсутствия к знакомому ночлегу, тот поймет, как тревожно и вместе с тем упоительно радостно было на душе молодого сержанта... С малых лет родное село ему знакомо до последнего плетня и колдобины на дороге. И солд-

це, и тучи, и ветер, и запахи его — свои, особенные, неповторимые. Таких больше нет нигде. И сколько бы раз он ни уезжал и ни возвращался, село всегда волнуется, печально и радостно».

Эрес нашел свое место в жизни, он многому научился, хотя было непонимание со стороны председателя колхоза, несправедливый арест, происки соседа, непрощенная любовь юной девушки...

Кудажи умеет ярко рисовать картины труда, радость жизни: девушек на колхозном току, зимовку чабана, встречу трактористов. Не откажешь ему во внимательном взгляде на природу, автор вплетает народные присловия в речь своих героев: из скота милее всех верблюды, из родни ближе всех свояк; желания конки выше таежных вершин. У него нет щедрости, избытка в сравнениях, но они, как говорил К. Паустовский, точны, как логарифмическая линейка, и естественны, как запахи укропа: груди, похожие на горбки маленького верблюжонок; женщина, уже повернувшая к старости. Вот еще небольшой штрих: «Они спустились по лестнице, стараясь не касаться друг друга» (герои после размолвки).

Что же не удовлетворяет в повести? Испытание характера Эреса проводится иногда на словах, а не в поступках, в действии. Нет напористой борьбы в отстаивании своей точки зрения. Много тумана в образе Мыйыс-Кулака — глухого продавца веников, а в действительности затаившегося врага. Отрицательные герои выведены без особой психологической прорисовки.

У многих тувинских писателей есть любимый поэтический образ Улуг-Хема, не обошелся без него и наш молодой прозаик.

Примечателен эпилог: «Простую эту повесть писал не я — сама жизнь. Я только имел счастье поставить под ней свою фамилию». Эта отсылка действительно подчеркивает жизненную достоверность произведения.

В книге два переводчика — москвич А. Буртынский и кызылчанка М. Рамазанова. Они сумели в основном верно передать своеобразие и колорит писателя. Несколько удивляет появление у А. Буртынского таких сочных русских выражений, как «наяривал и уметелил», и некоторых отсебятии в тексте.

М. Рамазанова находится в более выгодном положении, она отлично знает тувинский язык, и это позволяет ей с большой точностью передавать манеру писателя. Ей мешает лишь излишняя сентиментальность.

«Тихий уголок» К. Кудажи интересен не только с точки зрения талантливости и индивидуального своеобразия автора. Это заметный шаг вперед всей очень молодой тувинской прозы.

Анатолий ОСТАПЧУК

ДЕТИ И ПРИРОДА

Фотоэтюды

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ

Усыщенные ягодами кусты смородины растут по краю большой поляны. После полумрака и прохлады леса она кажется очень просторной и светлой. Типична. Слышно, как рядом жужжит, зацулавшись в паутине, муха, журчит вода маленького лесного ручья. Цветов на поляне уже не видно. Побуревшие высокие травы, украшенные желтыми метелками, жестки и почти сухи. Они громко шелестят под ногами, осыпая на землю облачка семян.

Неожиданно замечаю, что я не один. Кто-то идет через поляну напрямик по высокой траве, направляясь в мою сторону. Среди высоких стеблей мелькают две точки — черная и белая. Приготовив фотоаппарат, молча жду у старой березы. Вот показываются два мальчугана. Одному — года четыре, второй — постарше. Физиономии у обоих перепачканы смородиной, руки — тоже. Они с интересом разглядывают меня.

— Вы чьи?

Молчат. Оглядываются, жмутся друг к другу.

-- Вы куда идете?

Тот, что постарше, неопределенно пожимает плечами, робко объясняет:

— Посмотреть хотим, что там...

В это время доносится женский голос:

— Амир-оол! Амир-оол! Где ты?

Мальчишки оглядываются и нехотя идут обратно.

Через мянуту к ним навстречу выходит из-за деревьев

встревоженная мать. Слышу, как она что-то строго говорит старшему. Улавливаю только последнюю фразу:

— Эх вы, первооткрыватели...

И снова вокруг тишина...

САШКА

Так он представился мне, солидно протянув свою испачканную чем-то руку. Затем, внимательно разглядывая фотоаппарат, висящий у меня на груди, по-прежнему без улыбки спросил:

— А карточки трудно делать?

— Да нет, — ответил я ему. — Подрастешь — научишься.

— Вот и мамка всегда говорит: «подрастешь»... А я бы сейчас хотел научиться.

— Ну, учись... Возьми вот, попробуй.

Сашка крепко обхватил руками аппарат, повертел его, осторожно поднес к глазам... Вдохнул тяжело и протянул мне обратно, сокрушенно пожав плечами:

— Не получится сразу...

Я не выдержал и рассмеялся: до того забавным и не по возрасту серьезным показался мне этот мальчишка, с которым мы встретились случайно на берегу Енисея. Сашка посмотрел на меня внимательно и, вдруг повернувшись спиной, стал медленно спускаться к воде по береговому склону. Я растерянно смотрел ему вслед, но улыбку сдержать не мог. Все в нем, начиная от позы и походки, кончая странно подобранной одеждой, выражало гордость и независимость. Большая фуражка с внушительным козырьком была небрежно сдвинута на затылок, широкие коричневые шаровары плохо держались на нем, и он, очевидно уже привычным движением, через каждые два-три шага подтягивал их вверх. Подобрал на берегу какую-то палку, Сашка небрежно уселся на камень и стал смотреть на ребятишек, играющих на стоящей рядом барже. Он не оглянулся в мою сторону, когда я подошел к нему.

— А ты обидчивый...

Сашка, наконец, улыбнулся и совсем по-детски попросил:

— Сделай мне, дядя, карточку...

Отказать ему было невозможно. Потом мы еще долго сидели у самой воды, бросали в нее камушки, говорили о кораблях, море, ветре... Оставалось только поражаться огромной любознательностью Сашки и цепкостью его памяти.

ЗНАКОМЫЕ ПРИМЕТЫ

Небогата красками юная весна. Не может она похвалиться ни буйной зеленью, ни разноцветьем трав. Одно богатство имеет — солнце. Золотом рассыпаются его лучи по земле, к жизни и свету зовут природу и человека. И идет человек навстречу к ним, послушный зову, идет, как зачарованный. Взгляните на улицы города, которые вдруг стали светлыми и просторными, присмотритесь к ветвям тополей. Они покажутся вам хрустальными, потому что их нежит солнце. А если остановите на улице любого кызыльчанина и спросите у него, какой сегодня день, он обязательно ответит — весенний. На то есть свои приметы.

На скамейках скверов и парка уже появились бабушки. Значит, тепло — примета первая. Но, как всегда, они не одни. Где бабушки, там и внучата. Мы не ошиблись. Взгляните на снимок (стр. 180), не от них ли сбежали эти мальчишки-близнецы? Очевидно, устали братья, отдыхают на солнышке, поставив рядом свой транспорт. Оба абсолютно одинаковые, даже по голосу. Как различают их мама и папа — уму непостижимо.

А чуть поодаль щебечут, смеются три подружки. Две в пальтишках, одна — вторая примета — просто в платице: значит, поверила весне и солнцу. Схватив девчонок за руки, тащит

их за собой, тормозит, зовет куда-то. Они улыбаются смущенно и не идут. Наверное, домой спешат — в руках портфели.

Что за стук над головой? Дятел не дятел. Нет, вроде бы гвозди кто забивает. Задрали мы головы, глядим, зажмурились, вверх, а там, на тополе, еще одна примета весны. Окликнули ребят — не отвечают, заняты делом: домики для птиц прибивают.

ВЕСЕННИЕ ВСТРЕЧИ

Наш парк хорош в любое время года. Но лучше всего он кажется мне весной. Точнее, ранней весной, когда спят еще тополя и только кое-где появляются первые проталины. В обычный день здесь не очень много людей. Иногда лишь под вечер можно встретить на просторных аллеях одинокую фигуру любителя этого чудесного уголка природы.

Мне очень нравится парк поздней осенью в его последней увядающей красоте, летом, когда в его любом уголке можно найти приют от изнуряющей жары, отдохнуть в тени ветвей. Но ранней весной он рождает какие-то особые, каждый раз по-новому воспринимаемые чувства. В это время здесь легко дышится, легко думается и мечтается.

Представьте себе ясный солнечный день, бездонное голубое небо над головой и стройный ряд могучих тополей вдоль малохоженной тропы. В такую минуту очень хочется взять в руки кисть и с умножением переносить на полотно все, что видят глаза, что окружает тебя в эту минуту. Но, к сожалению, никакая кисть и никакие краски не в силах воссоздать всепобеждающую красоту жизни, торжественную тишину весеннего дня. Косые лучи солнца, словно золотые нити, пронизывают неумовимо дрожащий воздух, украшают стволы деревьев причудливыми бликами, рождают на снегу легкие голубые тени. А снег податливый и мягкий. Он уже не скрипит под ногами, как в зимние морозные дни. Его ноздреватая, источенная солнечными лучами поверхность похожа на морскую зыбь, прижатую напором ветра. Снег не скрипит. Он поет. Поет под ногами какую-то свою жалобную, но все-таки весеннюю песню. И это пение снега, и эта нежная игра света и легких теней рождают в душе ту особую приподнятость, которую можно назвать лишь вдохновением.

Среди частых посетителей парка я встречаю пожилого человека, который почти всегда приходит сюда с девочкой лет пяти. Мне приходилось видеть их в разных местах, но везде одинаково увлеченными. Мужчина всегда что-то объясняет девочке, а она восторженно поблескивает на него глазенками, внимательно слушает и с серьезным видом вышагивает рядом. Несколько раз я пытался их сфотографировать, но так и не решился нажать украдкой на спусковую кнопку, хотя было очень заманчиво унести с собой кусочек подсмотренной человеческой жизни. Почему я этого не сделал, трудно сказать.

Я опять столкнулся с ними в одно из воскресений, когда спешил на стадион, стараясь не опоздать к началу хоккейного матча. Они, как всегда, медленно прогуливались вдвоем, тихо разговаривая между собой. День был очень хорош. Занятый другими мыслями, я не сразу обратил на них внимание. А тут словно подтолкнул меня кто-то, и я невольно замедлил шаг, подойдя к перилам мостика на центральной аллее, затем обернулся, несколько мгновений смотрел им вслед и... не выдержал — щелкнул затвором.

Когда закончился матч, я долго ходил по знакомым местам, надеясь встретить их снова, но так и не нашел своих знакомцев. Но встретил много других, молодых и пожилых, в спортивных костюмах и теплых пальто, совершенно разных по внешности и очень похожих одним — улыбками. Многие несли на плечах лыжи, некоторые шли просто так, смеясь и перебрасываясь шутками.

В моем аппарате остался последний кадр. Очень хотелось истратить его на что-то значительное, поймать на пленку весну

в природе и настроении людей. Но ничего подходящего не было. И вдруг, уже при выходе из парка, справа от дамбы ослепительно блеснула вода. А на противоположном краю весеннего озера шла, возвращаясь с прогулки, семья. Здесь в одном мгновении отразились и солнечный день, и первое дыхание весны, и все то, ради чего приходили в парк мои незнакомцы и десятки других людей, также влюбленные в эту нежную красоту мартовского дня.

ОТЦВЕЛА ЧЕРЕМУХА...

Весну зовут красавицей. Зиме отдают суровость. Осень всегда золотая. Лету же остается только зной. Бывают весны ранние, зимы и осени поздние, а лето словно бы сразу приходит точно по календарю, и, лишь когда уходит, называют его бабьим.

Но бывает оно все-таки ранним, когда теряют деревья весеннюю мягкость, свежесть, нежность своей листвы. Когда густеют травы, наливаются соком их стебли и кружит по лесным

тропинкам летняя метелица. Белые лепестки-снежинки отцветшей черемухи устилают теплую землю, и больше не слышно аромата ее цветов, крепкого, пряного запаха белой кипени. Как будто и не цвела она вовсе, не украшала своими яркими кистями берега Енисея, аллеи парка, городские улицы. Не видно ее летом.

Давно упали на землю клейкие чешуйки тополей. Начинает уже осыпаться яблоневый цвет. И словно нехотя, в грустной задумчивости роняют низкие деревья свое бело-розовое убранство. Только успел навести фотоаппарат на усыпанную цветами тонкую веточку, глянул, а уж нет их и половины — шумно налетел ветер, подхватил нежные лепестки и понес, играя, куда-то по дороге.

Вот оно — раннее лето. Высокое, бездонное, очень голубое небо. И солнце. Везде, куда ни глянешь, — солнце, солнце. Наклонился над водой — больно глазам до рези. Блестит вода, да так ярко, что лучше и не смотреть на нее. Солнце — в воде, солнце — на листьях деревьев, солнце — везде. Стали красными спины мальчишек на берегу протоки — солнце, сделался мяг-

ким асфальт на тротуарах — тоже солнце, люди оделись в яркие, праздничные одежды — благодаря солнцу, стало больше улыбок, радости, тепла — также спасибо солнцу.

Под деревьями парка настанется зеленый сумрак. Окунешься в него, и тянет назад, на опушку, к свету, который пробивается сквозь ветви деревьев, причудливо разрисовывая землю серебристыми дорожками. И кажется, что звенит там листва, сняет воздух, сказочным ореолом окутывая стволы деревьев и фигуры людей. А здесь, в полумраке, прохладно и тихо жужжат комары, охраняя лесные тайны.

Двое мальчишек с удочками на плечах деловито прошагали мимо по тропинке, даже не глянув в мою сторону, и исчезли в зарослях. Хлопая длинными черными ушами, неуклюже разбрасывая лапы, чуть погодя пробежал за ними низкорослый пес. Иду следом. Осторожно пробираюсь сквозь колючие заросли кустарника. А вокруг жизнь: голоса, шорохи, стуки. А вот и они, мальчишки. По колено в воде стоят, вполголоса разговаривают, насаживая на крючок наживку. Услышали щелчок фотоаппарата, не выдержали — улыбнулись. Что ж, мальчишки есть мальчишки. Попросят сфотографировать их еще и обязательно в воде, рядышком. Спрашиваю: «Друзья?» Отвечают серьезно: «Конечно». А как их зовут, забыл спросить...

Лето уже пришло. И хоть по календарю еще последний месяц весны, оно вступило в свои права. Побегут его дни. С одного на другой — теплые, жаркие, знойные. Дни, как ступеньки лестницы. Поднимутся до вершины ее и снова вниз, в обратном порядке. Но дни особенные, пахнущие только летом. Какой их запах? Зима пахнет елкой, осень — палым листом и грибами, весна — землей и цветами. А лето? Узнайте сами.

ГОЛУБЬ — ПТИЦА УМНАЯ

— Сережка-а-а! Иди сюда! — зовет с высокого крыльца женщина. В огороде, между гряд, среди стеблей подсолнечника и кукурузы мелькает белобрысая голова. Босая нога показывает через перелаз, а через секунду во двор прыгивает и сам крепкий загорелый парнишка с выгоревшими добела волосами.

— Ну, чего?! — насупившись, спрашивает он мать, пряча за спиной руки.

— Есть-то иди, а то остынет...

Сережка, проводив ее взглядом лукавых глаз, запускает руку за пазуху и достает оттуда трепыхающегося голубя. Поднимает крышку ящика, бережно прячет его туда и, отряхнув брюки, идет в избу...

Вечером мы вместе сидим за сараем на куче старых бревен.

— Голубь — птица умная, только уход за ней нужен, —

серьезно рассказывает мне белоголовый мальчуган. — Ежик — тот проще.

И, погладив по животу перевернувшегося на спину щенка, добавляет:

— У нас в Кочетово у многих пацанов голуби есть. Растить их с маленьких надо. Тогда за сто километров увезешь, все равно домой придут. Вот, глядите...

Он приносит пару длинноклювых птенцов и, посадив их на плечо, гордо проходит по огородной тропинке. Голуби не улетают. Знают, видно, своего хозяина. Наверное, и в самом деле за сто километров прилетят.

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

(Из дневника Оюна Мандара)

1942 ГОД

7 марта. Получена телеграмма из Кызыла, в которой сообщается, что 15 марта в Кызыле созывается конференция писателей Тувы, в телеграмме предлагается добиться командирования на конференцию одного из советских писателей в качестве делегата конференции.

9 марта. Из Наркоминдела сообщено, что, ввиду крайне поздней постановки вопроса о командировании в Туву к 15 марта одного из советских писателей в качестве делегата конференции писателей Тувы, командировать указанное лицо не представляется возможным. Действительно, вопрос этот поставлен очень поздно, учитывая, что в условиях военного времени всякие подобного рода командировки сопряжены с трудностью.

16 марта. Получены из кинохроники шесть копий кинокартины «Цветущая Тува». В ближай-

шие дни предполагаем отправить эти копии в Кызыл по почте.

23 марта. Посетил заведующего третьим дальневосточным отделом НКВД тов. Латышева. Поставил вопрос о необходимости ускорить командирование в Туву советского писателя, т. к. конференция тувинских писателей отложена исключительно из-за того, что в Туву ожидают приезда советского писателя, как делегата и гостя названной конференции.

10 апреля. Кинофильм «Страна Голубой реки» специально был показан работникам Наркомвнешторга — востоковедам. Впечатление о Туве осталось у всех прекрасное.

3 июня. Просили тов. Зотова (зам. пред. ВОКС а) оказать содействие в подборе пластинок для радиокомитета ТНР по списку, переданному Миссии тов. Тока. Тов. Зотов обещал подобрать

указанные в списке грампластинки.

Куйбышевской кинохронике сдан заказ на изготовление нескольких экземпляров кинофильма «Приезд тувинской делегации на Западный фронт с подарками для бойцов и командиров Красной Армии». Эта картина будет озвучена и в ближайшее время отправлена в Кызыл.

9 июня. Поставили вопрос о возможности приема восьми тувинских граждан в цирковое училище и двух — в музыкальную школу. Сделана заявка о командировании на работу в Туву на трехлетний срок одного балетмейстера с педагогическим уклоном, одного хормейстера-вокалиста, одного руководителя оркестра.

1943 ГОД

11 мая. Как и раньше, в помещении студии кинохроники Миссией был показан работникам НКВД, НКВДГ, ВОКС и Миссии МНР в СССР киножурнал о пребывании тувинской делегации на фронте с подарками для Красной Армии. Присутствовало свыше 20 человек, там же был устроен чай. Все присутствующие с большим вниманием и интересом просмотрели указанный киножурнал, восхищались, с какой заботой и искренним чувством относится тувинский народ к советскому народу и его героической Красной Армии.

22 мая. От редактора ж. «Красноармеец» получены 3 книжки журнала № 8 со ст. т. Тока и со стихами тов. Щипачева из тувинского цикла с иллюстрацией и фотоснимками. Все

11 июня. О командировке в Туву советского писателя на конференцию тувинских писателей вопрос давно решен, предложено поехать тов. Погодину.

28 сентября. Мною были поставлены тов. Латышеву следующие вопросы: об ускорении подбора и командировании в Туву на работу работников театра.

24 октября. Послана нота в Наркоминдел с просьбой о командировании в Туву советского писателя-фронтовика на первую республиканскую конференцию писателей ТНР, созываемую 15 ноября. К сожалению, этот вопрос поставлен очень поздно и едва ли советский писатель-фронтовик сумеет прибыть в Кызыл к этому сроку.

книжки посылаются тов. Тока.

31 мая. Посетил тов. Дубовенко. Поставил перед ним вопрос о командировании в ТНР на временную работу писателя-прозаика и поэта-переводчика. Тов. Дубовенко обещал довести мою просьбу до сведения руководства с тем, чтобы оно в свою очередь поставило этот вопрос перед Союзом советских писателей.

24 июня. Просил тов. Латышева командировать в Туву кинооператора сроком на 2—3 месяца, чтобы он мог заснять отдельные моменты сбора подарков среди трудящихся ТНР для Красной Армии, а также заснять некоторые эпизоды празднования 22-й годовщины ТНР и за это время обучить кинооператорскому делу 2—3 человека тувинцев.

30 августа. Миссию посетил

писатель-прозаик В. М. Кожевников. Тов. Кожевников сообщил, что он 31 августа выезжает в Тувинскую Народную Республику. Тов. Кожевников был информирован о характере предстоящей ему в Туве работы и просил по возможности пошире использовать тувинский фольклор и при помощи тувинских писателей разработать сценарий для художественного фильма о Туве и ее истории.

14 сентября. В Историческом музее гор. Москвы состоялось совещание работников московских музеев, на котором был заслушан доклад тов. Богатырева об организации Государственного музея ТНР. На совещании присутствовали профессор-историк и специалисты музейного дела... Необходимо отметить, что все участники совещания отнеслись к Тувинской республике с огромным интересом и сердечной теплотой.

15 сентября. Миссию посетили поэт Цищачев и директор изда-

тельства «Советский писатель» тов. Ярцев. Они принесли с собой два сигнальных экземпляра книги тов. Тока «В берестяном чуме». Мною сделан издательству заказ на эту книгу в количестве 200 экземпляров. Заказ этот будет выполнен к 25 сентября и тогда будут приняты меры к отправке 150 экземпляров тов. Тока.

28 сентября. Посетил директора типографии «Искра революции» тов. Карпова. Просил его ускорить печатание тиража книги Тока. Тов. Карповым было сказано, что в ближайшие дни печатание всего тиража книги будет закончено.

3 ноября. По приглашению ВОКСа были на совещании по вопросу оказания помощи Ученому комитету ТНР. На совещании присутствовали научные работники и профессора музеев г. Москвы и отдельных секций ВОКСа.

1944 ГОД

27 января. Посетил председателя Всесоюзного объединения «Международная книга» тов. Позднякова. Поблагодарив его за помощь, которую оказывает «Международная книга» тувинскому народу в развитии его культуры, попросил Позднякова оказать содействие в приобретении для вновь организованного в ТНР Ученого комитета Большой Советской Энциклопедии и другой литературы, необходимой как для работы Миссии, так и других учреждений ТНР. Тов. Поздняков выразил свою готов-

ность помочь тувинскому народу в развитии его культуры и в росте научных кадров.

27 января. Из ТНР в Москву возвратились гвардии старший лейтенант Кузнецов и гвардии красноармеец Билчир-оол Баазан, которые с увлечением рассказывали о их встрече в ТНР как членами правительства, так и населением Тувы (видимо, этот эпизод включен С. Тока в пьесу «Осуществленная мечта»).

14 февраля. Миссию посетил писатель 6-го кавалерийского корпуса Михаил Шульман (Вер-

пнин). Ввиду того, что по своей службе в армии тов. Вершинин все время соприкасается с жизнью и деятельностью бойцов 1-го тувинского добровольческого отряда, я попросил его написать ряд статей для «Тувинской правды» о боевых подвигах наших бойцов. При условии, если бы таких статей было много, можно было бы издать брошюру. Вершинин обещал мою просьбу выполнить.

9 мая. Миссию посетил писатель 6-го кавалерийского корпуса т. Вершинин, который только что вернулся с фронта и рассказал, что группа бойцов 1-го тувинского добровольческого отряда, вышедшая из госпиталя, вернулась в свою часть и ехать в гор. Ковров на отдых категорически отказалась. Тов. Вершинин также сообщил, что с фронта в штаб кавалерии поступили все документы, связанные с награждением бойцов 1-го тувинского добровольческого отряда. Из беседы с тов. Вершининым видно, что он желает описать ряд моментов, а также характерные моменты из жизни тувинских бойцов, сержантов и офицеров 6 кавалерийского корпуса и о боевых действиях на фронте Отечественной войны.

24 июня. В Миссии был организован прием-встреча советских писателей Степана Щипачева, Вадима Кожевникова, Михаила Вершинина с тов. Тока. На приеме присутствовали гг. Латышев, Тюрин, Калинин, Ензак, Кузьмин. После кратких воспоминаний, связанных с пребыванием Щипачева и Кожевникова в ТНР, тов. Тока произнес краткую речь, в

которой поздравил и поблагодарил писателей за их внимание и помощь, оказываемую как тувинским писателям, так и всему тувинскому народу в развитии национальной тувинской литературы. Тов. Тока отметил, что тувинский народ в настоящее время переживает особый момент, связанный с боевыми подвигами тувинских добровольцев, сражающихся на фронте, и тех, которые с боевыми заслугами возвратились домой. Тов. Тока призывал советских писателей как можно больше писать о Туве. Он заверил, что тем писателям, которые будут писать о Туве, будет оказана помощь как в Советском Союзе, так и в ТНР.

Здесь же краткую речь произнес Степан Щипачев, который отметил, что о Туве написано еще очень мало, но он выразил надежду, что теперь будут писать больше, т. к. в ТНР после приезда туда советских писателей оживилось стремление большого количества людей к писательской деятельности. Тов. Щипачев отметил большие заслуги С. Тока как яркого представителя молодой тувинской литературы. Он рассказал об отзывах советских писателей на книгу тов. Тока «В берестяном чуме» и просил автора как можно скорее написать 3-ю часть книги «Великий порог». В заключение своей речи он обещал оказывать тувинским представителям литературы необходимую помощь. Здесь же было высказано пожелание, чтобы в Советский Союз приехал тувинский писатель С. Сары-оол.

Во время беседы тов. Кожевников отметил роль и значение

отдельных тувинских писателей и сказал присутствующим, что им в настоящее время написано сравнительно большое произведение, но оно не отработано, т. к. он не имеет для этого достаточно времени. Здесь же он сослался еще на ряд причин, мешающих ему выполнить эту работу...

Присутствующие на беседе, разговаривая о создании большого произведения о тувинском народе, высказывали пожелания

пригласить в ТНР тов. Фадеева, который в беседе с тов. Кожевниковым якобы не возражал против поездки в Туву.

Прием прошел в исключительно дружеской обстановке.

30 декабря. Миссию посетил писатель-фронтовик тов. В. Кожевников, который поделился своими впечатлениями о поездке в ТНР. Во время беседы я передал ему книгу «В берестяном чуме» с автографом тов. Тока.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

П О Э З И Я

<i>Сергей Пюрбю. Кюзель. (Эпирическая поэма)</i>	3
Придет, уйдет весна	6
Поэту. Пер. Ю. Разумовского	7
Ленинграду. Пер. П. Железнова.	7
Сердце. Пер. Ю. Разумовского	8
Волны Улуг-Хема. Пер. Ю. Разумовского.	9
<i>Степан Сарыг-оол. Алдын-кыс. (Поэма.) Часть I. Пер. А. Емельянова</i>	10
Слова. Пер. П. Железнова	28
Пусть не стареет сотню лет. Пер. П. Железнова	28
<i>Байкара Ховенмей. «Если б не они...» Пер. Ю. Разумовского.</i>	30
В честь строителя. Пер. Ю. Разумовского	31
Силен шахтер. Пер. Ю. Разумовского	32
<i>Салим Сюрюн-оол. Ленин и свобода. Пер. Ю. Разумовского</i>	35
<i>Юрий Кюнзегеш. С высоты пятидесятилетия. Пер. Ю. Разумовского</i>	35
«Любил читать я у ручья...». Пер. Г. Некрасова	35
Огни цветов. Пер. Ф. Фоломина.	36
Человек похож на горы. Пер. Ю. Разумовского	37
Леса. Пер. Ю. Разумовского	37
<i>Олег Сувакпит. «На снегу мы наследили...» Пер. М. Скуратова</i>	39
<i>Алдын-оол Даржа. По следам Ильича. Пер. С. Козловой, А. Емельянова</i>	40
Прославляю Родину. Пер. Е. Старичиной	42
<i>Алексей Хуурак. Светлана Козлова. Испанец. (Поэма.)</i>	44
<i>Салчак Тамба. Я — солдат партии. Пер. С. Козловой</i>	50
Выше орла. Пер. С. Козловой	50
Письмо с Алтая. Пер. С. Козловой	60
<i>Кара-кыс Муизук. Отчизна-песня. Пер. П. Железнови</i>	62
Глаза матерп. Пер. В. Потемкиной.	62
Передай, ветерок. Пер. П. Железнова	63
Этот цветок — у меня. Пер. С. Козловой.	63

<i>Анатолий Емельянов.</i> Слово	65
Совесть	65
Чувства	67
Опять лечу в проворном газике.	68
<i>Екатерина Танова.</i> Из лирической тетради. Пер. В. Потемкиной	70
Край мой, гордость моя. Пер. С. Козловской	70
<i>Монгуш Доржу.</i> Здравствуй, Тува моя! Пер. Е. Старининой.	72
Один. Пер. Е. Старининой.	72
Письмо. Пер. Е. Старининой	74
<i>Алексей Арапчор.</i> Светит людям. Пер. В. Щепотева.	75
В дни листопада. Пер. В. Щепотева.	75
Письмо. Пер. В. Щепотева.	76
<i>Виктор Саган-оол.</i> Ленин и мать. Пер. С. Козловой.	77
Мой брат гвардеец-герой. Пер. М. Скуратова.	81
<i>Монгуш Олчей-оол.</i> Партии моей. Пер. С. Козловой.	83
Счастье строителя. Пер. Г. Некрасова	83
Черемуха. Пер. Г. Некрасова	84
<i>Очур-оол Монгуш.</i> Настроение. Пер. Г. Некрасова	85
Летнее утро. Пер. Г. Некрасова.	85
<i>Людмила Санчай.</i> Возрожденная.	87
Человеческое сердце	88
Снежинки.	88
Однажды в детстве	89
<i>Галина Принцева.</i> Казнены на рассвете	90
Швея.	91
<i>Куулар Суттуг-оол.</i> Река моя Шеми. Пер. С. Козловой	92
Сорванному красный цветок. Пер. С. Козловой	92
«Любовь я сравнил бы с бурной рекой...» Пер. С. Козловой.	92
<i>Александр-Русский.</i> Родине	93
«Я хотел высоким быть...»	94
«Если не услышишь...»	95
<i>Владимир Серен-оол.</i> Восьмистишия. Пер. Г. Некрасова.	96
Горловое пение — сыгыт. Пер. Г. Некрасова.	97
<i>Семен Бухтуев.</i> Саяны. (Шоферский вальс.).	98
Где улыбка твоя, Кара-кыс? (Песня чабана.).	99
Прощание с чайлагом	99
<i>Кустугур Сат.</i> «Ну, вот и кончен день труда...» Пер. В. Щепотева.	101
Умножается слава. Пер. В. Щепотева	101
<i>Анатолий Допчаа.</i> Будут вечно жить. Пер. Ю. Разумовского.	103
<i>Басилий Корягин.</i> Тувинский парень.	104
Осень.	105

ПРОЗА

<i>Салим Сюрюн-оол.</i> Глушь. (Отрывки из повести.) Пер. <i>М. Рамазановой</i>	106
<i>Ондар Биче-оол.</i> Провожание. (Рассказ.) Пер. <i>Г. Жаворонкова.</i>	119
<i>Геннадий Некрасов.</i> Пароль — «Революция». (Рассказ)	124

ФОЛЬКЛОР

Тувинские частушки. Пер. <i>А. Даржаа, С. Козловой.</i>	132
Охотничье благопожелание. Пер. <i>М. Хадаханэ.</i>	137
Свадебное благословение. Пер. <i>М. Хадаханэ</i>	138
Загадки. Пер. <i>М. Хадаханэ</i>	138

ВРЕМЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

<i>Лидия Гаврилова.</i> Кызыл — Ленинград — Кызыл	140
<i>Витольд Сапельцев.</i> О народной тувинской музыке.	159
<i>Константин Антошин.</i> Художественная летопись жизни хакасского народа.	165
<i>Мария Хадаханэ.</i> В «тихом уголке»	171
<i>Анатолий Остапчук.</i> Дети и природа. Фотоэтюды	174
Хроника культурной жизни военных лет	186

УЛУГ-ХЕМ № 11

литературно-художественный альманах

Редакционная коллегия:

*Сарыз-оол С. А. (ответственный редактор),
Саган-оол О. К., Сюрюп-оол С. С., Пюрбю С. Б.,
Кюнзегеш Ю. Ш.*

*Редакторы: Бородина А. Д., Хабаханэ М. А.
Обложка художника Чолдак Ян-оола
Художественный редактор Кузнецов И. Я.
Технический редактор Кузнецова К. И.
Корректор Сокурова К. А.*

* * *

Сдано в набор 28/X—1969 г. Подписано к печати 10/XII—1969 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Печ. л. 12,25. Уч.-изд. л.
10,13. ТС 01212. Тираж 4000 экз. Цена 67 коп. Заказ № 3321.
Тувинское книжное издательство, Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография управления по печати при Совете Министров Тувинской
АССР, Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 1.

